

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Обеспечение национальной безопасности России

6

А.Соколов

В статье обосновывается необходимость создания специального аналитического центра при Совете Безопасности Российской Федерации, действующего на постоянной основе для обеспечения подготовки и формирования взвешенной, научно-обоснованной позиции политического руководства по всему спектру вопросов обеспечения национальной безопасности страны.

Политическое управление внутренним вооруженным конфликтом

12

И.Мелехин

Излагая свой подход к политическому управлению внутренним вооруженным конфликтом и его особенностям в Российской Федерации, автор анализирует результаты исследования деятельности органов политического и военного управления в вооруженном конфликте в Чеченской Республике и предлагает меры по ее совершенствованию.

Россия и Китай в системе международной безопасности

20

Ю.Бойко, В.Севериков, М.Иванова

Исследуя положение России и Китая в современном международном пространстве с точки зрения расстановки мировых сил и их позиций в развивающейся системе коллективной безопасности постбиполярного периода, авторы показывают важность создания

систем региональной безопасности как инструмента взаимовыгодных отношений между странами региона и рассматривают подходы к стратегическому выстраиванию и развитию взаимоотношений России и Китая.

Брестский урок

28

И.Максимычев

Призвав учиться делать выводы из истории, автор напоминает историю заключения “Брестского мира” в 1918 г., приводит материалы, характеризующие замыслы германских империалистов в отношении России во время первой мировой войны и указывает на их совпадение с планами Гитлера на Востоке в 1940 г., а также на их сходство с подходами некоторых западных политиков в отношении нашей страны в настоящее время.

Традиции самоуправления в дореволюционной России

35

А.Зименков

Указав, что местное самоуправление имеет глубокие исторические корни в российском обществе, автор анализирует различные формы местного самоуправления в дореволюционной России, их роль в управлении обществом и влиянии на судьбу народа в различные периоды развития российского государства и делает вывод о том, что традиции самоуправления – это корни, на которые следует опираться сегодня при создании органов местного самоуправления.

Кризис миротворчества ООН

47

Л.Гришаева

Исследуя причины и суть кризиса миротворческой деятельности ООН, автор анализирует истоки и структурирует факторы, показывает пути реформирования миротворческой деятельности ООН с целью преодоления кризиса и выявляет роль России в этом процессе, делая при этом вывод о том, что система международной безопасности, которую олицетворяет ООН, нуждается в бережном реформировании, а не в разрушении.

Контуры геополитики Соединенных Штатов Америки

59

Н.Червов, Д.Толоконников

Характеризуя контуры геополитики США на современном этапе, авторы в историческом плане рассматривают стремление Америки к мировому господству с помощью военно-силовой политики и ее особенности на современном этапе, дают характеристику “нового мирового порядка” США и российско-американским отношениям и приходят к выводу, что главной стратегической целью США является овладение или установление контроля над мировыми энергоресурсами и решение таким образом теоремы мирового господства.

Словакия: вторжение без оружия

78

И.Дзуриндин

На примере Словакии автор показывает как иностранный капитал приспособливает под себя права человека и демократию в молодых демократических государствах, ис-

пользуя в этих целях так называемые неправительственные организации (НПО), которые открыто компрометируют и отрицают все законные социально-ориентированные начинания правительства страны, угрожающие господству и финансовым выгодам иностранных финансовых групп.

Технологии несилового разрешения международных и внутриполитических конфликтов

87

А.Манойло

Рассматривая англосаксонскую модель психологического управления современными конфликтами, представители которой – США, Великобритания – видят процесс разрешения конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон под собственные политические нормы и стандарты, автор отмечает, что она наряду с тремя другими культурно-цивилизационными моделями – восточноазиатской, ближневосточной (исламской) и западноевропейской (романо-германской), является сегодня одной из наиболее часто и эффективно применяемых международным сообществом моделей психологического воздействия на конфликтные ситуации.

Миграция – проблема средиземноморской интеграции

95

А.Вавилов

Указав, что острота и неоднозначность проблемы миграции из Африки осознается Евросоюзом в полной мере, автор рассматривает меры, которые необходимо предпринять для противодействия нелегальной миграции и установления системы контроля над миграционными потоками, а также подчеркивает необходимость выработки общей иммиграционной политики ЕС для регулирования приема и последующей интеграции мигрантов в новое для них общество, помогая им приспособиться к новым социо-культурным парадигмам.

Нормы европейского права в законодательстве ФРГ

103

Ю.Брык

Рассматривая на примере Директивы ЕС о потребительском кредитовании проблему внедрения норм европейского права во внутринациональную правовую систему ФРГ, автор кратко характеризует банковскую систему ФРГ, а также подробно анализирует саму Директиву и ее воздействие на оказание услуг по кредитованию населения и становлению банковского законодательства ЕС.

Политика Ирана в Закавказье

111

С.Семедов

Анализируя внешнеполитическую стратегию Ирана на кавказском направлении, автор приходит к выводу о сложности политической игры всех акторов в Закавказье. При этом он отмечает, что Иран проводит прагматичную, взвешенную и осторожную политику по отношению к трем закавказским государствам: Грузии, Армении и Азербайджану, хотя на нее существенно влияют политика России и США в регионе. Кроме того, рассматривается отношение Ирана к проблеме Нагорного Карабаха, его позиция по правовому статусу Каспия, а также религиозно-национальная проблематика.

О.Малеева

Анализируя имидж России, созданный зарубежными СМИ, автор показывает необъективность отражения действительности развития мировых событий и стран, прежде всего России, зарубежными СМИ, которая определяется политической волей руководителей мировых держав, интересами транснациональных корпораций и финансовых кругов, стремящихся любыми способами препятствовать превращению России в державу, способную защитить свои национальные интересы.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежала», доктор технических наук
ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокompании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель комитета по культуре
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Обеспечение национальной безопасности России

Алексей Соколов,
кандидат военных наук

Россия находится на новом этапе своего исторического развития. Реформируются основы государственного устройства и управления, осуществляется переоценка национальных ценностей и согласование интересов личности, общества и государства, дальнейшего развития социально-экономических, политических, правовых, этнических связей и отношений. Изменились подходы к обеспечению национальной безопасности, что, в свою очередь, позволяет по-новому рассматривать место и роль России в мире.

Понимание базовых национальных интересов России и основных инструментов их обеспечения неразрывно связано с занимаемым местом России в системе глобальных военно-политических отношений.

Современная военно-политическая обстановка характеризуется сочетанием двух основных тенденций: с *одной стороны*, стремлением большинства государств сформировать новую, более справедливую и демократичную систему международных экономических и политических отношений, а с *другой* – стремлением США к формированию однополярного мира, а также закреплением за собой права на одностороннее применение вооруженных сил на основании эгоистических национальных интересов вне мандата Совета Безопасности ООН.

Это ставит на повестку дня задачу переосмысления всего комплекса во-

просов, связанных с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации.

Следует напомнить, что национальная безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от любых внутренних и внешних угроз, при котором сохраняется целостность, устойчивость и способность к эффективному функционированию и развитию страны.

Национальная безопасность достигается предупреждением и устранением различных опасностей, источники которых классифицируются, с одной стороны, по характеру действия субъектов – на специально, преднамеренно или непреднамеренно созданные, а с другой – по отношению к объектам опасности – на внутренние и внешние¹.

Сегодня Россия сформировалась как целостное государство, вышедшее

из затяжного политического и экономического кризиса конца XX в. События последних лет свидетельствуют о возвращении на международную арену “игрока”, способного вести свою политическую игру. В данных условиях для России, как и для других государств, сохраняется значение военной силы как инструмента внешней политики и обеспечения национальных интересов. Однако политические рычаги остаются по-прежнему основными и их правильное использование приносит большие дивиденды, чем бряцание оружием.

Почему Россия заметно отстала в решении вопросов обеспечения национальной безопасности?

Беда заключается в том, что емкое понятие национальная безопасность в советский период искусственно расчленилось на отдельные составляющие, на сферы абсолютного влияния и ответственности различных союзных ведомств. Военная безопасность целиком находилась в ведении Министерства обороны СССР, государственная – КГБ, внутренняя – МВД. И лишь одна организация – Политбюро ЦК КПСС – осуществляла всеобъемлющий контроль над ними, но исходя из своих политико-идеологических устремлений. В результате по жизненно важным для государства вопросам решения принимались келейно, без глубокой научной проработки, часто не столько ради реальных потребностей страны, сколько в угоду политической конъюнктуре. К сожалению, многое из порочной практики прошлого живет и в наши дни².

Наиболее продвинутым государством в вопросах обеспечения национальной безопасности, конечно же, являются Соединенные Штаты Америки.

В США главенствующая роль в разработке и практическом осуществлении комплекса мер по обеспечению на-

циональной безопасности отводится государству.

В 1947 г. конгресс США принял закон “О национальной безопасности”, согласно которому был создан Совет национальной безопасности. Ежегодно президент США обращается к народу со специальным посланием “О национальной безопасности страны”, в котором устанавливаются приоритеты не только в сфере военной политики, но и в экономике, внешней торговле и во многих других сферах.

Формируют концепцию национальной безопасности все управляющие государственные структуры, руководители которых входят в Совет национальной безопасности (министерство обороны, ОКНШ, госдепартамент, ЦРУ и т.д.), а также научно-исследовательские учреждения и мощные научные центры стратегических исследований. Претворяя в жизнь стратегию национальной безопасности, направленную на формирование однополярного мира, наиболее одиозная организация – ЦРУ пронизала своими щупальцами всю систему международных отношений.

При непосредственном участии ЦРУ было свергнуто около 60 неугодных США правительств, при этом более чем в 50 случаях в этих государствах были установлены марионеточные режимы, которые сторицей возместили понесенные американскими налогоплательщиками убытки. Эти убытки компенсировались либо допуском к пользованию природными ресурсами, либо формированием очередного блока на пути к завоеванию мирового господства.

Всемерное отстаивание национальных интересов в современном мире реализуется при ведении политических войн, которые носят все более жесткий и циничный характер. Политика всегда была грязным делом, а в настоящее время со стороны США она строится

на самых низменных интересах людей, стоящих у руля государства.

Пророческими оказались слова Алена Даллеса, шефа ЦРУ с момента создания: "... Мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей!

Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. ...

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь, обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества.

Будем вырывать духовные корни, опопшлять и уничтожать основы народной нравственности.

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением.

Будем братьяся за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее.

Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов".

Именно по этому сценарию ведется работа на постсоветском пространстве при реализации национальных интересов США.

Профессор Института стратегических исследований армии США, ведущий специалист по России Стивен Бланк в своем интервью (середина 2003 г.). заявил:

"У России правительство очень низкого качества. В нем сложно найти людей, озабоченных национальными интересами страны, большинство из них думают лишь о себе"³.

Именно по этой причине на протяжении длительного времени российский обыватель не ощущал эффективности работы властных структур. На рубеже 2008 г. по отдельным признакам мы стремимся уйти от такого положения дел, и национальные интересы все-таки выходят на первый план. Это, в первую очередь, проявляется в подьеме экономики, укреплении обороноспособности государства, а также в активизации конструктивного внешнеполитического курса. Россия значительно реже стала отвлекаться на внутриаполитические проблемы и наступает время, когда ее амбиции позволяют перейти к ведению активной политической "игры" на чужой территории.

Однако для проведения уверенной внешней политики нужен комплексный подход, обеспечивающий сбалансированное состояние четырех основных составляющих:

- стабильность во внутренней политике;
- устойчивый рост экономики;
- упреждающее развитие ВС РФ соответствующее внешним угрозам;
- наступательный (упреждающий) характер внешнеполитического курса.

Три первых составляющих очевидны и являются базисом, без которого нельзя двигаться вперед, а возможность развивать и использовать четвертую составляющую у нас появилась сравнительно недавно. В связи с этим обстоятельством возникает необходи-

мость взвешенного и рационального подхода к определению внешнеполитического курса.

За основу наступательного курса России могут быть взяты следующие направления:

- расширение и поддержание сотрудничества со странами СНГ для создания вокруг России мирной буферной зоны и достижения заинтересованности союзников в долгосрочных партнерских отношениях;

- укрепление сотрудничества, единства и заинтересованности государств – участников Шанхайской шестерки для обеспечения региональной стабильности в Центральной Азии и Дальневосточном регионе;

- укрепление военно-политических отношений в рамках “большого треугольника” Россия, Индия и Китай;

- интегрирование России в процессы, происходящие в ЕС, для повышения результативности ее политики на европейском пространстве;

- поддержание и расширение сотрудничества с Японией в интересах сглаживания проблемных вопросов по ее территориальным претензиям к России;

- использование экономических рычагов в подкреплении проводимой внешней политики;

- поддержка международных институтов, фондов, учреждений и движений, выступающих против политики США по созданию однополярного мирового порядка;

- значительная роль в современных условиях должна быть отведена информационному противоборству, что обеспечивает защиту собственного информационного ресурса и, при необходимости, уничтожит или заставит работать в собственных интересах информационный ресурс вероятного противника и ряд других.

Даже беглый анализ текущих глобальных политических тенденций позволяет сделать вывод, что современная международная политика характеризуется динамизмом, многогранностью происходящих процессов, что, безусловно, ставит новые задачи по обеспечению реалистичного и комплексного подхода к обеспечению национальной безопасности России.

Политическая борьба нового тысячелетия должна в значительной степени учитывать исторические уроки создания и сосуществования цивилизаций. Новый пример провозглашения независимости Косово в обход руководящих документов ООН создает предпосылки к взрыву мирового государственного устройства. В условиях, когда России не удастся противостоять американскому давлению на ООН, мы должны всеми возможными путями перевести сложившуюся ситуацию в плоскость, выгодную для России. Каким образом?

Во-первых: дать усомниться Европейскому сообществу в конструктивности позиции США на Европейском континенте. Ведь дестабилизация ситуации на Балканах, наряду с развертыванием эшелона национальной ПРО США, влечет за собой как политические, так и экономические проблемы. В условиях экономического кризиса в США очередной очаг нестабильности в Европе играет на руку Америке и позволяет значительно компенсировать падение доллара относительно европейской валюты.

Во-вторых: созданный прецедент невыполнения уставных документов ООН позволяет заявлять, а при необходимости и рассматривать вопросы о возможности любых автономий на самоопределение:

- Ольстер от Великобритании;
- Страны басков от Испании;

- Приднестровья от Молдовы;
- Абхазии и Южной Осетии от Грузии;
- и даже отдельных штатов (с коренным индейским населением) от США.

Существующая политика двойных стандартов со стороны США и ряда стран Западной Европы вносит все больше и больше сумбура во всю систему международных отношений, дискредитирует ООН и всю существующую систему мироустройства.

Такая позиция США должна быть осуждена всем мировым сообществом и соответственно позволит значительно сократить ряды сторонников, проводящих и поддерживающих ее политику.

Однако реалии сегодня таковы, что гибкая и конструктивная позиция России на международной арене дезинтегрируется воздействием широкого спектра факторов, которые формируются в результате того или иного развития политической ситуации. В силу этого возникает потребность в постоянных консультациях по широкому кругу вопросов между различными ведомствами (Министерство иностранных дел, Министерство экономического развития и торговли, Министерство обороны, ФСБ и др.) и как следствие значительные затраты времени, что не способствует выработке взвешенной и грамотной позиции политического руководства страны.

В условиях быстротечности и неопределенности возникающих ситуаций необходимо наличие некоего центра, который бы обеспечил ведение широкой аналитической и практической работы по всему спектру принимаемых решений в интересах обеспечения национальной безопасности государства. Наиболее целесообразным было бы организовать его функционирование

на постоянной основе в рамках либо Совета Безопасности Российской Федерации, либо Администрации Президента России.

Главная цель создания центра – формирование комплексной программы защиты национальных интересов. Основные задачи данного центра во многом будут пересекаться с задачами, возложенными на межведомственные комиссии Совета Безопасности (работающие на временной основе)⁴, однако глубокий и всесторонний анализ проблемных вопросов национальной безопасности в рамках аналитического центра позволит во многом упреждать развитие событий, а не “бить по хвостам”. Задачами данного центра, назовем его *“аналитический центр обеспечения национальной безопасности РФ”*, должны стать:

- определение жизненно важных интересов личности, общества и государства;
- разработка основных направлений стратегии развития государства, обеспечения национальной безопасности и конкурентоспособности Российской Федерации;
- постоянный мониторинг политической, экономической, военно-стратегической ситуации относительно национальных интересов России;
- упреждающее выявление и своевременное парирование внутренних и внешних угроз национальной безопасности;
- подготовка предложений Президенту России для принятия решений по вопросам внутренней и внешней политики Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности;
- координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации при принятии и реализации решений в области обеспе-

чения национальной безопасности, достижения политических, экономических и других целей внешнеполитической деятельности, оценка их эффективности;

- анализ готовности сил и средств обеспечения национальной безопасности с учетом геополитических интересов России;

- анализ условий и принятие мер, направленных на обеспечение экономической безопасности страны;

- обеспечение информационной бе-

зопасности государства во всех сферах его жизни;

- координация основных направлений научно-исследовательской деятельности с учетом мировых тенденций;

- контроль реализации федеральных программ обеспечения национальной безопасности;

- выработка государственной кадровой политики, политики в области государственной и военной службы в интересах обеспечения национальной безопасности и возможно другие.

Вступая в новое тысячелетие, Россия должна ставить перед собой новые цели и задачи, четко определять ближайшую и долгосрочную перспективу своего развития.

В условиях жесткой мировой конкуренции стратегия обеспечения национальной безопасности страны должна быть универсальной, для этого необходимо иметь орган, координирующий деятельность всех министерств и ведомств по выполнению политики национальной безопасности Российской Федерации. Создание аналитического центра с участием наиболее грамотных специалистов по всем направлениям обеспечения национальной безопасности позволит обеспечить своевременное и асимметричное реагирования на возникающие угрозы и вызовы любого противника.

Примечания

¹ Категории и термины системы знаний о войне и военной безопасности. М.: АВН, 2000.

² Лысухин Н.Я. РВСН в системе национальной безопасности России. М.: ВА РВСН им. Петра Великого, 1997.

³ www.washprofile.org

⁴ Положение о Совете Безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 7 июня 2004 г. № 726.

Политическое управление внутренним вооруженным конфликтом

Опыт современной России

Игорь Мелехин,
(Военный университет Минобороны России)

Опыт разрешения внутренних вооруженных конфликтов, существовавших последние два десятилетия на постсоветском пространстве, в том числе на территории Российской Федерации, требует не только теоретического осмысления, но и выработки практических мер по предотвращению новых конфликтов.

Вооруженный конфликт представляет собой сложное общественное явление. Международное гуманитарное право различает четыре типа вооруженных конфликтов, к каждому из которых применяются различные правовые принципы и документы.

Исходя из правовых особенностей внутреннего вооруженного конфликта (немеждународного характера)¹, его можно определить как кризисный этап в развитии общественной системы, выражающийся в противоборстве правительственных и антиправительственных сторон для разрешения вопроса о власти с применением вооруженного насилия.

Особое место в новейшей политической и военной истории России занимает внутренний вооруженный конфликт на территории Чеченской Республики и ряда республик Северного Кавказа. Политически он представляет собой конфликт между руководством Российской Федерации и субъектом России по вопросу о политической власти, государственного суверенитета и территориальной целостности; в во-

енном отношении соответствует внутригосударственной локальной войне; в стратегическом плане – соизмерим с армейской операцией, проводимой в комплексе со специальными и контртеррористическими операциями.

История данного конфликта является и примером противоборства систем политического управления.

Понятие “*политическое управление*” рассматривается как функция по-

литики и вид общественного управления².

Сущность политического управления заключается в сознательном организующем воздействии политического субъекта на общество средствами государственной власти, направленном на эффективное достижение целей жизнедеятельности общественной системы.

Во внутреннем вооруженном конфликте политическое управление приобретает специфические черты:

- объектом управления выступает процесс вооруженного противоборства сторон;

- целью управления является разрешение объективных и субъективных противоречий и достижение внутренней безопасности общества;

- исходы разрешения конфликта могут быть различны – от достижения политической победы над противником нанесением ему военного поражения до достижения компромисса мирным путем;

- среди средств государственного управления особое значение приобретают правоохранительные и военные средства (в том числе армия, “выполняющая атрибутивно присущие ей внутренние функции”³), а гражданский контроль регулируется законодательством.

Исходя из вышеприведенных особенностей, *политическое управление внутренним вооруженным конфликтом* представляет собой направленное воздействие политических субъектов, государства и его военной организации на вооруженное противоборство правительственных и антиправительственных сторон средствами политической власти, правоохранительной деятельности и военной силы для разрешения объективных и субъективных противоречий и достижения внутренней безопасности общества.

В состав субъектов политического управления в Российской Федерации

входят: федеральные органы государственного управления, органы власти субъектов Российской Федерации, правоохранительные органы, органы военного управления, лидеры политических партий и общественных организаций.

У антиправительственной стороны политическим влиянием пользуются самопровозглашенные органы власти, органы управления незаконными вооруженными формированиями, главарь террористических организаций, лидеры националистических движений, отдельные влиятельные лица.

Субъектами внешнего политического воздействия выступают: ООН, региональные военно-политические организации, лидеры неправительственных организаций, лидеры международных экстремистских организаций.

По опыту Российской Федерации, в период внутреннего вооруженного конфликта деятельность органов государственного и военного управления осуществляется на трех основных уровнях⁴.

Федеральный (стратегический) уровень включает компетенцию Президента РФ, федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов надзора и специального федерального органа. С 15 февраля 2006 г. руководство на данном уровне осуществляет Национальный антитеррористический комитет, которому подчинен Федеральный оперативный штаб.

На *региональном (оперативном) уровне* органами, координирующими действия “силовых” структур в субъектах Российской Федерации, являются оперативные штабы, а в Чеченской Республике – отдельный Оперативный штаб, общее руководство которым осуществляет Министр внутренних дел Российской Федерации.

Третий уровень политического управления вооруженным конфликтом – *местный (тактический)*. На этом уров-

не, в частности уровне военных комендатур районов, непосредственно решающих задачи взаимодействия местных органов власти, общественности (населения) с подразделениями органов безопасности, внутренних дел, частями и подразделениями Вооруженных Сил, внутренних войск МВД РФ, других войск и сил.

Одним из важнейших результатов деятельности такой структуры стало “реальное повышение скоординированности действий всех ветвей власти в борьбе с терроризмом”⁵.

Вместе с тем, создание системы, при которой работали бы не только спецслужбы, а все общество, власть и средства массовой информации, не завершено. Граждане, органы местного самоуправления, общественно-политические организации имеют лишь косвенное влияние на процесс политического управления.

Конфликтологические исследования настоящего времени в основном опираются на классическую схему М.Дойча, указавшего на семь основных “переменных” конфликта⁶.

Применение единой теории конфликта, разработанной В.А.Светловым⁷, позволяет построить *структурно-целевую модель* внутреннего вооруженного конфликта, которая включает:

- исходы конфликта – позитивно-синергетический, негативно-синергетический, антагонистический;
- политические цели сторон, с теоретико-игровой точки зрения выражающиеся в понятиях “свой выигрыш”, “совместный выигрыш”, “совместный проигрыш”, “свой проигрыш”;
- стратегии их достижения;
- участников конфликта, их союзников и противников;
- внешнюю среду.

В таком представлении предметом анализа являются взаимосвязь целей

действий основных субъектов политического управления и их стратегий в динамике вооруженного конфликта.

Проведенное на основе данной модели исследование приводит к следующим результатам.

1. Анализ веса субъектов политического управления показывает, что среди федеральных органов власти России наиболее активно действовали институт Президента РФ, органы законодательной и исполнительной власти.

Значительный вес в реализации стратегий управления вооруженным конфликтом имели “силовые” министерства: Министерство внутренних дел РФ, Министерство обороны РФ, Федеральная служба безопасности, а также органы управления Вооруженными Силами РФ.

Среди субъектов политического управления самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия (далее ЧРИ) в период 1991–2000 гг. преобладающее значение имели “силовые” органы и органы военного управления.

В период с июня 2000 г. по 2006 г. в Чеченской Республике значительное влияние во внутренней политике приобрели референдум и выборы, институты Главы Администрации, а впоследствии и Президента Республики, органы исполнительной власти и правоохранительные органы.

Среди антиправительственных субъектов в этот же период главные роли стали играть террористические организации, лидеры незаконных вооруженных формирований и полевые командиры.

2. Преобладающей политической целью федеральных органов власти во внутреннем вооруженном конфликте явилось достижение исхода “*совместный выигрыш*”.

Со стороны антиправительственных субъектов преобладала цель “*своего выигрыша*”.

Законное руководство Чеченской Республики взяло основной курс на “совместный выигрыш”. Это свидетельствует о большем стремлении федеральных органов власти и нового руководства Чечни к мирному разрешению конфликта. Вместе с тем, политические цели сторон вооруженного конфликта характеризовались высокой степенью непримиримости. В отдельные периоды конфликта не исключался и совместный проигрыш (компромиссы).

Анализ применяемых для достижения целей политических стратегий показывает, что федеральными органами власти наиболее часто использовались стратегии сотрудничества, установления мира, ликвидации (уничтожения) вооруженных формирований. Наиболее активными стратегиями антиправительственных субъектов ЧРИ в течение всего вооруженного конфликта были: выполнение своих требований, организация терактов.

3. Анализ согласованности целей субъектов федерального Центра выявляет два основных политических блока.

Первый из них, “государственно-политический”, составили институты Президента РФ, законодательной, исполнительной власти РФ, органы власти субъектов Федерации и общественно-политические субъекты. Для него в целом характерно предпочтение совместного выигрыша, то есть мирного разрешения вооруженного конфликта.

Второй блок, “правоохранительно-силовой”, составили органы судебной власти, прокуратуры, “силовых” министерств и органов управления Вооруженными Силами РФ. Субъектов этого блока объединила общая цель выигрыша, применение стратегий разгрома и ликвидации незаконных вооруженных формирований, уничтожения их глав, разоблачения и осуждения их преступной деятельности.

Позиция внешних политических субъектов влияния, особенно ОБСЕ, характеризовалась тесной связью с целями субъектов первого блока и не совпадала с позицией “правоохранительно-силового” блока.

4. Рассмотрение динамики изменения целей сторон вооруженного конфликта позволяет провести его периодизацию и приводит к следующим выводам.

Первый период (ноябрь 1991 г. – 10 декабря 1994 г.) отличался крайней противоречивостью политических целей федеральных органов государственной власти.

Используемые ими стратегии приводили не только к ожидаемому совместному выигрышу, но и к выигрышу сепаратистов. Между тем, позиция политических субъектов Чеченской Республики характеризовалась явным предпочтением своего выигрыша. Вследствие противоречивой позиции федерального Центра, не использовавшего к тому же некоторые возможности мирного разрешения конфликта, политическое решение о проведении специальной операции было неоднозначно воспринято во внутри- и внешнеполитическом общественном мнении.

Второй период (11 декабря 1994 г. – 31 декабря 1996 г.) также характеризовался противоречивостью позиции федеральных органов власти: политическое стремление к совместному миру, активные военные действия для достижения своего выигрыша завершились военно-политическими уступками в Хасавюрте, что привело к негативно-синергетическому итогу на данной фазе.

В *третьем периоде* (1 января 1997 г. – июль 1999 г.) позиция совместного выигрыша Федерального центра в противовес стремлению руководства Чечни закрепить свой выигрыш не принесла успеха. Этот период в обще-

ственном мнении РФ отмечается как собственный проигрыш.

В *четвертом периоде* (2 августа 1999 г. – 11 июня 2000 г.) в период активного проведения контртеррористической операции под фактическим руководством В.В.Путина, общая направленность военно-политических стратегий РФ приобрела миролюбиво-наступательные черты. Успехи российских войск вновь заставили противника искать пути примирения. Действия политического руководства по продолжению военной операции впервые получили 70% поддержку общественного мнения⁸.

Пятый период (12 июня 2000 г. – январь 2006 г.) характеризуется политическим расколом ЧР на два лагеря: противников федерального Центра (незаконные вооруженные формирования) и законного руководства Чеченской Республики, возглавленного А.Кадыровым.

В начале этой фазы основное внимание федеральных органов власти, правоохранительных органов и военных было направлено на ликвидацию (уничтожение) террористов, разгром незаконных вооруженных формирований и разоблачение их деятельности. С проведением референдума по принятию Конституции и выборов Президента Чеченской Республики (2003 г.) на первый план федеральной политики были выдвинуты стратегии мирного строительства и сотрудничества. Однако серия политических терактов 2004 г. вновь активизировала решительные настроения органов политического управления России.

В структуре целевых предпочтений законного руководства Чеченской Республики стали преобладать стратегии совместного выигрыша с федеральными органами власти. Однако лидеры незаконных вооруженных формирований и террористических групп практи-

чески отбросили стратегию мира и заняли непримиримую позицию. Уничтожение А.Масхадова (8 марта 2005 г.), а также многих других полевых командиров в значительной мере изменило внутреннюю ситуацию в республике и позволило В.В.Путину заявить об окончании контртеррористической операции “при понимании того, что правоохранительные органы Чечни практически берут на себя основную ответственность за состояние правоохранительной сферы”⁹.

Результаты проведенного на основе структурно-целевой модели исследования свидетельствуют:

- о значительном влиянии в структуре политического управления органов государственной власти, среди которых особенно выделяется институт главы государства;

- о стремлении федеральных органов власти в целом к мирному исходу конфликта, которое сочеталось с активной борьбой с незаконными вооруженными формированиями;

- о проявившихся на отдельных фазах вооруженного конфликта различиях в подходах к способам его разрешения между “государственно-политическим” и “правоохранительно-силовым” блоками органов власти Российской Федерации;

- о существенной роли законного руководства Чеченской Республики в содействии федеральному Центру по перелому хода вооруженного конфликта и началу его урегулирования.

Проведенный анализ позволяет извлечь уроки и говорит о необходимости:

- выработки адекватных по отношению к противнику целей и стратегий в вооруженном конфликте;

- преемственности политических целей и стратегий в ходе конфликта;

- укрепления взаимосвязи законодательной и исполнительной власти с

судебной властью, органами надзора за соблюдением законности;

– совершенствования политического руководства органами обеспечения безопасности, правопорядка, военного управления;

– упрочения взаимодействия общественно-политических организаций с военной организацией страны, Вооруженными Силами России;

– обеспечения благоприятной внешнеполитической обстановки, разъяснения законности и обоснованности применения военной силы для разрешения внутренних вооруженных конфликтов.

Одним из важных уроков политического управления является проблема принятия решений, которое происходило небольшой замкнутой группой людей у власти, по принципу консервативного неозлитизма.

В качестве направления совершенствования деятельности в этой области можно предложить следующую *технологию этапов управленческого цикла* в деятельности органов государственной власти:

– На *первом этапе* осуществляется диагноз внутреннего вооруженного конфликта как проблемы, включающий сбор и обработку информации, анализ, уяснение и оценку обстановки конфликта.

– На *втором этапе*, этапе прогнозирования, органам политического управления необходимо выработать научно обоснованное суждение о возможных состояниях вооруженного конфликта в будущем, об альтернативных путях его развития, разрешения и о сроках существования.

– На *третьем этапе*, выработки и принятия решения, осуществляется подготовка и выбор из некоторой совокупности одного или нескольких взаимосвязанных методов воздействия на

конфликт для его изменения или стабилизации.

Принятие политического решения должно включать следующие шаги:

- выбор исхода (конечной цели) конфликта;

- выбор средств (сил) достижения поставленной цели;

- выбор методов применения избранных средств;

- определение соответствующих форм действий;

- постановка задач и сроков их выполнения;

- законодательное оформление принятого решения.

Первые четыре пункта составляют замысел решения.

– На *четвертом этапе* управленческого цикла, этапе планирования, происходит процесс воплощения принятого решения в последовательный набор стратегий, тактики и отдельных действий по достижению поставленной цели – программу урегулирования вооруженного конфликта.

– *Пятый этап*, этап организации выполнения решения, должен предусматривать доведение отдельных пунктов решения и программы до органов управления, непосредственное руководство действиями органов безопасности, правопорядка, военного управления.

– На *шестом этапе* решаются задачи рефлексивного управления поведением участников конфликта путем оказания на них информационно-психологического воздействия.

Седьмой этап, этап учета и контроля, включает периодическое и окончательное сравнение результатов с промежуточными и конечными целями.

При выявлении отклонений от заданного результата осуществляется регулирование, которое может охватывать:

– при правильном решении – этапы его исполнения;

– при ошибках в решении – все этапы управленческого цикла.

При разрешении вооруженного конфликта органам политического управления целесообразно проводить его анализ, включающий в себя обобщение опыта, разбор ошибок, а главное, оценку эффективности действий.

Опыт и уроки деятельности органов политического управления России во время вооруженного конфликта на Северном Кавказе имеют не только внутреннее, но и международное значение.

По сведениям Постоянного представителя Российской Федерации в ООН В.Чуркина, сейчас в мире существует около 200 конфликтных ситуаций, замешанных на этнической почве¹⁰.

Вооруженный конфликт внутри государства – удобный повод для вмешательства в него других стран для решения своих геополитических задач.

Анализ действий США и ряда стран-союзниц по НАТО в Югославии и Сербии (Косово), Турции в Ираке (курдские провинции) демонстрирует возможность развертывания сценариев разжигания и поддержания внутренних политических и вооруженных конфлик-

тов с последующим вмешательством в них.

При этом грубо попираются принципы и нормы международного права.

Подобные угрозы сохраняются на приграничных территориях России и в зонах размещения российских военных баз и миротворческих контингентов: Крым, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Таджикистан, Армения, Киргизия.

В этих условиях последовательными мероприятиями по созданию действенной системы политического управления должны стать:

- гласное обсуждение общественно-политических проблем обеспечения внутренней военной безопасности;

- определение политических целей реформирования военной организации страны;

- включение в структуру управления органов, представляющих граждан, политические партии, общественные объединения, средства массовой информации;

- формирование единой системы государственного управления на основе современных информационных технологий.

Примечания

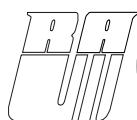
¹ Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. Ст. 1. Части 1. 4-е изд., испр. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2005.

² *Филянина И.М.* Политическое управление в России: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1997. С. 186; *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997. С. 40.

³ *Гуськов Ю.В.* Армия в системе отношений государства и гражданского общества. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. С. 68.

⁴ О противодействии терроризму. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета. 2006. 10 марта; О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 22 января 2001 г. № 61 // Российская газета. 2006. 23 января; Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации по вопросам совершенствования управления контртеррористическими операциями на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 2 августа 2006 г. № 832с // Российская газета. 2006. 8 августа.

- ⁵ Фронин В. 365 дней НАКа: Николай Патрушев уверен в том, что Национальный антитеррористический комитет доказал свою жизнеспособность // Российская газета. 2007. 14 марта.
- ⁶ Дойч М. Разрешение конфликта (конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. 1997. № 1. С. 204–206.
- ⁷ Светлов В.А. Аналитика конфликта. СПб.: ООО «Росток», 2001; Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. СПб.: Питер, 2005.
- ⁸ ВЦИОМ. Пресс-выпуск Чечня // <http://wciom.ru>. 23.04.2001.
- ⁹ Президент сказал о главном // Красная звезда. 2006. 1 февраля.
- ¹⁰ На экстренном заседании Совета Безопасности ООН в четверг сторонники независимости Косово оказались в меньшинстве // Российская газета. 2008. 15 февраля.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Россия и Китай в системе международной безопасности

Юрий Бойко,

доктор политических наук, профессор,
(Дипломатическая академия МИД России),

Владимир Севериков,

кандидат исторических наук,
(филиал Института международного права
и экономики им. А.С.Грибоедова, г. Петрозаводск),

Мария Иванова

Являясь крупными державами и акторами мировой политики, Россия и Китай занимают заметное место в системе международных отношений.

В постбиполярном мире Россия входит в “большую восьмерку” и имеет определенные возможности оказывать влияние на позиции США и их союзников, будучи практически единственным автономным, не связанным военно-политическими обязательствами с Вашингтоном, членом данной группы. Экономическая слабость России, однако, ограничивает потенциал ее воздействия и не позволяет ей пока претендовать на равенство в группе “восьми”.

Не входящий в “восьмерку” Китай, является важным экономическим партнером развитых стран и за счет темпов роста своего экономического потенциала, также обладает определенным мировым влиянием.

Кроме того, в рамках ООН доступ к процессу принятия ключевых решений по международным вопросам имеет достаточно широкий круг государств. Исследователи определяют современный мир как плюралистичный, но однополярный, поскольку, на настоящий момент, нет стран, которые могли бы соперничать с США в возможностях контроля международного взаимодействия.

Тенденции к наращиванию потенциала других вероятных мировых центров могут в будущем привести к формированию подлинного многополярного мира. Среди таких потенциальных центров называют Россию, Китай, Индию и объединенную Европу (если процесс объединения пройдет до конца)¹.

Такой процесс представляется желательным, поскольку доминирование в мире одной единственной точки зрения на международные отношения и одну из их главных составных частей – международную безопасность – может приводить к искажениям в самой системе международной безопасности в том виде, в каком она сложилась на протяжении истории человечества.

К настоящему времени международная система безопасности прошла ряд этапов развития и продолжает прогрессировать, причем, в первую очередь, это касается увеличения числа направлений деятельности в данной области, находящихся под контролем мировых надгосударственных структур.

Система европейской, а затем и мировой безопасности начала формироваться с середины XVII в., когда монархиями Европы был принят принцип суверенитета, положивший начало качественно новому этапу развития международных отношений и формированию отрасли международного права.

Поддержание мира в XIX и начале XX в. основывалось на балансе сил, когда попытка внешней агрессии со стороны какого-либо государства сталкивалась с противодействием коалиции со стороны других государств. Однако данная система не мешала возникновению многочисленных локальных войн и конфликтов, в том числе из-за действий националистических движений. К последней четверти XIX в. интересы крупных субъектов международной политики вступали в противоречие не только в центре, но и в периферийных регионах по всему миру, чему служат примерами русско-японская, англо-бурская, испано-американская, японско-китайская войны, а также Первая мировая война.

Ретроспективный анализ периода существования Лиги Наций, созданной после окончания Первой мировой войны, показывает, что вне зависимости от любых деклараций заинтересованных сторон, в основе послевоенного “пердела” мира лежал геополитический подход: старые границы государств пересматривались, а новые государства создавались только как результат согласования интересов стран-победительниц, которые и определяли политику Лиги Наций.

Сферы мирового влияния стран-победительниц определились на Парижской конференции 1919 г. Гражданская война, непрочность власти большевиков и наличие войск иностранных держав на территории страны привели к тому, что Советская Россия не принимала участия в Парижской конференции, но, несмотря на это, в документах данного международного форума была предусмотрена возможность в дальнейшем отдельно урегулировать отношения с Россией, в том числе по вопросам границ с вновь образованными соседними с ней странами.

В странах Антанты и США существовало понимание того, что международный порядок не может быть прочным без участия России как крупнейшего евразийского государства¹.

Евразийское положение России делало ее одним из участников сложного процесса послевоенного урегулирования в дальневосточном регионе, где интересы стран-победительниц и России были сосредоточены, прежде всего, вокруг двух крупных стран антагонистов – Китая и Японии. В частности, курс Советской России на отказ от привилегий Российской империи на территории Китая¹, наряду со стремлением США противодействовать усилению Японии в тихоокеанском регионе способствовали достижению главной цели Китая – восстановлению утраченного, в значительной степени, государственного суверенитета.

В целом, международные отношения, сложившиеся после Первой мировой войны, не учитывали послевоенных реалий. Европейские державы пытались сохранить прежний порядок внутриевропейского баланса сил как мировую систему, не принимая во внимание логику начавшегося “укрупнения” мировых политических процессов и влияния США, России, а также стран Восточноазиатского региона. Это во

многим определило нестабильность послевоенного мирового порядка, не позволило найти противорессы Германии в назревавшем европейском конфликте, что, в конечном итоге, привело ко второй глобальной мировой войне.

По результатам Второй мировой войны, наметился значительный отрыв СССР и США от других стран по военному, политическому, и идеологическому потенциалу. Сложнее говорить о возможностях экономического потенциала России, которые были значительно ниже чем у США. Послевоенная международная система безопасности формировалась уже в условиях превращения многополярной мировой системы в биполярную.

В этих условиях, вхождение СССР и Китая в международную систему безопасности происходило различными путями. Если СССР являлся одной из двух мировых “сверхдержав”, то в Китае поддерживали идею неприсоединения и разрабатывали свою теорию “трех миров”.

С конца 50-х и до начала 80-х годов длился период значительного ухудшения во взаимоотношениях СССР и Китая. Китайская сторона обвиняла СССР в гегемонизме, демонстрировала открытую враждебность через средства массовой информации, негативно реагировала на любые попытки нормализации советско-американских отношений.

В конце 60-х годов КНР и Советский Союз подошли к грани военной конфронтации. Тогда же руководство КНР сделало ставку на развитие внешнеэкономических отношений с Западом, а Советский Союз прилагал усилия по блокированию попыток руководства КНР сделать свою страну лидером международного коммунистического движения. Развернулось соперничество двух стран, усилились разно-

гласия в подходе к ряду международных конфликтов.

Стратегический поворот к модернизации в Китае, начавшийся после III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.), потребовал консолидировать силы для решения данной задачи. Китаю требовалось спокойствие во внешнеполитической области и диверсификация внешнеэкономических связей, в частности, переориентация с западных рынков на рынки социалистических стран, как менее подверженные колебаниям мировой конъюнктуры. На XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) была выдвинута задача направить внешнюю политику страны на создание международного окружения, способствующего установлению прочного мира во всем мире, в условиях которого Китай мог бы заниматься социалистическим строительством². С этого момента взаимоотношения СССР и Китая начинают нормализоваться.

В рамках ООН, и в соответствии с Уставом данной организации, в значительном числе случаев, Советский Союз, а позже Российская Федерация и Китай, как постоянные члены Совета Безопасности демонстрировали близкие подходы к проблемам международной безопасности, учитывая при принятии решений интересы различных субъектов международного процесса.

Глобальные трансформации на протяжении XX столетия привели к изменениям субъектного состава международной безопасности. Если на протяжении трех столетий (с момента Вестфальского урегулирования в 1648 г.) субъектами международной безопасности были государства, то начиная с XX в. становятся значимыми в мировом масштабе иные силы – освободительные антиколониальные движения, повстанцы, сепаратисты и, наконец, международные террористические ор-

ганизации, которые являются негосударственными субъектами, участвующими в конфликтах с применением силы.

Если добавить к этому расширяющийся список невоенных угроз (болезни, голод, незаконный оборот наркотиков, ухудшающаяся экология), то становится понятно, что в XXI столетии речь идет уже не о международной (межгосударственной), а о мировой (глобальной) безопасности. В частности, Россия и Китай столкнулись с частью этих проблем.

Так, для России приобрели актуальность проблемы ухудшающейся экологии, Китай столкнулся с массовым голодом, и обе страны лицом к лицу встретились с проблемами незаконного оборота наркотиков и наркотрафика через их территорию.

Логика подсказывает, что усиление глобальных угроз должно приводить к снижению роли национальных государств и увеличению роли международных организаций. Однако подход к международной безопасности как целостной системе принципов, институтов и процедур по предотвращению военных способов решения международных споров не исключил на современном этапе использование национальных вооруженных сил в качестве инструмента международной безопасности в случае нарушения функционирования политико-правового механизма решения споров между государствами. Рассматривая изменение роли государства в глобальном масштабе, нельзя забывать, что государства и только государства имеют право на легитимное использование насилия, а также потенциально являются носителем, по крайней мере, части угроз в современном мире³.

К началу XXI в. национальные армии ведущих стран были реформированы, чтобы соответствовать ведению военных действий в условиях антитер-

рористических, антиповстанческих и миротворческих операций, но основную часть национальных вооруженных сил по-прежнему составляют силы и средства ведения межгосударственных войн. Несмотря на то, что перед лицом новых угроз снижается значимость межгосударственных конфликтов, государства остаются их потенциальными носителями. Об этом же свидетельствует сохранение и модернизация как обычных вооружений, так и ракетно-ядерного потенциала отдельных государств³.

Россия и Китай в рамках постоянного членства в Совете Безопасности ООН уделяют значительное внимание данному вопросу.

Существенное изменение мирового баланса сил, распад глобальной биполярной системы, усложнение системы интересов сторон и явная неготовность субъектов (как государственных, так и негосударственных) поступаться ими, которая была продемонстрирована в конце XX – начале XXI в., в значительной степени изменили подходы к достижению консенсуса в вопросах поддержания мира и международной безопасности (а также частично национальной безопасности) и привели в конце XX в. к некоторому ослаблению роли ООН.

В XXI в. снижение международной напряженности и проявление коллективной воли государств в рамках ООН выражается в уменьшении на рубеже веков числа случаев применения *права "вето"* в Совете Безопасности.

За последнее десятилетие применение этого права снизилось примерно в три раза по сравнению с предыдущим периодом деятельности ООН.

С начала 90-х годов Совет Безопасности ООН санкционировал более десяти международных вооруженных вмешательств.

Возросло число операций ООН по предотвращению вооруженных конфликтов и постконфликтной стабилизации.

В 11 раз возросло применение санкций ООН против тех или иных государств.

С другой стороны, однако, в последние десятилетия проявилась и иная тенденция. В ряде случаев наблюдается игнорирование важнейших международных договоров или односторонний выход из них со стороны отдельных стран. Возможности СБ ООН как органа, контролирующего вмешательство других стран во внутренние дела суверенных государств, снижаются, что не может не волновать таких его членов как Россия и Китай.

Примером могут служить ситуации в Ираке и Югославии, когда решения о вооруженном вмешательстве были приняты в обход Совета Безопасности ООН.

Данные прецеденты свидетельствуют о том, что современная система коллективной безопасности не достигает главной цели – обеспечения безопасности государств от внешних угроз.

Наличие проблем в работе механизма коллективной безопасности на современном этапе проявилось, в частности, в одностороннем провозглашении независимости Косова.

Мнения членов Совета Безопасности ООН, собравшихся 18 февраля 2008 г. на экстренное заседание по Косово, разделились. В то время как делегации России и Китая вполне определенно высказались против односторонних действий косовского руководства, представители США и государств-членов Европейского союза поддержали самопровозглашение независимости Края.

“Россия твердо убеждена в том, что проблема статуса Косова может быть урегулирована надежным и долгосрочным образом только путем выработки при ведущей роли Совета Безопасности ООН ре-

шения, которое в полной мере соответствовало бы нормам международного права и основывалось на договоренностях между Белградом и Приштиной”, – сказал представитель России при ООН В.Чуркин.

Постоянный представитель Китая при ООН Ван Гуанъя подчеркнул, что его страна “выступает против односторонних действий и принятия решений под давлением”. Китай считает необходимым продолжать урегулирование ситуации вокруг Косово “путем двусторонних переговоров”. Китай согласен с тем, что будущее Сербии и Косово лежит в их интеграции в Европу и приветствует желание Евросоюза играть активную роль в разрешении косовской проблемы”⁴.

Как постоянные члены Совета Безопасности ООН Россия и Китай имеют возможность противостоять принятию нежелательного решения Совбеза, если их мнение не совпадает с мнением США, Великобритании и Франции, но в этом случае, незначительность средств, которыми располагает ООН в отсутствие поддержки США и их союзников по НАТО, делает весьма проблематичной действительную реализацию данных решений. Более того, принципиальная позиция России по сохранению принципа невмешательства в дела других государств приводит к некоторому обострению отношений между Россией и США.

Имеется мнение, что существует угроза возрождения значимости “старой” оси межгосударственной конфликтности⁵.

Необходимо также обратить внимание на особенности подходов к решению международных ситуаций предлагаемые Россией и Китаем в Совете Безопасности: при сходстве позиций по подавляющему большинству вопросов позиция России, как правило, касается сути ситуации, в то время как китайские взгляды, скорее, относятся к оценке тенденций ее развития.

В совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанной в Москве (май 2003 г.), установлено, что "Россия и Китай выступают за многополярное, справедливое и демократическое мироустройство на основе общепризнанных принципов международного права, за гармоничные и рациональные взаимоотношения и сосуществование различных государств.

В декларации отмечено, что необходимо решать споры путем диалога и сотрудничества, укреплять и совершенствовать систему международных отношений, обеспечивать центральную роль ООН в современном мире, содействовать воплощению в жизнь многообразных моделей развития. Сторонами определено, что тенденция к формированию многополярного мира является доминирующей. В то же время, подчеркивается трудность этого процесса, требующего сложения усилий всего международного сообщества"⁵.

Современное доминирование США на глобальном уровне повышает для других государств значимость создания различных систем региональной безопасности.

Для России и Китая важнейшими регионами, где представлены интересы обеих сторон являются Центрально-Азиатский регион (ЦАР) и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Рассматривая проблемы Центрально-Азиатского региона нельзя одновременно не принимать во внимание, что в этом регионе существует и третий важнейший участник – Индия.

Углубление трехстороннего китайско-российско-индийского сотрудничества основано на нарастании современных вызовов в основных сферах международного взаимодействия на глобальном и региональном уровнях. Перед всеми тремя странами стоят задачи противостояния вызовам глобализации, борьбы с терроризмом, а также с экологическими и демографическими проблемами, которые могут быть ре-

шены за счет развития взаимовыгодного сотрудничества в сферах экономики и национальной безопасности. Географическое положение Китая позволяет ему играть важную роль в развитии взаимовыгодных экономических отношений с обеими странами (в частности транспортные системы, транспортировка энергоносителей).

Россия, Индия и Китай являются активными участниками мировых и региональных международных организаций, способствуя становлению мировых институтов сотрудничества и безопасности.

Россия и Китай являются членами АТЭС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Индия – член Ассоциации регионального сотрудничества южной Азии (SAARC). Кроме того, Россия является членом СНГ и Евразийского экономического сообщества (ЕврАЭС), а Китай вместе с Японией и Южной Кореей участвует в диалоге "АСЕАН плюс три".

России предстоит скорое вступление в ВТО, в то время как Индия и Китай уже являются ее членами.

Таким образом сотрудничество Индии, Китая и России будет опосредованным образом влиять и на интересы других членов организаций Восточной, Центральной и Южной Азии. Возможное расширение взаимодействия между странами-участниками различных азиатских региональных организаций потребует разработки его механизма, например, в виде организации постоянного диалога между региональными организациями.

Как считают исследователи, сотрудничество России и Китая в Центрально-Азиатском регионе основано в определенной степени на стремлении создать противовес политике США в этом регионе. Однако ни та, ни другая сторона не готовы к открытому противостоянию с США, которое могло бы

проявиться в политических решениях, относящихся к странам ЦАР. В то же время, российской стороне необходимо учитывать, что в случае заметного снижения влияния США, Китай может стать самой влиятельной силой региона (к чему в определенной степени уже готовы политические элиты и население государств Центральной Азии). России желательно пересмотреть свои концепции взаимоотношений со странами Центрально-Азиатского региона с точки зрения конкурентоспособности вариантов⁶.

Позиции России и Китая, продемонстрированные ими во время событий в Бишкеке и Андижане, оказались сходными.

Стороны отметили ряд проблем и возможных угроз, таящихся в развитии ситуаций в Среднеазиатских государствах, в частности возможности дестабилизации в регионе и усиления исламского экстремизма и терроризма, однако, как было подчеркнуто китайской стороной, «несмотря на произошедшее, необходимо сохранить мир, стабильность и статус-кво в регионе⁷. Точки зрения как России, так и Китая не претерпели изменений ни в отношении Кыргызстана, ни в отношении Узбекистана, но мировой общественностью была отмечена слабая роль ОДКБ и ШОС в этих кризисных ситуациях.

Международная безопасность во втором, ключевом для России и Китая регионе – Азиатско-Тихоокеанском – определяется тем, что здесь тесно переплетены интересы не только России, Китая и США, но и таких серьезных игроков на международной арене как Япония, а также относящихся к новым индустриальным странам (НИС) Южной Кореи, Сингапуру и Тайваню. Следует учитывать и то, что Тайвань не признается Китаем как самостоятельное государство.

Сложность пересечения интересов многих сторон не облегчает решение задач по достижению прочного мира и безопасности в регионе, что дополняется непредсказуемостью политического поведения Корейской Народно-Демократической Республики. В Совместной декларации России и КНР была подчеркнута важность осуществления многостороннего политического диалога в АТР, в частности в рамках Азиатского регионального форума по вопросам безопасности АСЕАН, а также выделена роль ШОС в укреплении региональной стабильности и безопасности. В Декларации подчеркнуто единство позиций сторон по необходимости достижения безъядерного статуса Корейского полуострова политико-дипломатическими методами. Кроме того, в декларации показано понимание потребностей в безопасности как Южной, так и Северной Кореи⁸.

На современном этапе выстраивание российско-китайских отношений идет за счет поиска направлений взаимовыгодного сотрудничества на основании достаточно осторожных и взвешенных решений с обеих сторон.

По подавляющему большинству вопросов международной безопасности высказанные позиции России и Китая достаточно близки – например, неприменение силы, отношение к вопросам суверенитета и сепаратизма и пр.

Однако российские политики и дипломаты обладают опытом, полученным в период значительного охлаждения отношений между двумя странами, доходивших до отдельных локальных пограничных конфликтов.

Анализ сегодняшних тенденций развития КНР показывает, что Китай наращивает не только экономический, но и военный потенциал, а следовательно, несмотря на экономические выгоды продажи Китаю российского оружия и военных технологий, необходимо под-

ходить к этому вопросу с большой осторожностью, чтобы не спровоцировать дальнейшие витки гонки вооружения в азиатском регионе и в мире⁴. С этой точки зрения необходимо серьезно учитывать традиционную прагматичность международной политики КНР, преследование этой страной своих национальных интересов и значительный демографический потенциал.

России необходимо разрабатывать гибкую стратегию взаимоотношений с

Китаем, рассчитанную по крайней мере на среднесрочную перспективу (не менее 50 лет), с возможной проработкой различных сценарных вариантов, которая бы позволила и в дальнейшем поддерживать между странами взаимовыгодные добрососедские отношения, а также содействовала бы сближению позиций России и КНР по вопросам мировой и региональной безопасности и продвижению международных отношений к многополюсности.

Примечания

¹ Системная история международных отношений. В 2-х томах / Под. ред А.Д. Богатурова. Т. 2. М.: Культурная революция, 2006. С. 17–18, 71–72, 125.

² Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. М.: Научная книга, 2002. Т. 2. С. 175–181, 360.

³ Кулагин В. Глобальная или мировая безопасность // <http://www.analitika.org/article.php?story=20071219091253433&query=%25CA%25E8%25F2%25E0%25E9>

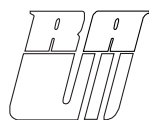
⁴ <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=759186&ct=news>

⁵ <http://www.kremlin.ru/text/docs/2003/05/46160.shtml>

⁶ Сыроежкин К.Л. Китайский фактор в контексте безопасности в Центральной Азии // Материалы международного “круглого стола” КИСИ и ШИМИ “Казахстанско-китайское сотрудничество: состояние и перспективы”. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2007. С. 17–19.

⁷ Лузянин С.Г. Центральная Азия и проблемы безопасности в трехстороннем сотрудничестве России Индии и Китая // <http://www.analitika.org/article.php?story=20050919014136163>

⁸ <http://www.kremlin.ru/text/docs/2003/05/46160.shtml>

**ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Брестский урок

Пора научиться делать выводы из истории

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(Институт Европы РАН)

90 лет назад, 3 марта 1918 г., в провинциальном белорусском Бресте (тогда он еще в отличие от французского Бреста назывался Брест-Литовск) был подписан так называемый “мирный договор” между Германской империей и Советской Россией.

Согласно этому договору, от России отторгались огромные территории, судьба которых “вверялась” Германии и ее союзникам; Россию обязали выплачивать непосильную контрибуцию, сумма которой могла быть в любой момент односторонне увеличена; России предстояло полностью разоружиться. Но и этого было мало – текст договора изобиловал оговорками, которые позволяли немцам в любой момент возобновить военные действия, не говоря уже о том, что продвижение германской армии на Украине не подпадало под “установление мира”. Рейх торжествовал победу: кольцо окружения было прорвано, и он мог, наконец, сосредоточиться на Западном фронте.

И тем не менее Брестский договор отозвался не сигналом фанфар, возвещающим начало германской эры в Европе, а первыми тактами похоронного марша, сопровождавшего окончательное поражение рейха, возмечтавшего об установлении мирового господства. Заглоченный кусок оказался слишком большим – рейх подавился.

Путь к Бресту

России пришлось принять все требования немцев по той простой причине, что у нее не осталось армии.

Западные историки кривят душой, утверждая, что русская армия никуда не годилась и с самого начала Первой мировой войны покатила назад.

Неподготовленное и потому закончившееся трагически вторжение рус-

ских войск в Восточную Пруссию в первые военные недели 1914 г. имело решающее значение для исхода войны, потому что помогло французам выстоять в битве на Марне – немцам пришлось перебросить часть войск на Восток, чтобы прикрыть дорогу на Берлин. Брусиловский прорыв 1916 г. снова заставил рейх ослабить давление на

Западном фронте, чтобы предотвратить катастрофу на Восточном. Однако когда в 1915 г. немцы сосредоточили свои военные усилия на Восточном фронте, союзники не поспешили на помощь России.

Беда в том, что русские политики не сумели доходчиво объяснить своим солдатам, за что они должны погибать в окопах, в то время как положение в стране становилось все более напряженным. Для краха царизма было много социальных причин, но поводом стала, по мнению народа, бессмысленная гибель людей на войне.

Февральская революция 1917 г. оставила открытым главный на тот момент вопрос – вопрос о мире. Именно его решение стало одним из двух главных лозунгов, под которыми пришли к власти большевики. Правда, их лозунг совершенно нереалистически требовал “мира без аннексий и контрибуций”, но это уже были детали.

26 ноября 1917 г. были установлены первые контакты советской власти с немцами. На приглашение союзникам принять участие в переговорах о мире ответа не последовало. Немцы отклонили предложение провести переговоры в нейтральной стране. В итоге 3 декабря представители Советской России прибыли для ведения переговоров в расположенную в Бресте штаб-квартиру “верховного главнокомандующего на Востоке” принца Леопольда Баварского.

На первом этапе, на котором речь шла о заключении перемирия, российскую делегацию возглавлял большевик Адольф Йоффе, журналист, психиатр по профессии, который стал впоследствии первым советским полпредом в Берлине. О перемирии договорились быстро, трудности остались на второй этап.

Собственно переговоры об условиях заключения мира вел с 7 января

1918 г. уже сам народный комиссар по иностранным делам Лев Троцкий.

Требования рейха с самого начала являлись неприемлемыми для России, от которой требовалось, в частности, согласие на передачу “победителям” 170 тыс. кв. км территории и выплату репараций на фантастическую сумму 6 млрд. золотых рейхсмарок.

Вполне правдоподобны позднейшие уверения Троцкого, что его идея отказаться от заключения договора на такой основе первоначально не встречала возражений в руководстве партии и государства. Большевики возлагали все надежды на европейский, в первую очередь германский, пролетариат, который, по их расчетам, “не оставит в беде” русскую революцию. После того, как рейх 9 февраля заключил “сепаратный мир” со своей украинской марионеткой гетманом Скоропадским, Троцкий решил, что время пришло.

10 февраля глава советской делегации выступил с хлесткой речью, в которой, в частности, говорилось: “Мы выходим из войны. Мы объявляем об этом всем народам и правительствам. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий.

Одновременно мы заявляем, что предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии условия находятся в фундаментальном противоречии с интересами всех народов.

Мы отказываемся подписывать условия, которые германский и австро-венгерский империализм штыком пишет по живому телу народов. Мы не можем поставить подпись русской революции под мирным договором, который несет миллионам человеческих существ угнетение, страдания и несчастья”¹.

Другими словами, в ожидании мировой революции Троцкий предлагал установить в отношениях между Россией и рейхом состояние “ни мира, ни войны”.

В принципе Германия могла бы пойти на такое решение: обессилившей России, которая к тому же стремительно скатывалась в пропасть гражданской войны, опасаться не приходилось. В то же время возникали условия для концентрации всех сил на Западном фронте, где германское главное командование готовило “последний, завершающий удар”. Однако в руководстве рейха возобладала алчность – как можно отказаться от представившейся возможности безнаказанно пожить за счет лишенного способности сопротивляться соперника! Рейхсканцлер и кайзер приказали: “Наступать!”, и 18 февраля германские войска двинулись вперед на всем протяжении Восточного фронта.

Один из германских генералов (Макс Хофман) говорил тогда о “самой комичной войне, какую я только знаю. Она происходит исключительно с помощью поездов и автомобилей. Мы сажаем горстку пехотинцев с пулеметами и пушкой в поезд и отправляем его к ближайшей станции. Они занимают станцию, арестовывают пару большевиков, забирают с собой еще немного солдат и едут дальше”².

Осознание катастрофического провала затеи Троцкого не заняло много времени. Авантюристическое предложение Николая Бухарина объявить Германии “революционную войну” пришлось отклонить из-за полного отсутствия воинских формирований, способных ее вести. Старая армия развалилась, а новой еще не было.

23 февраля был издан декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии, но до его реализации оставался еще длительный и тернистый путь.

Последствия Бреста

Для того, чтобы вести войну, нужны войска. Для того, чтобы расширять оккупированную территорию,

Уже 19 февраля российские представители передали немцам, что готовы подписать договор на любых условиях.

28 февраля делегация Советской России с соответствующими полномочиями прибыла в Брест.

1 марта состоялось первое заседание с участием всех делегаций – переговоры как таковых не велось; требования немцев и их союзников молча принимались к сведению. Во второй половине дня 3 марта договор был подписан; его модальности были еще более тяжелыми, чем это предусматривалось первоначально.

Но главное – подписание Брестского договора вовсе не означало, что рейх прекращает военные действия против России.

Германские войска продолжали воевать повсюду – в Прибалтике, в Белоруссии, на Украине, на Кавказе. Под ударом оказалась российская столица – переезд советского правительства в Москву 12 марта был вызван опасениями, что немцы захватят Петроград.

В апреле армии рейха оккупировали Крым, в июне немцы высадились в Грузии и двинулись на Баку.

Только революция в Германии 9 ноября 1918 г. и капитуляция рейха на Западном фронте два дня спустя помешала альпийским стрелкам из Баварии выйти к нефтяным вышкам Апшерона.

13 ноября Москва аннулировала Брестский договор как унижительный и несправедливый. Но и после этого не все немецкие солдаты очистили российскую территорию – в Прибалтике и Финляндии продолжали вести военные действия участники так называемых “добровольческих корпусов”.

нужны войска. И для того, чтобы держать в подчинении оккупированную территорию, также нужны войска. По-

сколько на Востоке рейх всем этим занимался, то получилось, что, несмотря на выход России из войны и подписание Брестского договора Германии пришлось держать на Востоке многочисленные контингенты войск, которых ей так отчаянно не хватало на Западе.

Таким образом, Восточный фронт продолжал сковывать действия Германии даже после того, как он, по всем внешним признакам, перестал существовать.

Брестский договор и обстоятельства его заключения показали всему миру, что его ожидает в случае германской победы. Этот пример помог странам Антанты мобилизовать все оставшиеся силы для сопротивления наступающим германским армиям. Оставшись один на один с рейхом, Запад стал драться с мужеством отчаяния и одолел с помощью только что вступивших в войну США уже изрядно потрепанных немцев с их голодающим тылом.

Версальский мирный договор, продиктованный Германии победителями, был разработан под влиянием положений Брестского мира. Возможно, он не был бы таким суровым, если бы поведение Германии в Бресте было бы более цивилизованным. Во всяком случае, если сравнивать эти два договора, то нельзя не признать, что Брест был значительно более варварским документом, чем Версаль.

Имеется возможность установить, к каким последствиям привел бы Брестский договор, если бы у Германии подольше сохранялась свобода рук на Востоке.

В Баварском государственном историческом архиве среди материалов за 1916 г. хранится несколько меморандумов и памятных записок (часть из них с грифом “секретно”), которые были призваны подготовить послевоенную

политику рейха в отношении России. Каждый из них заслуживает внимания, но наиболее детально разработанными являются два из них.

Основные тезисы распечатанного в Берлине трактата *Сильвио Бредерих-Курмалена*, видного политика из числа прибалтийских немцев, под заголовком “Новая земля на Востоке”³, сводятся к следующему:

– **Германия может помириться со странами Западной Европы, но не с Россией:** “Пропась между азиатско-монгольской и европейской культурами разделяет германца и москвитянина – здесь взаимопонимание невозможно!”;

– Россия поощряет “коммунистическое землепользование” и “коммунистические крестьянские товарищества” (надо полагать, автор имел в виду традиционное для России общинное землепользование и крестьянский мир);

– **Россия “хочет не только завоевать позиции хозяина мира, не только присоединить к себе Восточную Германию, но и сломить германское экономическое влияние в России”;**

– **Балтийское море необходимо превратить во “внутреннее германское море”;** для этого “следует присоединить к Германскому рейху Литву и прибалтийские провинции, что станет наградой для этой старейшей колонии Германии за верность, с которой она на протяжении столетий хранила свою культуру”;

– **территориальные приращения должны “гарантировать на все времена обеспечение продовольствием в границах собственного рейха** и дать землю для заселения крестьянами, которые в образцовом порядке будут крепить и продвигать мощь нашего народа”;

– **в войне против России Германия выполняет европейскую миссию:** “На Востоке германский народ воюет также за будущее и спасение наших врагов

на Западе, ибо гибель Германии приведет всю культуру Западной Европы к зависимости от России”.

Меморандум кенигсбергского профессора **Фридриха Лечиуса**⁴ можно рассматривать как дополнение и конкретизацию труда Бредерих-Курмалена. Главные положения профессорских изысканий гласят:

– “Сохранение российской мировой империи в ее нынешнем объеме несовместимо с нашей безопасностью”; у **России “следует отобрать ее приграничные территории**. Они должны быть переданы нам или стать самостоятельными”;

– прежде всего **надо создать самостоятельную Украину под протекторатом рейха**, территория которой распространялась бы до Кавказа и включала бы в себя область великорусских донских казаков, “отрезая, таким образом, Московию от Черного моря”;

– к **отделенной от России Финляндии предстоит присоединить Архангельскую губернию** “с богатым медью и каменным углем Кольским полуостровом и незамерзающим мурманским берегом, а также Олонец с его залежами руды”; “разумеется, мы должны взять на себя защиту Финляндии”;

– **остальные окраины России должны быть отделены, но не становиться самостоятельными** – Белоруссии нельзя предоставлять самостоятельность, “поскольку она все равно примкнет к единой Москве, а нам нужна земля для размещения в будущем наших переселенцев”; Кавказ будет передан Турции, которая станет германским протекторатом; Польша делится между Германией и Австрией; Литва и прибалтийские “буферные государства” включаются в состав рейха;

– **Россию необходимо полностью отрезать от Балтийского моря**, сделав Лиепаю и Кронштадт базами германского военного флота; следует также на 30

лет оккупировать Петербург, чтобы обеспечить выплату Россией контрибуции;

– **полученные рейхом области должны быть “очищены” от проживающих там людей**: “В последнее время принципом германской политики стала допустимость приобретения территории без ее населения, чтобы получить необходимую для заселения землю, которая нам нужна, если мы не хотим задохнуться в невыносимой тесноте нынешней Малой Германии”; имеющееся население, включая “политически нежелательные элементы”, подлежит переселению в Сибирь – конечно, летом, потому что это более “гуманно”, чем зимой.

Приведенные цитаты весьма наглядно показывают, что нацистское безумие появилось не на пустом месте и его нельзя толковать как некую неисповедимую “ошибку германской истории”.

Нацизм произрос на вполне унавоженной почве немецкого национализма и шовинизма, которые задолго до поражения 1918 г. и “позора Версаля” выработали детальную программу грабежа и уничтожения соседних народов.

Брест был первой попыткой претворения в жизнь этой программы. Вторая попытка, предпринятая Гитлером, отличалась от нее лишь масштабами, а не по существу.

Кстати, продолжатели Бреста шлились не только в Германии. В период иностранной интервенции, обрушившейся на истекающую кровью Россию после 1918 г., кто только не старался оторвать от нее кусок пожирнее – тут были и англичане, и французы, и американцы, и японцы, и поляки ...

Было поистине чудом, что Россия устояла в этой смертоносной круговерти!

Но как только выяснилось, что она вновь крепко стоит на своих ногах, мир заторопился с восстановлением ее

равноправия в международных делах. В 1922 г. был заключен первый российско-германский договор в Ра-

палло, а немного позже, в 1924 г., началась “полоса признания” Советской России.

Призраки Бреста

На Западе нашлось немало политиков, склонных по существу приравнивать дезинтеграцию Советского Союза к реализации Брестского диктата. Даже уже медалей для себя начекали “За победу в холодной войне”. Кое-какие параллели действительно напрашиваются – западные и южные границы России, например, в опасной степени приблизились к контурам XVII в. Да и денег выплатила она “победителям” немеренно. И экономика лежала в руинах. И армия была практически развалена.

Как ни странно, но это был период, когда вся Россия – и правители, и управляемые – держали открытыми объятия для бывших противников и соперников практически на любых условиях (что тоже напоминало Брест). Вероятно, Запад мог бы тогда иметь Россию в качестве сателлита и поставщика сырья без собственной воли и амбиций.

Но этого ему показалось мало (и здесь прослеживается сходство с отказом немцев в Бресте удовлетвориться положением “ни мира, ни войны”):

– Без малейшего повода со стороны России начался марш НАТО на Восток, к российским границам, причем инициатором этого марша выступила объединенная Германия, ради дружбы с которой горбачевский СССР принес самые тяжелые геостратегические жертвы.

– По соседству с Россией начались “цветные революции”, когда при открытой помощи Запада к власти пришли наиболее русофобские политические элементы.

– США денонсировали договор по ПРО, закреплявший единственно воз-

можный в ядерный век принцип безопасности: кто выстрелит первым, умрет вторым.

– Вашингтон принялся выстраивать систему противоракетной обороны, которая должна предотвратить вероятный “удар возмездия”. Но в современном мире неуязвимость одного означает беззащитность всех остальных. Ныне идет речь о том, чтобы вынести элементы передового базирования этой системы непосредственно к западным рубежам России. Аргумент: “Речь только о 10 антиракетах!” – не убеждает. Там, где сегодня стоят десять, завтра могут стоять сто. Гонка вооружений выходит в космос.

Одновременно на Западе стали распространяться теории относительно “неправомерности” оставления богатств земных недр в собственности тех стран, где они находятся. Пошли разговоры о том, что пора “разукрупнить” занимающие большое пространство государства, поскольку они-де являются “пережитками прошлого”. Всерьез рассуждают о том, как “лучше” разделить Россию – наряду с отдельными Западной и Восточной Сибирью, а также Дальним Востоком планируется натрое расколоть и европейскую часть страны. Могут сказать: “Это всего лишь научные изыскания”. Но не стоит забывать о том, что подобными “научными изысканиями” мостилась дорога к Бресту и нацизму.

Продолжавший традиции Бреста германский политик задолго до того, как раздался первый выстрел Второй мировой войны, сформулировал так называемый “политический завет германской нации”: “Никогда не смиряй-

тес с возникновением двух континентальных держав в Европе. Расценивайте любую попытку организовать у германских границ вторую военную державу – пусть даже только в форме создания государства, способного стать военной державой – как агрессию про-

тив Германии и усматривайте в этом не только право, но и долг всеми средствами, вплоть до применения вооруженной силы, воспрепятствовать появлению такого государства, а если оно уже появилось, снова разгромить его”⁵.

Стиль ужасающий, но смысл ясен и до оторопи напоминает высказывания американских неоконсерваторов (а теперь уже и тексты докладов ЦРУ). Только европейский масштаб рассуждений “фюрера” переделан на глобальный – вот и все.

Призрак бродит по Европе (вариант: по земному шару), призрак Бреста. К этому обстоятельству нужно относиться серьезно.

По счастью, российская общественность и официальные круги после некоторых раздумий поняли это и делают соответствующие практические выводы.

Повода для паники нет, но заставить колесо истории покатиться по иной, по мирной колее может лишь сжатая в единый кулак воля российской нации и здравомыслящих людей в ведущих странах мира.

Примечания

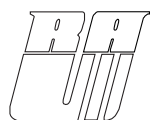
¹ *Hümmert L.* Zwischen München und St.Petersburg. Bayerisch-russische Beziehungen und Begegnungen von 1779 bis 1918. München, 1977. S. 133–134.

² Цит. по: *März P.* Der Erste Weltkrieg. Deutschland zwischen dem langen 19. Jahrhundert und dem kurzen 20. Jahrhundert. Stamsried, 2004. S. 198–199.

³ *Brödrich-Kuhrmalen S.* Das neue Ostland. Berlin, o. D., Bayerisches Historisches Staatsarchiv. Abteilung IV Kriegsarchiv. 1916. M Kr 13872.

⁴ *Lezius F.* Deutschland und der Osten. Königsberg, o. D., Bayerisches Historisches Staatsarchiv. Abteilung IV Kriegsarchiv. 1916. M Kr 13873.

⁵ *Hitler A.* Mein Kampf. 1930. S. 723–724.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Традиции самоуправления в дореволюционной России

Исторический опыт местного самоуправления

Александр Зименков,
доктор политических наук, профессор

Местное самоуправление имеет глубокие исторические корни в российском обществе.

Оно не всегда было конституировано, не носило абсолютного характера, ограничивалось централизмом монархической власти, но роль его в управлении обществом, влияние на судьбу народа несомненны.

Как показывают последние научные изыскания, уже в X–XI в. территория русского государства делилась на части, именуемые “землями” и “волостями”, которые имели значительный масштаб самоуправления.

Достоверно о структуре самоуправления и его функциях известно немного, но очевидно, что в нем находили зримое выражение принципы родовой демократии.

Эта ранняя модель самоуправления основывалась на двух началах: территориально-хозяйственной общности и наличии, а порой лишь ощущении, родственности. В период складывания древнерусского государства и, особенно, в период феодальной раздробленности взаимодействие этих двух начал предопределило специфику формирования традиций самоуправления в различных землях.

Государственно-политический строй древних русских княжеств сочетал в себе монархическое начало в лице князя и

его дружины и демократическое начало в лице народного собрания, веча и избираемых им должностных лиц.

Это взаимодействие двух властных начал как характерная черта российской политической системы проходит через всю тысячелетнюю историю нашего государства. Именно такое взаимодействие позволило Древней Руси (до нашествия монголов) избежать абсолютной княжеской власти. Вече, опирающееся на народное ополчение, на свои выборные структуры, противостояло монархическим устремлениям князей.

Г.В.Плеханов, оставивший развернутый политологический анализ средневековой общественной жизни России в сравнении с ситуацией в Западной

Европе, указывал на два момента, предопределившие длительную возможность такого противостояния: постоянная военная опасность для русских земель, которую не могла отразить одна только княжеская дружина без ополчения, и бурный рост городского ремесла и торговли, превративший города домонгольской Руси в опорные пункты общественной жизни. При этом противостояние было связано с длительным раздроблением русских земель.

Падение в расприх и усобицах авторитета центральной и удельной княжеской власти усиливало влияние вечевых структур. Вплоть до того, что по воле веча (как это было в 1113 г. с Вл.Мономахом) князья стали перемещаться с одного удела в другой, вопреки феодальной традиции наследования власти, то есть по избранию в князья вечем, а не по родству.

Вече было представительным органом, обладало значительными самоуправленческими возможностями. Оно пользовалось демократическими методами управления, избирало должностных лиц, решало многие жизненно важные для людей вопросы, давало согласие или высказывало протест на исполнение власти тем или иным князем, сотрудничало с княжеской структурой власти.

Характерный факт сообщает Н.М.Карамзин, описывая вече в Киеве 1146 г., которое добивалось от князей Святослава и Игоря клятвы в том, что те будут честно исполнять обязанности по защите киевского населения. А когда князья нарушили клятву, то жестоко поплатились за это.

Особенно сильное развитие вечевая система управления получила в Новгородской и Псковской республиках. Причем не случайно. Внешняя торговля этих феодальных республик обеспечивала прочное положение торгово-ростовщических кругов (в торгово-ростовщических операциях активно уча-

ствовало и новгородское боярство), для которых была выгодна централизованная, максимально демократичная модель организации власти.

Они поддерживали власть, которая могла бы обеспечить приоритет местного экономического интереса над общеполитическими, общегосударственными интересами, выразительницей которых в принципе выступала княжеская власть.

В этих республиках вече принимало законы, выбирало и судило городских сановников, решало вопросы войны и мира и многое другое. Оно заключало договоры с князем, как бы приглашая его на службу.

В.О.Ключевский, подробно разбиравший структуру и механизм функционирования веча, писал: "...политический центр тяжести в Новгороде должен был с княжеского двора переместиться на вечевую площадь, в среду местного общества".

Здесь важно отметить, что вече являлось вершиной новгородской власти и на него замыкались структуры местного самоуправления.

Первичной ячейкой такого самоуправления была улица, избиравшая уличного старосту, улицы объединялись в сотни. Из двух сотен составлялся "конец", во главе которого стоял выборный "кончанский" староста, который вел текущие дела "конца" под надзором "кончанского" схода.

Союз всех "концов" составлял общину Великого Новгорода. Из многоуровневого соединения мелких самоуправляющихся ячеек составлялась система ее власти.

Вечевая система управления распространялась на жизнь и горожан и сельских жителей Древней Руси.

Крестьянское население группировалось в общины и крупные волости. Они носили хозяйственный и административный характер. В общем пользовании крестьянских общин находились леса,

пастбища, пустоши. Соответственно и вопросы, связанные с эксплуатацией этих угодий, обсуждались на общей сходке, это было делом волостного мира. Волостной мир избирал свою администрацию, выборного старосту.

Волость, община была замкнутым самоуправляющим мирком. Она соприкасалась с княжеской правительственной администрацией, главным образом, через выплату разного рода податей, сборов, даней. Зато в вопросах пресечения разбоя, казнокрадства и прочей уголовщины, в сфере культуры и воспитания решающей была роль мирского крестьянского самоуправления.

Таким образом, в момент крайнего обострения политической обстановки вечевое самоуправление поднималось до решения общегосударственных задач.

Эта тенденция ограничения снизу центральной монархической власти, сходная и синхронная с западноевропейской, была прервана монгольским нашествием. С этого момента в политической жизни России начинается резкое усиление общегосударственных централистских тенденций.

Так, монгольское иго подорвало систему вечевой власти.

Всякое самоуправление народа подавлялось завоевателями. Князь не избирался народом, а назначался ханом, дававшим ярлык на княжение. Вечевое начало русского общества на два с половиной века как бы замерло. Но не погибло бесследно. Оно трансформировалось в новые формы народовластия, которые с XVI–XVII вв. стали сотрудничать с уже царской, центральной российской властью. Среди них особенное значение для российского общества имели крестьянская община, казачье самоуправление и с середины XIX в. земство.

Община, которую сами крестьяне называли и “миром”, и “обществом”, на

протяжении веков оставалась важнейшим явлением в политической системе России. Уже в XIX в. она вызывала самые противоречивые мнения и оценки: западники видели в ней средство закабаления крестьянства и анархизм общественного развития, а славянофилы, напротив, связывали с ней особый путь развития России, а народники обнаруживали в ней даже зародыш социалистического будущего.

Об общине писали Н.Г.Чернышевский и К.Маркс, М.А.Бакунин и В.И.Ленин, С.Ю.Витте и П.А.Столыпин, В.М.Чернов и А.В.Чаянов, а также многие другие ученые и политики.

Неоднозначное отношение к общине объясняется не только различиями политических позиций авторов, но и действительно противоречивой ролью, какую община играла в жизни общества. Однако ее самоуправленческие функции не отрицались никем.

Больше того, многие теоретики политического развития и политического движения выделяли самоуправленческие качества общины как ценные и необходимые для общества.

Приведем несколько авторитетных свидетельств.

А.И.Герцен, характеризуя сельскую общину, писал в 1851 г.: “Русская сельская община существует с незапамятного времени и довольно схожие формы можно найти у всех славянских племен. ...Сельская община представляет собой, так сказать, общественную единицу, нравственную личность, государству никогда не следовало посягать на нее; община является собственником, облагаемым объектом; она ответственна за всех и за каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел”.

Герцен представлял взгляд оппозиции на положение общины в обществе, но, как не кажется удивительным, этот взгляд нашел полное отражение в реформаторских документах царского правительства, выпущенных в 60-е годы XIX в.

Линию на усиление роли общины как местной крестьянской власти систематически проводила в своих требованиях оппозиция народнического толка.

П.И.Ткачев основную суть дальнейшего развития реформ в России видел "в развитии общинного самоуправления и в постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственной власти".

В программе "Земли и Воли", вышедшей в 1876 г., прямо говорилось о том, что "...существующий ныне государственный строй противоречит духу русского народа, который в течении истории доказал свое стремление к полной автономии общины и свободной интеграции общин в волости, губы, земли и т.д. Поэтому мы должны добиваться перенесения всех общественных функций в руки общины, то есть о полном ее самоуправлении".

Все эти извлечения из документов и статей не нуждаются в комментариях. Их авторы – защитники крестьянства – убеждены в правомочности, значительном потенциале и политической значимости общинного самоуправления.

Даже в программе пролетарской организации "Северный союз русских рабочих" среди политических требований был пункт, посвященный тому же: "право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления".

К.Маркс долгое время не осознавал значение общины в российской политической системе, говорил о ее консервативности, о необходимости ее решительного разрушения.

Но в последние годы жизни (в переписке с В.И.Засулич) он стал говорить о ее большом значении в жизни крестьянства, о серьезной роли в общественно-политическом развитии России. К.Маркс подчеркивал даже наличие демократических черт в общинном управлении и не отрицал возможно-

стей их использования в социалистическом переустройстве российского общества.

Это позднее мнение К.Маркса об общине не укоренилось в позиции его российских последователей. И Г.В.Плеханов, вместе с В.Засулич скрывший от общественности последние марксовы суждения об общине, и В.И.Ленин, также не воспринявший гибкий подход основателей марксизма к судьбе крестьянства, не видели необходимости сохранять общинное самоуправление.

Реальное положение общины в обществе определялось политикой царского правительства.

Наиболее четко оно зафиксировано в *Манифесте* (19 февраля 1861 г.), который во многом отразил существующее положение вещей и закреплял его на будущее. Во втором разделе Манифеста "*Об устройстве сельских обществ и волостей и общественного их управления*" содержатся наиболее существенные элементы, присущие местному самоуправлению.

Имеет смысл рассмотреть их подробнее.

Во-первых, определяется состав общины, то есть субъектов местного самоуправления.

"Сельское общество составляется из крестьян, водворенных на земле одного помещика; оно может состоять либо из целого селения (села или деревни), либо из одной части разнопоместного селения, либо из нескольких мелких, по возможности смежных и во всяком случае ближайших между собой поселков..., пользующихся всеми угодьями или некоторыми из них сообща или же имеющих другие общие хозяйственные выгоды..."

Здесь подчеркнуты важные положения об общности территории и наличии совместной хозяйственной деятельности крестьян, входящих в одну общину.

Во-вторых, называются структуры местного самоуправления: сельский сход, сельский староста, а если общество сочтет необходимым, то еще и особые сборщики податей, смотрители хлебных магазинов, училищ, больниц, лесные и полевые сторожа, сельские писари и т.п. Сразу поясняется, что сельский сход составляется из крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества, и из всех назначенных по выбору должностных лиц.

В-третьих, намечается сфера полномочий сельского схода.

Она достаточно широка и включает:

- выборы должностных лиц и назначение выборных на волостной сход;
- увольнение из общества и прием новых членов;
- разрешение семейных разделов;
- дела, касающиеся общинного пользования мирскою землею, в том числе их передел или окончательный раздел;
- ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении, обучении грамоте;
- назначение сборов на мирские расходы;
- раскладку и определение порядка учета всех лежащих на крестьянах казенных податей, местных сборов и повинностей;
- учет должностных лиц, избранных сельским обществом, назначение им жалованья;
- ведение дел по отбыванию рекрутской повинности;
- назначение ссуд и всякого рода вспомоществований из общественных сельских магазинов.

Далее четко определяются полномочия старосты, других должностных лиц в общине и тем самым создается четкая картина функциональных обязанностей всех элементов самоуправленческой структуры общины.

Также детально разработан механизм представительства и голосования на сельском сходе по различным во-

просам. И по современным меркам он выглядит демократичным.

В-четвертых, особое внимание уделено в Манифесте проблемам экономической независимости общины, которая обеспечивалась наличием в ее ведении общественных земель, лесов, лугов, пастбищ, правом сбора мирских, денежных и хлебных сборов, назначения натуральных повинностей; распоряительства общественными средствами для удовлетворения внутренних потребностей.

Ст. 178 содержала все необходимые на этот счет указания: "Крестьянские общества могут, смотря по надобности и по своим средствам, установить мирские сборы на устройство и поддержание церквей, заведение сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей крестьян".

В-пятых, называются обязанности общины перед государством, помещиками и по организации мирской жизни.

К последним отнесены внутреннее управление развитием сел, осуществление мероприятий по преодолению заразных болезней, пожаров, наводнений и других бедствий, устройство сельских запасных магазинов, оказание помощи престарелым, больным, сиротам, содержание караулов в деревнях и проселочных дорог, межевых знаков, проточных вод на обширной территории.

К этому добавляется система мер взыскивающего характера, которая представляется сельскому обществу по отношению к неисправным плательщикам.

Все меры касаются имущественной и земельной сферы, причем располагаются в последовательном нарастании строгости наказания и не вторгаются в сферу судебных и государственных органов.

Манифест 19 февраля 1861 г., дополненный сопутствующими законодательными актами, создавал некоторое

правовое пространство для закрепления традиций народовластия живших в русском обществе, для удовлетворения основных политических потребностей крестьянства.

Конечно, его демократизм не следует преувеличивать.

Сохранялась зависимость крестьянского общества от помещиков в земельном вопросе и от государства – в административном отношении.

Ст. 19 Манифеста гласила: “Крестьяне и общественные их учреждения подчиняются общим губернским и уездным правлениям”.

Однако законы обеспечивали функционирование общинного управления как системы местного крестьянского самоуправления.

Не случайно оно сохранилось и в условиях столыпинской аграрной реформы, и в условиях первого десятилетия советской власти.

Отдельные элементы общинного самоуправления сохранялись и после сплошной коллективизации, а кое-где в российской глубинке дожили и до наших дней.

В 1926 г. в СССР насчитывалось 350 тыс. сельских обществ, в которых состояло 90% всех крестьян.

В 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили “*Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях*”, по которому сельский сход признавался высшим органом власти в деревне, а сельсоветы должны были докладывать на них о своей деятельности. Правда, повышались распорядительные функции сельских советов, усиливалось их политическое начало.

Положение стало быстро меняться с августа 1927 г., когда ЦИК и СНК

РСФСР приняли закон о “О самообложении”, что нарушило финансово-экономическое положение сельского общества. Вслед за этим также административным путем без учета мнений крестьянского населения постепенно вытеснен сельский сход из жизни деревни. При этом у него последовательно отбирали и даже ликвидировали те или иные управленческие функции.

Мощные корни во многих регионах России имело **казачье самоуправление**.

Своим изначальным происхождением оно также уходит в глубину веков.

Казачье самоуправление не было единообразным во времени и по отдельным регионам.

В XVIII–XIX вв. оно во многом определялось отношениями с царской властью. Царскими указами и различными положениями регламентировалась степень самостоятельности войсковых атаманов, полномочия войсковых кругов. Нередко эти указы ограничивали “казачью вольницу”, ставили всю казачью структуру в определенную нишу российской государственной системы.

Но характерно, что внутренняя жизнь казачества до самой революции 1917 г. строилась и управлялась не столько этими законами, сколько издавна сложившимися обычаями. И вот тут-то сохранялось казачье самоуправление. Спецификой его было полувоенное состояние. Оно сказывалось во всем: в названиях местных структур власти, в направлениях и регламенте их деятельности, в положении граждан.

Одним из первых законов, ограничивающих самостоятельность донского казачества, явилась “*Положения об управлении Войска Донского*”, утвержденные Екатериной II в 1775 г.*.

* Войско Донское было самым крупным казачьим регионом.

Первым пунктом "Положений" предписывалось: "Учредить на Дону гражданское правительство под именем войсковой канцелярии, которой на основании общих империи законов, предоставить как и праву земскую, так и все хозяйственные распоряжения, сборы доходов, проверку расходов, и все до промыслов и торговле относящиеся".

Но рядом с этим говорилось о принципе выборности на все должности внутри войска, в том числе из шести старшин, составляющих Войсковое Правление, только двое назначались Атаманом, а четверо выбирались на Войсковом Круге.

С 1835 г. вся жизнь Войска Донского стала регламентироваться новым "Положением об управлении Войска Донского", которое уточняло и стабилизировало внутренние отношения и порядки. Этим "Положением" подтверждалась нерушимость и неприкосновенность существовавших казачьих преимуществ. Важнейшим из них являлись земельная собственность огромных масштабов и право внутреннего самоуправления. "Положение" стало законодательной основой существования казачьей местной власти.

Во главе отдельных войск, занимавших особые области, стояли наказные атаманы. Территориально Донское и Амурское войска делились на округа, остальные – на отделы.

Низшей административной единицей была станица, нередко состоявшая из нескольких хуторов.

Высшим органом власти на местном уровне являлся станичный казачий круг. Право и обязанность участвовать в нем предоставлялось всем казакам мужского пола с 21 года. Если в семье не оказывалось такого мужчины, то это право получала казачка.

Особым положением на круге пользовались старейшие и авторитетные казаки. В наиболее ответственных ситуациях их позиция оказывала решающее воздействие.

Казачий круг достаточно демократично избирал атаманов (хуторских, станичных,

окружных), правления при них, рассматривал важнейшие вопросы развития территории и жизни населения.

Обычно решения принимались после обсуждения простым большинством голосов.

На круг более высокого уровня направлялись выборные представители во главе с атаманом. Нередкими были решения, достигаемые на основе подворного вопроса.

Постоянно действующим выборным органом было правление.

Оно решало все конкретные финансовые и хозяйственные, мобилизационные и культурные вопросы.

Оно же рассматривало мелкие спорные и нередко уголовные дела, обладая значительными полномочиями по вынесению приговора. Крупные споры выносились на станичный круг.

Судебные дела среди казачьего населения заводились редко. У местных органов было достаточно возможностей самим разбираться с большинством трудных вопросов.

Работа казачьих органов территориального самоуправления строилась на основе местных традиций, законов Российского государства и указаний вышестоящих структур войсковой системы управления. Экономическим фундаментом этой формы самоуправления являлись войсковые земли, находившиеся в коллективном пользовании, офицерские наделы и войсковой запас.

В 1912 г. казачеству принадлежало около 63 млн. десятин земли. Частной собственности на землю в казачьих войсках не было. Но на каждого казака мужского пола с 16 лет выделялся надел земли средней нормой 30 десятин.

Тем самым обеспечивалась экономическая независимость казачьих семей, что также было гарантом гражданского самосознания и социальной активности людей, эффективности территориального самоуправления.

В 1920 г. казачество как сословие было упразднено, система казачьего самоуправления ликвидирована. Казачество стало одной из первых соци-

альных групп, попавших под большевистские репрессии. Оно понесло самые большие численные потери в периоды Гражданской войны, раскулачивания 1929–1933 гг.

Но традиции самоуправления, демократической местной власти сохранились и к 90-м годам. Это подтверждается огромным размахом возрождения казачества в последние годы, выдвигаемыми им программами восстановления самоуправленческих начал во многих регионах современной России.

Своеобразной формой самоуправления обладали иностранные, главным образом, **немецкие колонисты**. Приглашенные в Россию указами Екатерины II в 60-е годы XVIII в. и размещенные в нескольких регионах на льготных экономических, правовых и политических условиях, они жили в основном по своим национальным традициям.

Внешне самоуправление в немецких поселениях было схоже с русской общиной. Но отличалось тем, что основывалось не на общинном, а на индивидуальном владении землей.

Указами Екатерины колонистам обещалась даже частная собственность на землю. Но это обещание не состоялось. А вот самоуправление, обеспечивающее им независимое существование в России, было реальным. Немецкие поселения в Поволжье и Новороссии, Крыму и Закавказье не подчинялись губернским властям, а были подведомственны специальной канцелярии опекунов иностранных колонистов, а с 1838 г. – Министерству государственных имуществ. На основе особой юрисдикции отношения со столицей использовались лишь для получения каких-либо льгот, помощи и т.п.

В колониях действовали свои внутренние законы и распоряжки, управляли выбранные на общих сходах свои

же селяне. Делопроизводство и все остальное осуществлялось на немецком языке. Работали немецкие национальные школы. Господствовала католическая церковь. Иностранцы путешественники обнаруживали в колониях больше германского, чем в самой Германии, а русский, оказавшийся на их территории, попадал как бы в чужое государство.

Внутренний механизм самоуправления в колониях был достаточно традиционным, но функций у выборных органов было больше, что естественно, поскольку колонисты жили своим замкнутым миром и тщательно оберегали его специфику, а сами немецкие общины были значительно богаче русских, что позволяло им решать многие дополнительные социально-культурные проблемы. Вмешательство государственных чиновников в дела общин было минимизировано. Самоуправленческая деятельность колонистов регулировалась национальными традициями, законами о колониях, материальными возможностями общин.

Самоуправление широко использовалось в советское время. Создание АССР Немцев Поволжья (НП) содействовало закреплению многих навыков местного самоуправления на национальной основе. Разрушилась эта практика только вместе с ликвидацией АССР НП (август 1941 г.), разбросавшей немецкое население по разным регионам страны и разорвавшей общинно-родственные связи.

На протяжении полувека (1864–1917 гг.) действовала в дореволюционной России **земская система самоуправления**.

До того вопросы местного развития в губерниях решали комитеты земских повинностей. Это были органы фактически административной губернской структуры власти.

Собираясь, раз в три года, они составляли сметы и раскладки земских повинностей, передавая львиную долю местных денежных сборов на общие государственные потребности и лишь малую их часть направляя на местные нужды.

Комитеты не защищали местные интересы, плохо решали земские проблемы. Отмена крепостного права подстегнула процесс их ликвидации: нужна была более эффективная система местной власти, способная позаботиться об устройстве жизни граждан низших и средних сословий.

По инициативе дворянских представителей 1 января 1864 г. было принято "*Положение о губернских и уездных земских учреждениях*".

Не разбирая подробно этого документа, как и деятельности земств, отметим лишь примечательные особенности данной модели местного самоуправления.

Первое – всесословный характер земств.

По "*Положению*" всем слоям местного населения предоставлялось право участвовать в управлении.

Но существенным критерием избирательного права являлся имущественный ценз. Он не распространялся на выборных от общин. Избирать и быть избранным в земские органы могли только собственники, причем собственность определенных размеров (земельная или иная) должна находиться на территории данного уезда.

Выборы проводились по трем куриям (землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ) на трех уездных избирательных съездах.

Характерное определение земствам дал В.О.Ключевский: "Совокупность лиц и учреждений, которые владеют в городе или уезде известным пространством земли или другим недвижимым имуществом определенной ценности, по цензу, либо промышленным или торговым заведением с определенным годовым оборотом, предо-

ставлено чрез свои органы ведать земское хозяйство".

Второе – функционирование земских учреждений вне системы государственных органов. Они в нее не включались. Служба в них относилась к общественным обязанностям, гласные не получали вознаграждения за участие в работе земских собраний, а должностные лица земских управ не считались государственными служащими. Оплата их труда производилась из земских средств, то есть административно и финансово земские органы были отделены от государственных.

В ст. 6 "*Положения*" подчеркивалось: "Земские учреждения в кругу вверенных им дел действуют самостоятельно. Закон определяет случаи и порядок, в которых действия и распоряжения их подлежат утверждению и наблюдению общих правительственных властей".

Об общественно-хозяйственном положении земств, которое, конечно, ослабляло их властные функции, но обеспечивало большую политическую независимость, хозяйственную самостоятельность, демократизм деятельности велись до революции и ведутся ныне научные и политические споры.

По нашему мнению, эффективность местного самоуправления обеспечивается не столько той или иной связью с государственной системой управления, сколько характером самого государства. В демократическом – в рамках государственных структур может быть успешной местная власть, в авторитарном – даже отделенная от них – она вряд ли окажется эффективной.

Третье – наделение земств значительными полномочиями в решении широкого круга местных проблем. Характерно, что, не являясь государственной структурой, они наделялись правом издавать обязательные для населения постановления, облагать его раз-

личными сборами. Это было необходимо для решения вопросов местного управления.

Эти полномочия перечислялись во второй статье "Положения":

- заведование имуществом, капиталами и денежными сборами земства;

- устройство и содержание зданий и путей сообщения, содержащихся за счет земства;

- меры по обеспечению народного продовольствия, социальной помощи, в том числе по преодолению нищенства, поддержки церковей, развития местной торговли, промышленности, почтовой службы, управления делами взаимного земского страхования, правопорядка;

- участие, преимущественно хозяйственное, в попечении народного образования и здравоохранения, ветеринарной и агрономической службы;

- представления и ходатайства о земских пользах и нуждах и т.п.

Этот, далеко не полный, перечень показывает, сколь многообразной и ответственной была деятельность земских органов. К тому же она оказалась эффективной, что признавалось всеми политическими силами, кроме социалистов. Общеизвестны достижения земств в сфере образования, здравоохранения, агрономического и ветеринарного дела, городского и дорожного хозяйства, социальной помощи, статистики, кустарных промыслов, кооперативного движения.

Четвертое – введение земской системы только на двух административно-государственных уровнях: уездном и губернском.

Земство не имело своих структур ни на низших уровнях (волость, селение), ни на высшем общероссийском масштаба.

Именно на этом основании противники земства называли его то "зданием без фундамента и крыши", то "пятым колесом в телеге" российского государ-

ственного управления. Но это не отвергает сути вопроса.

На уровне волости и селения функции, аналогичные земским, но, меньшего масштаба, исполняли сельские общины, крестьянский мир. И незачем было земствам вторгаться на этот уровень.

Что касается общегосударственного земского органа, то царское правительство, пожалуй, опасалось чрезмерного усиления государственной роли земств, что было вполне реальным при наличии у него общегосударственных структур.

Отсутствие таких структур и даже межгубернских земских контактов к тому же подчеркивало чисто местный масштаб их деятельности.

Пятое – четкая правовая регламентация земской системы и деятельности ее органов.

В систему земских учреждений входили:

- избирательные съезды, задача которых – раз в три года определять состав корпуса уездных гласных;

- губернские и уездные земские собрания – распорядительные органы;

- губернские и уездные земские управы – исполнительные органы.

Губернские и уездные собрания собирались раз в год: уездные – не позже сентября, губернские – не позже декабря.

Губернатору предоставлялось право надзора за деятельностью земских учреждений, а Сенату – право разбора споров губернатора с земскими собраниями и жалоб на них частных лиц и учреждений.

В 1907–1911 гг. готовилась реформа местного управления, рассчитанная на слияние местной администрации и земского самоуправления, но она не состоялась.

За 54 года существования земской системы она, конечно, эволюционировала, уточнялись ее полномочия и ответственность. Но все это осуществлялось через изменения в законодательстве. Земству посвящались многие за-

коны и положения, издаваемые Императором, Государственным советом, Комитетом Министров.

К ним относятся: "О порядке производства дел в земских, дворянских и городских, общественных сословных собраниях" от 13 июня 1667 г.; Положение Комитета Министров от 7 июля 1867 г. "О порядке оставления без последствий ходатайств губернских земских собраний", Закон 1868 г. "О порядке обращения натуральных земских повинностей в денежные", "Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г."

Таким образом, правовое положение земств было достаточно разработанным.

При вступлении в гражданско-правовые отношения земские учреждения пользовались правами юридического лица. Управы рассматривались как полноправный представитель земства губернии или уезда.

Они могли приобретать и отчуждать имущество, заключать договоры, вступать в переговоры с контрагентами, предъявлять гражданские иски и отвечать на суде по имущественным делам земства.

Заключенные управой контракты имели обязательную силу для соответствующего земства.

Законодательно был предусмотрен государственный контроль за деятельностью земств в общем виде.

Он осуществлялся по линии Министерства внутренних дел. Кроме того, существовал надзор за органами земской системы. Ряд важнейших постановлений земских собраний и утвержденная ими смета должны были получить одобрение министра внутренних дел (для губернского уровня) или губернатора (для уездного уровня).

Эти постановления касались вопросов развития страны в целом: местных путей сообщения, расквартирования воинских подразделений, торговли, пошлин и т.п. В аналогичном порядке утверждались в

должности председатель и члены земских управ.

Такой контроль государства носил нормативный характер и не сковывал самостоятельную деятельность земств.

Широко распространенной была форма самоконтроля в виде регулярного информирования общественности о деятельности земских органов.

Существовало немало земских журналов и газетных изданий, центральных и местных, земские сборники отдельных губерний. Порой в виде брошюр публиковались земские доклады и статистические материалы.

Процедура решения любого вопроса строго фиксировалась и предавалась гласности в земских изданиях. До сведения избирателей доводилась вся внутренняя жизнь муниципальных структур. Систематически составлялись и публиковались отчеты подведомственных управе комиссий по различным вопросам (состояние связи, кредитные операции, развитие трамвайного транспорта, здравоохранение, городское благоустройство и т.д.).

Шестое – наличие у земств прочной финансово-экономической базы.

И губернские, и уездные земские органы имели свой бюджет, много работали над его укреплением. Доходы земств состояли из губернского земского сбора – местного государственного налога, из целевых дотаций государства, из частных пожертвований и прибыли торгово-промышленной деятельности земств.

Суммы собирались значительные, но и средств для решения множества местных проблем земствам требовалось немало. Часто бюджет земских учреждений оставался дефицитным. Для его покрытия они могли устанавливать дополнительные сборы, которые, по сути, представляли собой самообложение населения.

Здесь важно подчеркнуть, что финансово-экономическая деятельность

носила социально-справедливый характер: средства обеспеченных социальных групп направлялись на улучшение жизни малоимущих, использовались в интересах всего населения, способствовали развитию данной местности. Такое земское перераспределение средств способствовало социально-политической стабилизации общества в рамках уездов и губерний.

Масштаб деятельности земских учреждений был огромным. В начале XX в. она распространялась на 34 губернии Европейской части России. Практический опыт земств оказался ценнейшим политическим приобретением России. Но, к сожалению, до сих пор не востребованным. В конце 1917 г. их функционирование было прекращено Декретом СНК РСФСР, а в течение 1918 г. были упразднены земские учреждения всех уровней.

На основе земской системы с 1870 г. в России было создано и до 1918 г. функционировало **городское самоуправление**.

Предметом его ведения были примерно те же сферы, что и у земства, только в масштабе городов. Отличительной особенностью городского са-

моуправления являлся его бессловесный характер.

Участие в городских выборах не определялось имущественным цензом, достаточно было проживать в данном городе, иметь какое-либо недвижимое имущество или платить в пользу города какой-либо налог.

Органами городского управления были: городская дума с распорядительной властью, избираемая на 4 года; городская управа с исполнительной властью, избираемая городской думой; городской голова, избираемый думой и председательствующий в ней, в управе и в городских избирательных собраниях, губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора, как бы арбитражный и контролирующий орган в сфере городского самоуправления.

Система городского самоуправления охватывала сотни больших и малых городов, втянула в свою сферу миллионы горожан, тысячи активных политических и государственных деятелей. Они, как и земства, стали ареной политической борьбы различных партий и общественных движений, в их стенах рождались идеи и программы, направленные на развитие отдельных местностей и регионов.

Проведенный анализ показывает, что к 1917 г. в России действовала разветвленная система форм самоуправления, охватывавшая город и деревню, проявлявшая себя в решении всех основных вопросов местного развития.

К исследованным здесь формам можно добавить самоуправленческие структуры меньшего масштаба: дворянские и купеческие территориальные организации, еврейские, армянские и другие общины на национальной основе, православные общины и религиозные организации других конфессий. Они также формировали привычку коллективистского решения различных местных вопросов.

Самоуправление являлось существенным элементом российской политической системы.

Традиции самоуправления хранились в различных формах на протяжении ряда веков. Это не просто огромный период времени. Это – исторические корни, на которые следует опираться в сегодняшней работе по созданию органов местного самоуправления.

Кризис миротворчества ООН

Лидия Гришаева,
кандидат исторических наук

В XXI в. все в большей степени укрепляется понимание роли ООН как универсального международного форума, призванного решать глобальные проблемы человечества. Для адаптации ООН к новым условиям назрела реформа.

Реформирование следует рассматривать как сложный и всеобъемлющий процесс, охватывающий все сферы деятельности Организации для повышения ее эффективности и закрепления центральной роли в мировых делах. Одной из главных функций ООН, изначально созданной для поддержания мира и международной безопасности, предотвращения новых международных конфликтов, стало миротворчество.

Понятие миротворчества

В условиях глобализации произошло качественное усложнение природы конфликтов: акцент был перенесен с международных на внутренние конфликты, зачастую сложного и неясного характера. Для урегулирования конфликтов ООН были предложены три направления:

- превентивная дипломатия,
- миротворчество,
- поддержание мира¹.

Все направления важны, но миротворчество следует выделить как самый актуальный, эффективный и значимый инструмент поддержания международной безопасности.

Миротворчество определяется как “действия, направленные на то, чтобы склонить враждующие стороны к соглашению, главным образом с помощью таких мирных средств, которые предусмотрены в гл. VI Устава Организации Объединенных Наций”².

Эта глава предусматривает такие меры невоенного характера, как решение споров “путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору”³.

Этот способ мирного урегулирования именуется “превентивной дипломатией” и применяется для предупреждения возникновения споров между сторонами, недопущения перерастания существующих споров в конфликты и ограничения масштабов конфликтов после их возникновения⁴. В том случае, если мирные средства не дают результатов, то по решению Совета Безопасности для поддержания или восстановления международного мира и безопасности в условиях существования “угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии” должны применяться

меры, предусмотренные в гл. VII Устава ООН⁴.

Эта глава предусматривает применение ООН принудительных мер с возможным использованием вооруженных сил для восстановления международного мира. Основная задача вооруженных сил ООН при осуществлении миротворческих операций

сводится к разъединению сторон и охране гуманитарных операций, они не имеют право применять силу, кроме как для самообороны. Прерогатива принятия решений о применении принудительных мер в целях поддержания мира принадлежит СБ ООН, причем только при условии единогласия его постоянных членов.

Миротворческие операции

Существуют две категории миротворческих операций.

К первой категории относятся операции *по поддержанию мира*, направленные на ограничение распространения конфликтов, создание возможности для их урегулирования и ликвидации последствий. Для их проведения требуется согласие конфликтующих сторон.

Во время “холодной” войны операции такого рода развертывались обычно после прекращения огня, и одной из их главных задач было “создание условий, в которых были бы возможны переговоры в целях урегулирования конфликта”.

В конце 80-х годов появился новый вид операций по поддержанию мира, которые проводились после успешного завершения переговоров и были направлены на оказание помощи сторонам в выполнении условий всестороннего урегулирования⁴.

Такие операции были развернуты в Намибии, Анголе, Сальвадоре, Камбодже и Мозамбике.

Ко *второму типу* миротворческих операций относятся *операции по принуждению к миру*.

Такие операции могут санкционироваться без согласия сторон, но только в случае угрозы международному миру, которую создают межгосударственные конфликты или события внутри государств.

Такого рода операции осуществлялись в Сомали, зоне Персидского залива, Руанде, Боснии и Герцеговине.

При выполнении таких операций используется вооруженная сила как крайнее средство миротворчества.

Распад биполярной системы мира ознаменовал начало нового этапа в истории ООН. Изменения в геополитической обстановке потребовали от ООН подтверждения ее пригодности для урегулирования региональных конфликтов. После окончания “холодной” войны изменилось как количество, так и качество конфликтов. С начала 90-х годов число миротворческих и гуманитарных миссий ООН неуклонно росло.

Только за три года (1989–1992 гг.) их количество сравнялось с числом подобных операций за предшествовавшие 40 лет.

Материальные затраты на их проведение возросли в 1991–1992 гг. с 750 млн. до 2,9 млн. долл.

Географический спектр операций расширился, их формы разнообразились.

Перестройка системы международных отношений происходила болезненно, и ООН не всегда могла адекватно реагировать на происходящие изменения.

Во-первых, ООН создавалась как механизм предотвращения межгосударственных конфликтов, а не внутрисгосударственных, этнических, религиозных и т.д.

Во-вторых, во время “холодной” войны две сверхдержавы, поделившие мир на сферы влияния, не давали ей стать реальной основой международного регулирования.

Суть кризиса миротворчества

К середине 90-х годов начали явно проявляться признаки *кризиса миротворческой деятельности ООН*, результатом которого стало вытеснение Организации на периферию международных отношений региональными организациями, деятельность и влияние которых росли. Кроме того, возникли новые угрозы международной безопасности, такие, например, как международный терроризм и распространение оружия массового уничтожения.

Это было связано с тем, что у международного сообщества не было опыта борьбы с такого рода вызовами, и, кроме того, эти проблемы касаются практически всех государств. Поэтому наиболее приемлемый вариант противостояния новым угрозам миру – коллективная борьба с ними.

ООН уже обладает необходимой базой для решения такого рода проблем, опираясь на которую можно бу-

дет коллективно, при участии большинства стран, находить наиболее адекватные методы решения новых глобальных проблем. Попытки бороться с такими явлениями, как, например, международный терроризм, самостоятельно несостоятельны, и опыт последних лет это показал. Такого рода действия приводят лишь к углублению конфликта.

Все это привело к осознанию мировым сообществом необходимости реформирования миротворческого механизма Организации. Совершенно ясно, что глобализация, делает мир более “тесным” и, стирая границы, приводит к тому, что любой международный, региональный или даже внутригосударственный конфликт затрагивает интересы всех субъектов международных отношений. Именно поэтому проблема совершенствования миротворческого механизма ООН так важна.

Негативные факторы, усугубляющие кризис миротворчества

Можно выделить целый ряд факторов, которые определили снижение эффективности миротворческой деятельности ООН.

Так, в частности, Организация не имеет собственных вооруженных сил, способных оперативно реагировать в чрезвычайных ситуациях, и, следовательно, она не может подкрепить силой решения Совета Безопасности. Кроме того, после распада СССР ООН была не готова справляться с задачами, которые возникали в связи с необходимостью регулирования международных конфликтов и гуманитарных катастроф, если они возникали внутри отдельных государств и требовали применения силы.

Можно особо выделить и недостатки самого миротворческого механизма

Организации, которые формировались годами и постепенно становились хроническими:

- неразработанность механизма миротворческих операций;
- неэффективность деятельности Военно-Штабного Комитета, который уже не одно десятилетие существует чисто формально;
- постоянная нехватка финансовых средств, а, следовательно, ограниченные возможности в проведении миротворческих операций;
- необъективное определение существа различных кризисов, и, соответственно, произвольное распределение средств на их урегулирование;
- недостатки “политико-правовой” базы ООН, отсутствие уточненных

правовых понятий: самоопределение, создание государственности, вмешательство, территориальная целостность, автономия и т.д.

– отсутствие у нее ясной и эффективной инфраструктуры;

– нечеткое определение понятия санкций различного рода и непродуманность возможных последствий их применения.

Но основная причина кризиса ООН в области поддержания мира и международной безопасности кроется в проблеме соблюдения норм международного права и претворения решений Совета Безопасности ООН. В последнее время наметилась опасная тенденция действовать в обход Устава ООН и Совета Безопасности.

Речь идет о внешней политике США, которые после ухода с политической арены главного соперника, пытаются утвердиться в качестве ми-

рового “полицейского”, игнорируя мнение мирового сообщества и нарушая нормы международного права.

Наиболее распространенным примером служит так называемая “гуманитарная интервенция” сил НАТО в Югославию, которая являлась “не чем иным, как актом агрессии против суверенного государства”. С политической точки зрения это был прямой удар по авторитету Совета Безопасности.

Таким образом, совершенно ясно, что никакая реформа миротворческого механизма ООН не принесет желаемого эффекта, если сами государства-члены не будут соблюдать уставные принципы ООН.

Следственно, проблема кризиса миротворчества ООН гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд: ее корни уходят не только в недостатки самой системы кризисного реагирования, но и в слабости международно-правового регулирования в целом.

Косовский конфликт – кульминация кризиса миротворчества ООН

До сих пор не получил своего решения сложный многофакторный конфликт в Косово – самый острый и животрепещущий конфликт современности. В 90-е годы стала развиваться тенденция по решению международных проблем односторонними силовыми методами в обход Совета Безопасности и Устава ООН. Объективно перед Россией встала задача о выработке собственной линии поведения. Процесс решения проходил очень сложно.

Об этом свидетельствуют неоднократные заявления министра иностранных дел РФ С.В.Лаврова⁵.

В итоге был согласован единственный правильный подход в пользу отставания российской дипломатией прерогатив Совета Безопасности и основополагающих норм Устава ООН. Такая линия действия себя полностью оп-

равдала, и доказательством этого стало то, что страны, которые увлеклись односторонним применением силы, в конечном итоге, были вынуждены обратиться в Совет Безопасности с просьбами помочь выйти из кризиса.

Наглядный пример – натовские бомбардировки СФРЮ весной 1999 г., которые были мотивированы ссылками на политику югославского руководства в Косово.

Россия никогда не оправдывала эту политику, а выступала за адекватные политические меры, тем более что их потенциал, как и потенциал действовавших тогда против Белграда санкций, отнюдь не исчерпан. Однако силовой сценарий все же был спровоцирован. Тогда стало очевидно, что силовыми действиями косовский конфликт не решить. Совбез согласовал схему уре-

гулирования и закрепил ее единогласно в принятой резолюции № 1244⁶. Сегодня едва ли кто-либо рискнет утверждать, что военная операция нормализовала положение в Косово.

В Крае по-прежнему остро стоит проблема национальных меньшинств.

Была получена зеркальная картина: до войны притеснения терпели албанцы, теперь же сербы, которые в результате целенаправленной политики их выдвигания из Косово были вынуждены оставить районы своего традиционного проживания. Их основополагающие права и свободы, включая право на жизнь, систематически нарушаются вопреки требованиям резолюции № 1244.

Здесь опять пришли в противоречие понятия: "право наций на самоопределение", "территориальная целостность", "статус гражданства", "право автономии".

По сей день именно Косово остается "горячим" вопросом для Совета Безопасности.

Работая над его урегулированием, Россия последовательно настаивает на осуществлении резолюции № 1244 в полном объеме, прежде всего в плане обеспечения прав неалбанского населения Края, пресечения военных акций против сербов.

Россия в данном вопросе стоит на позициях международного права и выступает против сепаратизма в Косово, предлагает основательно продумать долгосрочные последствия поспешного провозглашения независимости Косово.

Россия настаивает на том, чтобы ООН определила *единые принципы* предоставления независимости. Базовые документы ООН и после одностороннего провозглашения декларации о независимости краевыми властями Приштины продолжают определять косовское урегулирование.

Принципиальная линия России состоит в том, что Совет Безопасности

должен оценить этот акт как незаконный, противоречащий нормам международного права.

Но сама резолюция по итогам произошедших событий до сих пор не составлена, а все страны-члены Совета Безопасности интерпретируют нормы международного права по-разному, единства в этом главном вопросе нет.

Единой формулы урегулирования международных региональных конфликтов нет, поэтому строгого понимания ооновского мандата миссии в Косово также нет. США и ряд западных стран пытаются представить дело так, что автономия Косово в составе Сербии была рассчитана на переходный период, а значит и резолюция № 1244, не исключавшая, на их взгляд, независимости Косово, вовсе не нарушалась, а наоборот, оставаясь основой, просто себя исчерпала. Это свидетельство нечеткости правовых формулировок, не исключающих возможности их произвольной интерпретации. Российская позиция неизменна и определена, однако она не смогла предотвратить необратимость негативных процессов.

Все члены Совета Безопасности высказались за сохранение базовой резолюции № 1244, но дальнейшее развитие ситуации представляется неоднозначным и противоречивым.

Генсекретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что намерен действовать эффективным, реалистичным и конкретным образом, но в ожидании руководящих указаний СБ ему, возможно, придется внести коррективы с учетом развития событий и изменений на местах с тем, чтобы ситуация в плане безопасности оставалась стабильной⁷.

Суть дела, на наш взгляд, не только в сепаратизме и разрушении целостности Сербии, а в том, что провозглашена государственность по этническому и религиозному принципу.

Этот новый международный прецедент усилит центробежные тенденции

и будет иметь негативные последствия для всех государств.

Россия заявила, что односторонние решения косовского руководства чреваты эскалацией напряженности и межэтнического насилия в Крае, новыми конфликтами на Балканах, а поддержка сепаратизма грозит опасными последствиями для складывавшихся десятилетиями устоев миропорядка, международной стабильности, авторитета решений Совета Безопасности ООН⁸.

Очаг конфликтной ситуации находится именно в Косово, а Сербия и Албания вовлечены в него опосредованно.

Концепция реформирования миротворческой системы ООН

С 90-х годов начала разрабатываться концепция реформирования миротворческой системы Организации Объединенных Наций, в основу которой легла программа “Повестка дня для мира”⁴, выдвинутая Генеральным секретарем Бутросом Гали на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи. Программа основывалась на двух положениях:

Первое – “следует уделять гораздо больше внимания превентивным операциям, направленным на предупреждение споров между конфликтующими сторонами”. Подчеркивалась необходимость укрепления потенциала ООН в области превентивной дипломатии “путем, в частности, выделения соответствующих кадровых ресурсов и финансовых ресурсов”⁹.

Второе касалось методов принуждения к миру, в основе которых лежала бы способность быстро реагировать на события. “Имелось в виду, что в целях сохранения международного мира страны-члены ООН предоставят Организации воинские подразделения, готовые к действиям по первому требованию”¹⁰.

Это предложение основывалось на ст. 43 Устава ООН, согласно которой все члены ООН “обязуются предоставлять в распоряжение Совета Безопасности по его

Перспективы дальнейшей выработки совместной позиции Совета Безопасности ООН остаются противоречивыми и неопределенными. Расклад сил в Совбезе – не в пользу России.

В свое время у России не хватило политической воли и материальных средств для предотвращения негативного развития ситуации в Косово. Теперь, справедливо исключая силовые методы, Россия не должна их сводить только к политическим декларациям, а добиваться введения в действие совершенных, а не застывших норм международного права.

требованию и в соответствии с особым соглашением... необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооруженные силы”.

Речь шла не о создании регулярной армии ООН, а просто о более мобильных воинских подразделениях, которые бы постоянно находились в состоянии боевой готовности и могли бы “в течение нескольких дней, а не через два-три месяца, как это обычно практиковалось, приступить к операциям по поддержанию мира”¹⁰.

К сожалению, не смотря на то, что сначала предложения Бутроса Гали вызвали большой интерес у государств-членов ООН, они так и не были реализованы на практике. Но процесс реформы уже нельзя было остановить. Государства-члены сами стали выступать с предложениями о совершенствовании миротворческой системы ООН, постоянно проходят дискуссии, целью которых является выработка приемлемого для всех заинтересованных сторон пакета реформ в этой области.

Позднее, уже не будучи переизбранным в должности Генсека именно из-за неудач ООН в области миротворчества, Б.Гали выразил разочарование не в результатах лично своей деятельности, а в системе

ООН как таковой. Он заявил, что "применение силы в превентивных целях ("право на превентивную войну") противоречит ст. 51 Устава ООН ("о праве на самооборону")", хотя сам был разработчиком этого аспекта реформы миротворчества.

Более того, констатируя ослабление роли ООН в целом, он поставил под сомнение принципы многосторонности и предложил передать мандаты ООН другим организациям, естественно намекая на НАТО, посетовав одновременно на то, что постоянные члены Совбеза ООН не хотят ограничивать применение право вето¹¹.

Для ООН термин "*реформа в сфере безопасности*" является относительно новым. Но он охватывает проблемы, давно представляющие интерес для Организации: поиски устойчивой безопасности и признание того, что безопасность является также и одним из необходимых условий устойчивого развития стран. Все это напрямую связано с оптимизацией миротворческого процесса.

Новым в понимании проблемы является то, что для ООН реформа в сфере безопасности означает, что она направлена на создание эффективных, подотчетных и устойчивых институтов обеспечения безопасности, функционирующих в рамках правопорядка и соблюдающих права человека.

В выступлении на заседании СБ ООН о роли Совета Безопасности в поддержке реформы в сфере безопасности Генсек ООН Пан Ги Мун сформулировал приоритеты: "Под реформой в сфере безопасности подразумеваются идеалы и принципы, лежащие в самой основе ООН: приверженность правопорядку, приверженность защите прав человека и приверженность институту государства как краеугольному камню международного мира и безопасности"¹².

Практическая вовлеченность ООН в реформирование институтов обеспечения безопасности оформлялась десятилетиями миротворческой деятельности в постконфликтной обстановке. Из на-

копленного опыта можно извлечь несколько уроков:

Во-первых, безопасность является одним из крайне необходимых и непосредственных условий постконфликтного миростроительства. Даже минимальная безопасность является для конфликтующих сторон одним из наиболее ощутимых и наглядных преимуществ, которые предоставляют им возможность вернуться к нормальной жизни.

Стало понятно, что способность миротворцев ООН обеспечивать базовую безопасность на начальной стадии определяется тем, насколько тщательно проблемы безопасности прорабатываются на этапе миротворчества. Поэтому закрепляемые в мирных договоренностях первоначальные решения (по разоружению, демобилизации и реинтеграции конфликтующих сторон) сказываются в последствии при создании устойчивых структур и процессов обеспечения безопасности.

Необходимо учитывать, чтобы мирные договоренности и программы способствовали, а не препятствовали устойчивой безопасности.

ООН разрабатывает всеобъемлющие, общесистемные комплексные нормы и программы, которые все чаще становятся неотъемлемым компонентом на ранних этапах миростроительства.

Во-вторых, безопасность нельзя восстанавливать и поддерживать в вакууме.

При поддержке мер по достижению мира крайне важно учитывать потребности и перспективы государства и общностей внутри него. Ключом к устойчивому миру является *национальная ответственность*. Вот почему операции ООН в области мира должны основываться на принципе, согласно которому прежде чем поддерживать мир, необходимо обеспечить этот мир и сосредоточить усилия Организации на поддержке национальных властей в их деятельности по обеспечению устойчивой безопасности.

Конечно, национальная ответственность в постконфликтных условиях — это не статичное образование, она претерпевает изменения по мере вовлечения в процесс миростроительства. Чем шире сфера местной ответственности, тем устойчивее безопасность. Этот же основополагающий принцип определяет один из уникальных аспектов миростроительства ООН: успешный переход от конфликта к устойчивому миру.

В-третьих, устойчивая безопасность требует осуществления мер, кроме формирования воинских частей и подразделений по разъединению конфликтующих сторон, подготовки и снаряжения полицейских. Она подразумевает также создание и укрепление институтов безопасности, основанных на умелом управлении, устойчивом финансировании и эффективном контроле. К этому относится создание стабильных правоохранительных органов, финансовых институтов и т.д.

В-четвертых, установление устойчивой безопасности после конфликта вы-

ходит за рамки деятельности любого из индивидуальных участников конфликта. Поэтому следует полнее использовать потенциал ООН.

Для успешного преодоления конфликта необходимо подключать многие другие структуры: государства-члены ООН, региональные организации, бреттон-вудские учреждения и так далее, чтобы каждый приносил конкретные знания и опыт. (Однако при этом в материалах ООН не указывается, какие региональные организации имеются в виду. Очевидно подразумевались, прежде всего, натовские структуры).

Все эти разнообразные усилия необходимы, даже если сочетание участников и задач будут отличаться в различных контекстах.

В силу своей универсальности и легитимности ООН вносит в это особый вклад. Совет Безопасности принял это к сведению и его мандаты в области поддержания мира во все большей степени отражают перспективы реформы сектора безопасности.

Миротворчество и проблема санкций

С начала 2000-х годов в ООН стал рассматриваться вопрос *о санкциях*.

На основании гл. VII Устава Совет Безопасности может принимать принудительные меры для поддержания или восстановления международного мира и безопасности: от экономических санкций до международных военных действий.

Совет Безопасности прибегает к обязательным санкциям в качестве средства принуждения, когда возникает угроза миру и когда дипломатические усилия не дают результата.

Такие санкции вводились в 20 случаях в отношении: Анголы, Афганистана, Гаити, Ирана, Ирака, Северной Кореи, Конго, Ливии, Руанды, Сомали, Судана, бывшей Югославии (включая Косово) и т.д.

В арсенал санкций входят всеобъемлющие *экономические и торговые санкции* или более конкретные меры (эмбарго на поставки оружия, запрещение въезда или проезда, финансовые или дипломатические ограничения). Применение обязательных санкций призвано оказать давление на государство для достижения целей, установленных Советом Безопасности, без применения силы.

Таким образом, санкции являются важным инструментом, с помощью которого Совет Безопасности обеспечивает выполнение своих решений.

Благодаря своему универсальному характеру, ООН является особенно подходящим органом для введения таких мер и контроля за их соблюдением. В то же время большое число государств и

гуманитарных организаций выражают обеспокоенность в отношении возможного неблагоприятного воздействия санкций на наиболее уязвимые слои населения. Высказывается также обеспокоенность в отношении того негативного воздействия, которое санкции могут оказывать на экономику третьих стран.

Все более широко признается, что планирование, применение и осуществление санкций, вводимых Советом Безопасности, необходимо усовершенствовать.

Негативные последствия санкций можно уменьшить либо путем включения непосредственно в резолюции Генеральной Ассамблеи тщательно продуманных исключений гуманитарного характера, либо за счет более целенаправленного применения таких санкций. Все большую поддержку получают так называемые *“продуманные санкции”*, которые направлены на оказание давления на режимы, а не на людей, что позволяет уменьшить гуманитарные издержки.

Такие санкции могут предусматривать замораживание финансовых активов и блокирование финансовых сделок представителей политических элит, действия которых явились причиной введения санкций.

В свое время продуманные санкции были введены в отношении торговли алмазами из зон конфликтов в африканских странах, где войны часто финансировались

за счет продажи незаконных алмазов в обмен на вооружение и связанные с этим материальные средства.

Однако вопрос о продуманных дифференцированных санкциях до сих пор остается самым уязвимым вопросом миротворческой деятельности.

Это прослеживается на примере Ирана и Северной Кореи.

Еще 17 апреля 2000 г. члены Совета Безопасности учредили на временной основе неофициальную Рабочую группу по общим вопросам, касающимся санкций, для разработки рекомендаций общего характера для того, чтобы повысить эффективность санкций ООН.

В 2006 г. группа по общим вопросам представила Совету Безопасности доклад, в котором отражена деятельность ее членов в течение года в соответствии с их мандатом, который предусматривал *“разработку общих рекомендаций по повышению эффективности санкций ООН”*.

Это весьма полезная, но медленная деятельность. Все в конечном итоге будет зависеть от способности постоянных членов Совбеза к достижению компромисса. А на более раннем этапе еще большее значение приобретает превентивная деятельность Совета Безопасности для предотвращения конфликтов и более тщательный и взвешенный подход к утверждению соответствующих мандатов для проведения миротворческих операций.

Россия и реформа системы миротворчества

Позиция России в отношении роли Организации Объединенных Наций в мировой политике основывается на том, что ООН как единственная универсальная организация должна занимать центральное место в решении проблем международной и региональной безопасности¹³. Причем поддержание Россией центральной роли ООН в мировой политике стало более актуаль-

но в связи с усилением попыток вытеснения Организации из традиционной для нее области миротворчества, заменив ее региональными организациями.

Принимая активное участие в военно-политической деятельности ООН, Россия, *во-первых*, как постоянный член Совета Безопасности реализует свою ответственность за обеспечение глобальной безопасности, *во-вторых*,

имеет возможность отстаивать свои государственные интересы, *в-третьих*, твердо отстаивать уставную центральную роль Совета Безопасности в сохранении международного мира и безопасности.

Россия подняла вопрос о необходимости обсуждения странами-членами ООН создания “резервных сил” ООН, находящихся в распоряжении Совета Безопасности, и о необходимости реформирования Военно-Штабного Комитета¹³. Российская позиция, хотя и содержала несколько конкретных предложений, была не достаточно определена. Было понятно, что мировая система будущего должна стать более устойчивой, но ничего не говорилось о том, каким образом этого можно достичь.

Целостная концепция в отношении роли ООН в системе международной безопасности у России сформировалась к середине 90-х годов. Главным положением этой концепции было признание Организации Объединенных Наций “главным механизмом, способным обеспечить беспрепятственный переход от биполярного, конфронтационного к многополюсному, демократическому миру”¹⁴. Россия настаивала на том, что “ООН должна сохраняться в качестве единственной организации, дающей санкции на применение силовых методов, а любые подобные действия в обход Совета Безопасности необходимо полностью исключить”¹⁴.

Официальные представители РФ неоднократно подчеркивали, что какие-либо силовые действия региональных организаций в обход Совета Безопасности неприемлемы для России. Миротворческая деятельность России в ООН стала больше соответствовать ее национальным государственным интересам.

Это наглядно проявилось, например, в постановке вопроса в Совете Безопасности о немедленном прекращении натовских бомбардировок в Югославии и открытой

критике действий НАТО, нарушавших Устав ООН, а также в голосовании в Совбезе.

Россия активно выступала в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее за мирное урегулирование конфликта на Ближнем Востоке, за отмену дискриминационного закона Хелмса-Бертон (ужесточение американского эмбарго против Кубы), противоречившего Уставу ООН, за мирное урегулирование Кипрской проблемы и сохранение территориальной целостности Кипра и т.д.

Кроме того, российская дипломатия пыталась стимулировать миротворческую деятельность ООН в отношении СНГ, неоднократно поднимая вопрос о придании статуса ООН миротворческим силам, действующим на территории СНГ под эгидой России. Эта позиция была противопоставлена стремлению США играть доминирующую роль в мировой политике. Россия осознала, что в условиях усиления роли региональных организаций, прежде всего НАТО, в решении международных конфликтов, в ее интересах не допустить вытеснения ООН на обочину миротворческой деятельности, отстоять ее координирующую роль в этой области. В то же время позиция России по Косову выявила настоятельную необходимость совершенствования норм международного права и исключения двойных стандартов их применения.

Российская концепция в отношении роли ООН в системе международной безопасности складывалась сложно. Распад СССР повлек за собой взрыв конфликтов в бывших республиках, способных вылиться в крупные войны. Россия была временно ослаблена, что вызвало новую расстановку сил на мировой арене.

Новая система мироустройства, по мнению России, должна выстраиваться по следующему принципу:

– центральное место в этой системе должно принадлежать ООН, призванной играть роль стержня многополяр-

ного мироустройства, а также другим организациям и форумам универсального характера – ЮНЕСКО, ВОЗ, МАГАТЭ и др.;

– следующее звено – региональные и субрегиональные организации. Они должны дополнять, а не заменять ООН;

– третий элемент новой системы мироустройства – тесные двусторонние отношения между государствами.

Россия стремится выстроить именно такую систему международной безопасности. Именно эта система имеет большой потенциал в области эффективного миротворчества и может стать прочной политико-правовой основой кризисного регулирования.

Политика России в ООН стала более активной и гибкой. Однако эффективность ее снижается тем, что многие конфликты имеют глубокие корни и перешли в XXI в. из прошлого. С точки зрения национальных интересов деятельность России в ООН определяется двумя фундаментальными обстоятельствами: статусом России как постоянного члена СБ ООН, что предполагает особую ответственность за поддержание мира, а также незаменимой ролью ООН как правовой организационной основы для формирования демократической многополярной системы международных отношений.

Позиция России в отношении миротворческой деятельности ООН базируется на том, что выработка действенных механизмов предотвращения кризисов, усовершенствование миротворчества и укрепление его базы должно происходить в тесном взаимодействии с региональными организациями, но с учетом центральной роли Совбеза.

Реформа миротворческой системы ООН должна продвигаться в двух основных направлениях: совершенствование самого механизма кризисного реагирования (миротворческого потенциа-

ла) и выработка четких правовых аспектов применения силы в международных отношениях.

В отношении первого направления реформы Россия выступает:

Во-первых, за повышение качества планирования, подготовки миротворческих операций и оперативности их развертывания.

Для реализации этой цели предлагается “создать хорошо обученные многонациональные объединения по пять тысяч человек в каждом, которые можно было бы развернуть в любой “горячей точке” за один месяц”¹⁵.

В политическом плане важное значение имеет строгое выполнение выдаваемых Советом Безопасности мандатов операций, которые в свою очередь должны быть предельно ясными, выполнимыми и подкрепленными соответствующими ресурсами;

Во-вторых, по мнению России, серьезного изучения заслуживают пути совершенствования “санкционных” режимов.

Россия добивается того, чтобы впредь Совет Безопасности вводил санкции не бессрочно, а на строго оговоренный период времени, причем с обязательным анализом их возможных гуманитарных последствий и принятием мер по недопущению страданий гражданского населения и негативного воздействия санкций на третьи страны;

В-третьих, Россия продолжает продвигать в ООН идею о необходимости активизации деятельности Военно-Штабного Комитета СБ ООН, которая осуществится лишь при условии участия в его управлении всех государств-постоянных членов Совбеза;

В-четвертых, РФ поддерживает расширение сотрудничества ООН и региональными организациями в рамках гл. VIII Устава ООН.

В частности, наша страна реализует это положение, развивая взаимодей-

ствии ООН и СНГ в области миротворчества. При этом подмена ООН региональными структурами недопустима.

Что касается второго направления реформы, то для России очень важно соблюдение основ международного права в области миротворчества, и, прежде всего Устава ООН.

Так, например, Россия внесла в ООН инициативу о том, чтобы коллективно уточнить правовые аспекты применения силы в международных аспектах в условиях глобализации, которые не должны нарушать базовых принципов суверенитета и территориальной целостности государств. Это вызвано нарушением норм международного права со стороны США, которые оправдывают свои действия теориями “ограни-

ченного суверенитета” и “гуманитарной интервенции”, которые идут вразрез с такими понятиями как территориальная целостность и нерушимость границ¹⁶.

Россия, отстаивая необходимость соблюдения норм международного права в международных отношениях, выступает за приоритетное использование возможностей *превентивной дипломатии* для раннего предупреждения кризисов и их предотвращения. Что касается *мер принуждения к миру*, то, по мнению России, их следует использовать крайне осторожно, “и уж тем более не допускать того, чтобы они превращались в репрессивный инструмент воздействия на неугодные кое-кому государства и народы”¹⁶.

Примечания

¹ UNO. An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peacekeeping. New-York, 1992.

² Кратко об ООН. Нью-Йорк, 2001. С.2.

³ Устав ООН. Глава VI.

⁴ Бутрос Б. Гали. Повестка дня для мира. Нью-Йорк, 1995. С. 15–16, 78, 95.

⁵ Лавров С.В. Интервью министра иностранных дел России по косовскому урегулированию // Время новостей. 2007. 21 декабря // www.mid.ru; Заявление МИД России по Косово. 2008. 17 февраля // www.mid.ru.

⁶ ООН. Резолюция Совета Безопасности № 1244 // www.un.ru

⁷ Выступление Генсека ООН Пан Ги Муна. Отчет о заседании Совбеза ООН по Косово. 16 февраля 2008 г. (S/PV.5839) // www.un.ru

⁸ Заявление МИД РФ по Косово. 17.02.2008 // www.mid.ru

⁹ ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 47-я. 1992 год. Официальные отчеты: Повестка дня для мира: превентивная дипломатия и смежные вопросы. A/RES/47/120 // www.un.ru

¹⁰ Бутрос Б. Гали. Непокоренная ООН. М., 2000. С. 46, 47.

¹¹ Выступление Бутроса Б. Гали в Дипакадемии МИД РФ 22 января 2007 г. // www.dipacademy.ru

¹² Выступление Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна на заседании Совета Безопасности ООН. 2007. 20 февраля. (S/2007/130) // www.un.ru

¹³ Лавров С.В. О внешнеполитических итогах 2007 г. // www.mid.ru

¹⁴ Выступление министра иностранных дел РФ Е.М.Примакова на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 1996 г. // www.un.ru

¹⁵ Выступление Президента РФ В.В.Путина. ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 55-я. Официальные отчеты: 3-е пленарное заседание // www.un.ru

¹⁶ Выступление министра иностранных дел РФ И.С.Иванова в Сенате Франции. Париж. 27 октября 1999 г. // www.mid.ru

Контурь геополитики Соединенных Штатов Америки

Николай Червов,
генерал-полковник в отставке,
Дмитрий Толоконников

Америка живет по своим законам и правилам. Поэтому, казалось бы, кому какое дело, что происходит в этой стране. Однако оказывается, что “дело” все-таки есть, хотя бы потому, что, с точки зрения самих американцев, именно у них там, по ту сторону Атлантики, находится “пуп Земли”.

Что такое “пуп Земли” по-американски?

Это когда Солнце всходит на Западе и светит только Америке, а всем остальным странам достаются лишь отблески.

Так мечтают правящие круги Вашингтона.

И не только “мечтают”, но и внушают простому американцу, что нет ничего на небе выше Бога, а на Земле – выше американского президента.

Эту молитву усваивают с младенчества и она, как оспа, прививается каждому американцу.

Даже тогда, когда в президенте разочаровываются и его ругают, все равно в списке наиболее обожаемых американцев на первом месте стоит имя президента. В этом одна из особенностей американского характера. Она бросается в глаза любому иностранцу, который вступил на землю по ту сторону Атлантики.

По долгу прошлой службы и как участнику так называемой “народной дипломатии” одному из авторов статьи* приходилось много раз бывать в Соединенных Штатах: в городах федерального округа Колумбия (Вашингтон), Восточного побережья, в штатах – Калифорния, Техас, Оклахома, Огайо и других. Встречаться с многими американцами разных чинов, рангов и сословий.

Среди них – президент Р.Рейган, Госсекретари Дж.Шульц, Дж Бейкер, К.Пауэлл, министры обороны Р.Макнамара, К.Уайнбергер, ряд конгрессменов, простых людей Америки, участников переговоров по контролю над вооружением.

Все это дало возможность ближе узнать менталитет американцев, их ценности, характер, поведение. Словом, познакомиться и оценить, что такое “они и мы”.

* Имеется в виду генерал-полковник Червов Н.Ф.

“Двухэтажная” Америка

Панорама американской жизни многолика, чрезвычайно пестра, разнообразна и описать ее весьма трудно.

В Америке есть почти все: небоскребы, высотные дома, этажи, толпы народа, великолепные дороги, миллионы автомобилей, ядовитые облака смога в городах.

От России Америка далеко – и опасно близко. Поэтому все события, которые происходят в этой стране и вокруг нее, нас интересуют. Страна небоскребов, с точки зрения нашего менталитета, выглядит “двухэтажной”: с одной стороны, – Америка государственная, казенная, официальная; а с другой – Америка народная, бытовая, семейная.

Они разнятся между собой, как Небо и Земля, день и ночь, зима и лето.

Официальная Америка – это высокомерие, пренебрежение ко всему не англосакскому, преклонение перед силой, расчетливость, лицемерие под маской гуманизма, стремление навязать свою волю слабым, проявление русофобии, равнодушие к чужой беде. Душевности не видно, она в тумане – люди с механическими улыбками, показывающими будто бы “положительность”.

Когда смотришь на Соединенные Штаты со стороны, то видишь в основном внешнюю политику и их практические действия, обращенные ко всему миру. Здесь менталитет Америки прозрачный.

Отцы-прародители, стоявшие у колыбели Соединенных Штатов, сформулировали для будущих поколений основы мировоззрения и определили особую роль Америки в мировой истории.

Это – легенда о том, что государственное устройство США и соответствующий ему образ жизни являются самыми идеальными во всей писанной и неписанной истории человечества.

Бог дал Америке веру и надежду в превосходстве над всеми странами и народами. Без изъятий! Божественная миссия Америки – руководство миром. Поэтому США должны поддерживать экономическую и военную мощь, соответствующую вышеуказанной ответственности. С вершины пирамиды власти Вашингтона раздаются только истины в конечной инстанции. Истины для всех стран и народов.

Самым популярным термином во внешнеполитическом лексиконе и словаре американских президентов, государственных и политических деятелей является слово “сила” во всех словосочетаниях: военная сила, политика “с позиции силы”, вооружения, силовые отношения, война.

Заявления американских руководителей – не риторика. Это повседневная политика и практика Вашингтона. В настоящее время в Белом доме решили, что настала пора открыто осуществлять свою “божественную миссию”, вести войны по собственному усмотрению. Словом, как заявляют в Пентагоне, туман мира рассеялся, его сменил туман войны. Настало время борьбы в мировом масштабе за лидерство, гегемонию, за будущую цивилизацию.

Почему США выбрали в нынешних условиях военно-силовое продолжение своей политики?

Произошло это по ряду причин:

Во-первых, США обладая 4% населения и 7% территории земного шара, дают 30% мирового ВВП, 20% мировой промышленной продукции, 15% международной торговли, почти 50% мировых военных расходов. Запасы золота составляют около 9 тыс. т.

США – молодое государство. В июле 1976 г. они праздновали свое 200-летие.

Это большая, богатая, высокоразвитая, индустриальная сверхдержава

мира. Никакая коалиция государств не способна создать контрбаланс сил. Америка сама формирует образ врага, сама использует систему подавления и насилия.

Во-вторых, современная обстановка во многом вновь напоминает канун второй мировой войны: тогда огромную услугу Гитлеру в развязывании войны оказала дипломатия “умиротворения” и невмешательства западной “демократии”. Теперь это снова повторяется. Нынешняя политика “умиротворения” западных стран также поощряет агрессию и толкает мир в новые военные пожары.

В-третьих, и это главное, нарушился баланс мировых сил, не стало военного равновесия двух супердержав (СССР – США), двух блоков (ОВД – НАТО) и нет больше сопоставимого противостояния.

Обстановка изменилась в принципе. Одна супердержава – Америка испытывает преувеличенное стремление к лидерству, руководствуясь при этом в своих действиях не правилами и законами, а практической целесообразностью, отвергая любые моральные соображения. Если в прошлом веке мировые события развивались в рамках международного права и государства могли договориться без войны, то сейчас, после развала Советского Союза, все международные правила Америкой не признаются и заменяются ее диктатом. И это объявляется прогрессом, так как считается, что США являются самой демократической страной мира. Но по существу идет полный развал международного права.

Ныне Америка сама диктует критерии “демократии” и претензии экспортировать ее всему миру. Поэтому все страны, включая европейские, живущие по законам демократии, но отличной от американской, оказываются вне закона.

В этом кроется большая опасность, которая ведет к нарушению мировой стабильности, войнам, насилию, к потере свободы другими государствами. Так будет продолжаться до тех пор, пока мировое сообщество не выработает новые механизмы “поведения и права”, новые международные структуры, новые соглашения и договоренности, чтобы поддержать стабильность и безопасность, обеспечить мирное развитие всех стран планеты, чтобы обуздать мирового агрессора.

В чем состоят особенности применения США военной силы на пути к мировому лидерству?

Прежде всего, в использовании новейшего оружия и военной технологии для уничтожения людей, разрушения жизненно важных объектов, культурных и исторических ценностей; в угрозе применения оружия массового уничтожения, включая ядерное, а также основанного на новых физических принципах. То есть происходит нарушение международных договоров и соглашений, запрещающих разработку и применение такого оружия. Демонстрируется пренебрежение к резолюциям и решениям ООН, Совета Безопасности и другим международным организациям.

Агрессивная внешняя политика США осуществляется под вывеской общечеловеческих ценностей, защиты “свободы и демократии”, под флагом борьбы с международным терроризмом. Однако на поверку все это оказывается политикой двойных стандартов. Америка сама выступает международным террористом и мировым полицейским, стремится построить свое благополучие за счет других стран.

После первого года войны в Ираке Америка психологически переживала, образно говоря, похмельный период. Ей казалось, что в результате победоносных походов на Балканах и Ближнем Востоке, мировые события реши-

тельно повернулись в ее пользу. Но это было заблуждение. США все больше становились враждебными миру и породили антиамериканизм.

В зарубежной печати иногда отмечают, что некоторые обстоятельства могут заставить США умерить свой военный пыл и играть роль разделенного руководства в многополярном мире, то есть отказаться от борьбы за титул “Номер один”. Однако практика показывает, что США не готовы быть № 2 или № 3, не готовы отказаться от идеи гегемонизма. Для гарантии они, не колеблясь, используют военную силу.

“Мы палили со всего арсенала оружия – крупнокалиберных пулеметов, минометов, гранатометов, – а они все идут и идут с дотопным “калашниковым”... Потом мы собирали трупы арабов, складывая их в черные пластиковые мешки, и пересчитывали.”

Когда Папа Римский призвал прекратить войну, в Вашингтоне обозвали его “старым догматиком, который выжил из ума” (Сержант Ремонд, 1-я бригада, 3 пехотная дивизия, 30 марта 2003 г.).

Это – тоже менталитет жестокости и аморальности американского агрессора.

Напористо и агрессивно ведут себя представители США и на международных переговорах.

Например, на переговорах по разоруженческой тематике между СССР и США – с американской стороны выступают опытные профессионалы. Они жестко и грамотно отстаивают свои интересы. Делают это настойчиво, показывая эрудицию и кругозор. Для доказательности приводят аргументы, цифры, факты, ссылаясь на историю и современность. В целом, они – достойные соперники.

Если американцы игнорировали смысл и цель переговоров, то они выдвигали заведомо неприемлемые предложения, будучи уверенными, что их предложения не примут. Но во всех случаях они стремились к получению для себя односторонних выгод, оказывая на партнера давление.

Компромиссы между равными по силам государствами и по вопросам, составляющим их коренные интересы, – это тоже черта менталитета американцев. Слабый партнер на переговорах с американцами обречен.

В Америке есть и другая Америка. Здесь примат – деньги, бизнес, реклама, азарт и игра. Американцы – это игроки всегда и во всем: в делах, в удовольствиях, в клубах, в спортивных играх, в различных шоу-гонках, в разыгрывании вариантов ведения войны (ядерной или обычной) и т.д. Играют до безумия: пан или пропал. Любят сенсации, анекдоты, ошеломляющие афиши. Но главное для них, конечно же, благополучие. Через призму своего благополучия они оценивают деятельность президента и администрации, гигантскую военную машину и перманентные войны (Югославия, Афганистан, Ирак и др.).

Американцы суеверны, религиозны, верят в существование потустороннего мира, в чудесные явления, в существование НЛО и Разума в Космосе или на других планетах. Верят и надеются на скорое проявление признаков “того мира”.

Но за всем этим невозможно не видеть трудолюбие, настойчивость, предприимчивость, любознательность, экономию на всем и во всем (не жадность, а расчетливая экономия).

Американцы, как нация, поклоняются Богу, президенту, государственному флагу и доллару. Бог – на Небе, президент – на Земле. Верность янки своему государственному флагу, воспитанная годами с молоком матери, заслуживает глубокое уважение.

Американские граждане патриотичны. Они гордятся своей страной. Одно дело – уважать президента, другое – любить свою землю. Президенты меняются, а Америка – это родина, великая природа, великие умы, новые откры-

тия. Сами они, рядовые граждане, – всех богаче, всех мощнее, всех свободнее, у них все лучшее. Равенство для них – это поражение. “Груз 200” из Ирака – страх, ужас, жуть. Но патриотизм важнее.

И все-таки самое, самое сокровенное – это достижение любыми путями главной цели – доллара. Все, что делают американцы, должно принести прибыль. Деловой американец – раб доллара. Гипноз доллара огромен. Погоня за ним – причина всех войн, которые развязывали США в прошлом и теперь. Хотя современное поколение американцев (кроме армии) самой войны не видело и суждение о ней у него примитивное, далекое от истины. На американской земле нет братских могил, нет военных шрамов.

После поражения во Вьетнаме, Лаосе, Сомали и теракта 11 сентября 2001 г. американцы боятся людских потерь и, пожалуй, впервые в своей истории в городах Америки прокатились антивоенные демонстрации против американской агрессии в Ираке (март-апрель 2003 г.). Но администрация Буша продолжает творить преступления на иракской земле. Уничтожая жестоко мирное население, а также бесценные ценности колыбели человеческой цивилизации. Это – тоже американский менталитет, который породил новые угрозы и вызвал “новое сопротивление” в мире.

Известный американский деятель – сенатор У.Фулбрайт сказал: “Мы создали общество, главным занятием которого является насилие. Самую серьезную угрозу нашему государству представляет вовсе не какая-то внешняя сила, а наш внутренний милитаризм. Создается удручающее впечатление, что мы в Америке явно привыкли к войнам. На протяжении вот уже многих лет мы или воюем, или немедленно готовы начать войну в любом районе мира. Война и военные силы стали неотъемлемой

частью нашего быта, а насилие – самым важным продуктом в нашей стране”¹.

В течение более 200 лет своего существования Америка вела более 200 войн и колониальных походов во имя наживы, захвата чужих земель.

За это время вооруженные силы США провели свыше 8000 боевых походов и вооруженных операций, участвовали в 120 захватнических войнах.

Первым крупным военным столкновением была испано-американская война.

За ней последовали агрессивные акции против Мексики, Колумбии, Гаити, подавление национально-освободительного движения в Доминиканской Республике, на Кубе, в Гватемале, Никарагуа, агрессия против Китая, Греции, Парагвая, Ливана, Ирана, Филиппин, Кореи, Конго, Панамы, Лаоса, Вьетнама, Камбоджи, Боливии, Чили, Сальвадора, Югославии, Афганистана, Ирака и т.д.

Позорную роль сыграла вооруженная военная интервенция США, Англии, Франции и других стран против молодой Советской Республики в 1918–1922 гг.

Зверские преступления американских интервентов до сих пор помнят на Дальнем Востоке, в Мурманске, Архангельске, Кемь и других городах.

Заняв после Второй мировой войны главенствующее положение среди других капиталистических стран, США поставили своей практической целью завоевание мирового господства. Они стремятся играть роль своеобразного гаранта и охранителя международной системы; вмешиваются в дела других стран, бесцеремонно нарушают их права и суверенитет, силой, подкупом, экономическим проникновением пытаются навязать свою волю другим государствам и целым народам мира.

Американские идеологи, обосновывая свои глобальные притязания, выдвинули систему так называемых “национальных интересов”, включив туда борьбу с международным терроризмом, теорию выживания, навязывание

другим государствам приоритетов американской демократии.

Когда президент В.Путин назвал войну США в Ираке “большой ошибкой”, то он, конечно, лукавил. История Америки – это краткие периоды от войны до войны. А это уже “не ошибка”. Вчера США воевали с “неполноценными расами”, сегодня – с неугодными лидерами, завтра – просто с инакомыслящими. В конце концов можно организовать “крестовый поход за демократию”. Но, истинные причины для агрессии у США всегда были, есть и будут. Это – захват богатства других стран и сокращение “излишнего населения” на Земле.

Поэтому не так уж сложно понять нынешние военные преступления Америки.

Агрессия на Балканах привела к уничтожению суверенной Югославии. Война в Ираке была типичной колониальной войной в стиле XIX в., когда сильный, сознавая свою силу и невозможность получить отпор, навязывал слабому свою волю. Во всех случаях Америка не была осуждена международными авторитетными организациями, что поощряет агрессора и дает ему “зеленый свет” в будущем.

Все, что надо Америке, она захватывает силой, оправдываясь при этом душеспасительными молитвами. Под эти молитвы она совершает преступления по всему миру. При этом она везде насаждает культ наживы и розни, травит друг на друга, отравляет души миллионов людей, заливают кровью целые регионы.

Даже американские врачи-психиатры официально заявили о том, что жестокость американской военщины в Югославии и Ираке потрясла рядовых американцев и повергла их в психологический шок.

Президент Дж.Буш-младший цинично заявляет: “Ни какие преступления не могут остановить нас от того, чтобы освободить иракский народ от режима Хусейна... Мы будем продолжать войну столько, сколько потребуются”.

Подобные заявления американского президента подтверждают неизменность политики Вашингтона, которую Соединенные Штаты намерены проводить и в XXI в. В Белом доме решили, что настала пора открыто диктовать миру, заставить ООН беспрекословно подчиниться Америке и позволить ей вести международные дела с позиции силы.

Поэтому бесполезно сожалеть по поводу внезапной кончины “сдержанности” и международной стабильности. В повестку дня мировой политики поставлен и практически решается вопрос об изменении существующего миропорядка. Решается огнем и мечом, войнами и конфликтами. В результате мир сегодня перенасыщен насилием. Как будто бы этот мир вернулся на круги своя – в трагический канун второй мировой войны. Разница лишь в том, что место фашистской Германии заняла самая демократическая Америка – новоявленный претендент на мировое господство.

Как бы ни лакировать историю, Америка сегодня в людской памяти – эта страна, которая:

- начала свою историю с тотального ограбления и истребления коренных жителей (индейцев) целого континента;
- изобрела и впервые применила концентрационные лагеря (так называемые “резервации”), используя их в огромных масштабах, намного больших, чем Гитлер;
- создала свой бизнес в прошлом на крови и бесплатном труде рабов;
- за 200 лет существования не создала своей собственной культуры и не имеет даже своей национальной кухни;
- является единственным государством, дважды применившим атомное оружие против мирного населения двух крупнейших японских городов, а также открыто угрожавшим нанесением ядерных ударов по другим странам;

– после Второй мировой войны развязала 40 кровавых и жестоких войн, в которых использовала против мирного населения запрещенные виды вооружений (напалм, шариковые и вакуумные бомбы, мины-ловушки, термитные, кассетные фосфорные, “апельсиновые” боеприпасы, химические средства и т.д.);

– создала, финансировала, организовала и обучила почти все крупные террористические организации в мире, против которых сегодня ведет непримиримую борьбу с “терроризмом”;

– имеет самый большой военный бюджет в мире, тратит больше всех

стран на разработки новых вооружений и новейших военных технологий;

– организовала в своей стране политическую цензуру за СМИ, а также слежку за своими гражданами. Заставляет всех иностранцев сдавать отпечатки пальцев при пересечении американской границы;

– не подписала и отказывается выполнять Киотский протокол об охране окружающей среды;

– распространяет по всей планете заразу наркомании и разврата, всюду насаждает поп-культуру, жадность денег, извращенность в поведении людей.

Новый порядок США: в каком мире?

Философия нового мирового порядка США проста, как молитва отцов – прародителей: “нет замены победе”. Поэтому Америка не считает возможным быть равной среди равных в мировой системе.

Стартом для нового мирового порядка явилась война в Заливе (1991 г.), цель которой была перекроить Ближний Восток, а потом и остальной мир. Не все удалось, но кое-что получилось.

Война в Заливе обозначила контуры будущего: был низвергнут “ялтинско-потсдамский период”; началась разыгрываться главная драма в Восточной Европе; арбитром в последней инстанции стала служить американская военная мощь. На повестке дня обозначалась Америка, способная крепко держаться на ногах, устанавливать контроль за другими и попытаться наводить единолично порядок в мире. В этом, если уж на то пошло, состоит урок войны в Заливе. Этот урок продолжали Клинтон в Югославии и особенно Буш-сын в борьбе за мировое лидерство.

Как показала война в Ираке, сегодня на мировой сцене отчетливо появи-

лись пока три персонажа (три силы на первом плане): Западная Европа, Россия и исламский мир.

Из этих трех мировых сил Западная Европа, безусловно, является самым сильным соперником и в то же время самым ближайшим партнером Америки. Их связывают многочисленные многосторонние и двухсторонние договоры и соглашения, совместные проекты и интересы во всех областях, обязательства по Североатлантическому военно-политическому союзу. Поэтому открытая конфронтация между ними в нынешней обстановке маловероятна, хотя другие формы противостояния возможны.

В частности, следует иметь в виду, что превращение Америки в глобальную супердержаву и усиление ее влияния на все сферы человеческой жизни ведут к переоценке многих понятий, в том числе таких, как принципы международных отношений, суверенитет государства, мораль, нравственность, финансовые и экономические связи и т.д. В связи с этим вполне вероятны тенденции усиления роста противостояния США со своими союзниками по НАТО.

Реальными объектами конфронтации с США могут стать исламский мир и Россия. Не исключено, а вполне возможно, что Америка на Ближнем Востоке попытается создать показной, эфемерный “западный мир”, “свободу” и “демократию” на Ближнем Востоке.

Если эфемерная “западная демократия” не сработает, то будет продолжено применение силы.

Война в арабском мире ведется уже много лет: Ирак, Афганистан, снова Ирак, угрозы Ирану, Саудовской Аравии и др. Видимо, силовые приемы против исламского мира будут продолжаться за счет выбивания мусульманских государств одного за другим. В Вашингтоне считают, что эти страны слабо организованы, плохо управляемы и не представляют единого структурного образования, то есть единой силы. Поэтому, с точки зрения Пентагона, допустимо именно силовым приемом взорвать исламское геополитическое пространство, овладеть его огромными энергоресурсами и занять выгодное стратегическое положение по отношению к России и Западной Европе.

Реализация подобного плана утверждения американского господства на Ближнем Востоке наиболее вероятно станет осуществляться поэтапно.

Прежде всего Соединенные Штаты будут пытаться найти рецепт, чтобы по возможности прочно закрепиться в Ираке, превратив эту страну в свою основную военную базу в регионе (подобно или взамен базы в Саудовской Аравии), на что потребуются несколько лет. В это же время возможны военные угрозы Ирану, Сирии и другим ближневосточным странам с целью оказания на них давления. В конечном счете, стратегия Америки предельно ясна – создать “Большой Ближний Восток”, где у нее под военно-политическим контролем будет находиться 3/4 или 4/5

мировых запасов нефти и где американцы намерены, кроме того, создать плацдарм на стыке трех континентов: Европы, Азии и Африки.

Подобное развитие событий, случись оно, фактически поставит Европу и Китай в тяжелейшее положение, а Соединенные Штаты ускоренно решат проблему создания однополярного мира. Но, как говорят, много мудрости – много огорчений. Увязнув в Ираке, Вашингтон поставил под сомнение создание “Большого Ближнего Востока” и всю свою концепцию “*Pax Americana*” и, соответственно, американскую модель однополярного мира: янки увидели, что они не могут справиться в одиночку с проблемами в Ираке, равно как и решать другие мировые задачи без участия других членов мирового сообщества, в том числе России.

Война в Ираке показала, что многополярность является одним из основных условий сохранения стабильности международных отношений. Преимущество многополярного мира подтверждает также процесс глобализации, который усиливает взаимосвязь и взаимозависимость всех стран, больших и малых. Ответственность за будущее человечества можно осуществлять только на взаимной основе при активной деятельности Организации Объединенных Наций.

Американцы, конечно, понимают пагубность своей агрессивной политики и нереальность однополярного мира. Об этом республиканцы и демократы постоянно твердят накануне президентских выборов. Но как только выборы проходят, то тезисы о международном сотрудничестве подменяется гегемонизмом, вновь начинаются глобальные притязания Америки.

Таким образом, заняв после развала Советского Союза, главенствующее положение среди стран мира, США стали

еще более активно играть роль своеобразного гаранта и охранителя международной системы эксплуатации и гнета.

Анализируя российско-американские отношения, нельзя не видеть, что однополярный мир, который сегодня пытаются выстроить США – это угроза для России. В американском однополярном мире для России нет места как самостоятельному и независимому государству. Поэтому Америка всеми способами будет противодействовать укреплению мощи России.

Открытая конфронтация с Россией может быть поставлена Вашингтоном в повестку дня, скорее всего, после решения исламской проблемы. Однако невозможно отрицать, что практическая подготовка к такой конфронтации в определенной степени уже последовательно осуществляется.

Создание американских военных баз на постсоветском пространстве в республиках Средней Азии (Узбекистан, Киргизия) и на Кавказе (Грузия); усиление влияния в Азербайджане, на Украине, в Молдавии; превращение Прибалтики в сферу американского влияния, бывших союзников в Восточной Европе во враждебно настроенные государства; создание долговременного очага напряженности в Чечне и российско-грузинских отношениях (из-за Южной Осетии и Абхазии).

В августе 2004 г. президент США Дж. Буш на съезде ветеранов американских войн объявил о планах вывода американских войск (примерно 70 тыс. чел.) с баз в Европе и Азии. Часть из них будет передислоцирована в США, другая – из Германии в Польшу, Болгарию и, возможно, Румынию. Учитывая, что в настоящее время, согласно американской стратегии, основной ударной силой стали средства воздушно-космического нападения, США ак-

тивно начали готовить соответствующую инфраструктуру в Прибалтике и Восточной Европе, а также на южных рубежах России.

В Латвии поставлена на дежурство натовская РЛС, просматривающая воздушное пространство России и Белоруссии на несколько сотен километров.

Во всех странах Балтии закончена модернизация под натовские стандарты крупных военных аэродромов (бывшие советские – всего 25 таких аэродромов).

Завершается реконструкция портов и военно-морских баз, складов ГСМ и боеприпасов, казарм, полигонов, то есть все то, что необходимо для подготовки и размещения войск

Мощные военные аэродромы модернизированы в Азербайджане (в Кюрдамире, вблизи поселков Насосный и Гала).

Таким образом, можно утверждать, что плацдармы для воздушно-космического нападения на Россию фактически уже созданы в Прибалтике, Средней Азии и Закавказье. Подобными действиями администрация Вашингтона намерена оказать давление на Москву, поставив ее в невыгодное военно-стратегическое положение.

Некоторые представители российской власти заявляют о том, что “передислокация американских войск в Восточную Европу и создание инфраструктуры для воздушно-космических средств” на западных и южных границах России не представляют абсолютно никакой угрозы для российских национальных интересов и что “этот шаг США никак не повлияет на наше геополитическое положение”. С подобными утверждениями нельзя согласиться. Допустим, сегодня никакой угрозы нет, а что будет потом? Ведь речь идет о размещении на западных российских границах крупной наступательной группировки американских и натовских войск, в том числе воздушно-космической.

К сожалению, у нас нет никаких юридических аргументов, чтобы противопоставить их планам Вашингтона, так как Польша, Болгария и Румыния являются независимыми странами-членами НАТО. То же самое относится к странам Балтии, которые стали больше проамериканскими, чем сама Америка!

Было бы ошибочно считать, что указанные плацдармы подготовлены для борьбы с “международным терроризмом”. На самом деле Вашингтон ведет линию на окружение и изоляцию России, лишение ее союзников, максимальное ослабление военного потенциала. Уже сегодня вся Россия почти открыта для агрессора: ее территорию с севера на юг можно простреливать обычным высокоточным оружием, уничтожая наши старты стратегических ракет. Если мы не выправим кардинально положение в области своей безопасности (финансирование, оснащение новым оружием и др.), то она через 3–5 лет может оказаться в очень сложном положении. В этой связи заявление В.Путина о предстоящем оснащении армии новым оружием обнадеживает.

Особое беспокойство в деятельности Соединенных Штатов вызывает то, что несмотря на различные заверения и обещания американской администрации, США продолжают работы по созданию и развертыванию комплекса противоракетной обороны (ПРО) в Европе. При этом предполагается в 2008 г. создать отдельные элементы зональной ПРО.

Создаваемая американская ПРО в Европе (в Польше, Чехии и др.), безусловно, направлена против России и представляет опасность для нашей страны, строящиеся и планируемые к строительству пусковые установки могут легко быть переоборудованы для размещения в них баллистических ракет, достигающих любых российских

объектов в европейской части страны. И все это делается без контроля со стороны России и других стран.

Строительство американской ПРО на территории европейских государств ведется беспрепятственно со стороны этих государств, которые фактически несут прямую ответственность за последствия в случае конфликта с применением стратегических ракет.

В зарубежной и отечественной печати все чаще появляются сообщения о разработанных в Вашингтоне сценариях по дестабилизации России, ее расчленению на ряд государств с установлением контроля над ними, сокращением населения как минимум наполовину. Предусматривается строительство на российском пространстве таких политических систем, которые подчинились бы США и мировой олигархии, где господствовали бы либеральная модель экономики (без развитой промышленности) и полицейский режим безопасности (без стратегических ядерных сил).

Примечательным на этот счет является рассекреченный и опубликованный в прессе (июнь 2004 г.) доклад ЦРУ США о неизбежности развала России.

В нем говорится, что, по мнению ЦРУ, приблизительно через 10 лет Российская Федерация, самая крупная страна мира, может распасться на восемь мелких государств.

Доклад, названный “Глобальные тенденции 2015”, явился причиной оживленных споров в России по поводу территориальной целостности страны. “Комсомольская правда” даже опубликовала карту, где показаны очертания России в 2015 г., в том случае, если прогноз ЦРУ сбудется. Согласно этой карте на территории Сибири возникнет четыре отдельных государства; западная часть страны также должна распасться на несколько территорий.

Заместитель госсекретаря США Р.Армитедж (9 октября 2004 г.) также откры-

венно рассуждал об американских планах: "При обеспечении безопасности США мы просто не можем позволить себе поставить под угрозу демократические институты в России, которые обеспечивают успех нашей экономики".

Вот так, яснее ясного не скажешь: нынешняя демократическая власть в России нужна американцам для обеспечения интересов США, а российские ресурсы – для поддержания западной экономики.

З.Бжезинский, касаясь российско-американских отношений, рекомендует президенту Дж.Бушу следующие действия (20 сентября 2004 г.): "Блокировать Россию, сделав соседние с ней государства надежными союзниками Соединенных Штатов, дать свободу нерусским меньшинствам России и усилить поддержку российским демократам".

Все это, собственно говоря, уже выполняется – разрабатываются конкретнее сценарии "березовой революции" для России с использованием официальных публичных и тайных механизмов; в российской элите накапливается критическая масса, чтобы в определенное время, получив команду извне, она могла перейти к взлому всех систем Российского государства.

Однако США не спешат, они видят рядом с Россией Китай. Поэтому многочисленные рекомендации и сценарии за океаном изучаются, анализируются, идет практическая подготовка.

Особенно следят за решением проблем в Китае: нехватка нефти и газа, воды, занятость населения. При этом не исключают, что через 10–15 лет перенаселение в КНР достигнет такой степени, что в повестку дня станет вопрос формирования китайских районов Сибири и Дальнего Востока.

Нехватка углеводородов решается КНР со многими странами, в ближайшем будущем не исключается сотрудничество с Россией в этой области, что

может привести к жесточайшей схватке с американцами. Конкуренция за ресурсы между двумя супердержавами, несомненно, будет возрастать. Однако эти противоречия вряд ли приведут к какой-то конфронтации: США и КНР настолько нуждаются друг в друге, что, скорее всего, предпочтут решать свои проблемы за счет третьих стран и особенно России. На этой основе может возникнуть недовольство состоянием двухсторонних отношений (КНР и России).

В данных обстоятельствах Россия может оказаться такой величиной, которую не смогут "проглотить" ни американцы, ни китайцы.

Но в принципе надо иметь в виду, что мы живем в окружении активных и сильных конкурентов, маневрируя в своей политике между США, Китаем, Индией, Европейским Союзом, НАТО. Если оценить отношения по регионам, то возникнут своего рода "треугольники": на Кавказе – Россия, США, ЕС; в Центральной Азии – Россия, Китай, США; в Европе – США, Россия, ЕС, НАТО.

При этом необходимо иметь в виду, что национальные интересы не остаются неизменными, раз и навсегда данными, а меняются соответственно с изменением самого субъекта и среды, в которой он находится.

Например, США будут создавать мировой порядок по собственной модели и не смирятся с тем, что Китай становится планетарным игроком и уже играет ведущую геополитическую роль в Восточной и Юго-Восточной Азии. В качестве моделей действий для решения задуманных проблем применяются различные сценарии: "югославский вариант", "бархатный сценарий", "ползучее миротворчество", "крестовый поход американской демократии" и др.

Можно возразить, что все это нереально.

Но также казались нереальными войны в Югославии, Афганистане, Ираке.

России надо быть готовой к таким “нереальностям”. Не стоит преуменьшать роль и значение США в мире. И сами США не способны представить себе потерю своего руководящего положения в мире.

Но победы Америки не безграничны. Если в Белом доме думают, что гнев сверхдержавы, чья военная и техническая мощь ныне ничем не уравновешена, может вызвать в мире только страх, то они глубоко заблуждаются. Много свидетельствует о том, что у Америки, при всей ее силе, при всем ее превосходстве, имеются скрытые слабости.

Если остальной мир может обойтись без Америки, то она не может обойтись без остального мира,

Даже на ранней стадии своего развития (до конца XIX в.) так называемый американский “изоляционизм” на деле означал захватническую политику США в Северной, Центральной и Южной Америке и, используя нарастание противоборства колониальных держав между собой, подготовиться к решительной схватке с ними (Великобританией, Испанией и др.).

Под флагом “доктрины Монро” США осуществили тогда интервенции на Кубу, в Мексику, Гаити, Колумбию, Гватемалу, захватили Филиппины, Гуам, Пуэрто-Рико и т.д. С 1798 по 1945 г. США 159 раз использовали свои вооруженные силы за границей, из них в 73 случаях – без объявления войны.

Напрасно нынешние государственные деятели США, их советники и военные теоретики пытаются найти на полках библиотек книги о мирной стратегии Вашингтона в период “изоляционизма” – они там не найдут ни самого изоляционизма, ни своей мир-

ной политики. Они обнаружат там лишь два вывода отцов – прародителей: первый – только военная мощь может служить средством существования экономического “порядка”; второй – “изоляционизм” – это гибель для Соединенных Штатов.

Главной стратегической целью США в мировом сообществе является захват или установление своего контроля над мировыми энергоресурсами.

США поглощают почти 40% природных ресурсов мира.

А чем расплачиваются?

“Зелеными” бумажками и военной силой. Государственный долг Америки достиг сегодня 6 трлн. и 392 млрд. долл. Еще 8 млрд. долл. и страна, согласно американскому законодательству, должна признать себя банкротом.

То есть Америка значима для остального мира не производством, а сверхпотреблением. В этом – ее ахиллсова пята, так как она не может существовать без мировых природных ресурсов.

Кроме того, у США нет чувства исторической перспективы, нет даже своей истории средневековья, то есть той индивидуальности и тех связывающих нацию уз, которые уходят глубокими корнями в историческое прошлое, создают цивилизацию и культуру.

Уязвимое место США – это доллар. Американские доллары приобрели “магическую силу”. Но они ничем не обеспечены. Их стоимость за рубежом падает при ухудшении торгового баланса США. Некоторые экономисты считают, что значение США в мировой экономике определяется не производством товаров, как у других стран, а производством “зеленых бумажек” (денег, долларов). В случае крушения доллара неизбежно произойдет крушение экономики Америки. И тогда ей не помогут захваченные моря и озера не-

фти и других ресурсов. Реальную угрозу финансовой политике США представляют сегодня европейские деньги – “евро”, существование которых приведет к единой финансовой политике Европы и к ликвидации монополии американского доллара.

США, как лидер всемирного “крестового похода” против терроризма, в экономическом плане не так уж сильны.

В 2001 г. торговый дефицит США составлял: 83 млрд. долл. с Китаем, 68 млрд. долл. с Японией, 60 млрд. долл. с Европейским союзом (29 – с Германией, 13 – с Италией, 10 – с Францией), 30 млрд. долл. с Мексикой и т.д.

Америка не может противостоять экономическому объединению Европы с Россией. Сделка Европы с Россией опасна для США. Поэтому они стремятся не допустить такого сближения.

Указанные слабости и уязвимые стороны сверхдержавы учитываются в Вашингтоне. Там понимают, что для США сегодня возможен один тип войн – против слабого противника, у которого нет средств ПВО и ПРО, а также новейших технологий. Это – страны “оси зла” (Иран, Сирия, Куба, Северная Корея и др.). Эти страны Америка может и будет терроризировать.

Вступать в противоборство с союзом Европа – Россия – Япония, если такой союз возникнет, Америка не решится, так как, несмотря на явное военное превосходство, она не сможет сохранить над ними экономическое господство. Поэтому стратегия США в современной ситуации имеет целью: с одной стороны, – дезинтегрировать Россию за счет американского присутствия в Средней Азии, на Кавказе, перегруппировки своих войск из Германии в страны Восточной Европы, поддержания сепаратизма в Чечне, давления со стороны Прибалтики; а с другой – не допустить сближения Европы с Россией, ускорить создание амери-

канской НПРО, ослабить российскую ядерную мощь после реализации российско-американского договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, сохранить в подвешенном состоянии решение проблемы Курильских островов (“северные территории”) в отношениях Россия – Япония.

Имеется еще один зримый всему миру изъян могущества Америки – это ослабление высшей государственной идеи. Если раньше США гордились идеями отцов – прародителей, своей “божественной миссией” по руководству миром, восхищались изобретательностью американцев, их предприимчивостью, то в настоящее время все это исчезает.

Мечта об американском образе жизни за пределами США блекнет. В нее уже никто не верит.

Для многих людей мира США превращаются в режим риска, в нецивилизованную страну, что свидетельствует об ослаблении национальной идеи ее как внутри страны, так и за ее пределами. Ведь Америка – не настоящее государство и не исторически сложившаяся общность людей, то есть не настоящая нация. Это – конгломерат различных народов. У них нет государствообразующего народа, то есть национального ядра. Конгломерат различных народов объединен общей страстью к потреблению и к наживе. Поэтому такое государство может оказаться не долговечным. В случае его возможного крушения могут оказаться бессильными и военная сила, и доллар, хотя сегодня они всемогущи и готовы продолжать американскую политику международного терроризма.

Упомянутые выше факты заставляют усомниться в том, что США ныне – это “сияющий град на вершине холма”. При президенте Буше американский “образ будущего” растерял свою ус-

тойчивость и стал противоречить национальным интересам практически всех государств мира. При кажущейся мощи производства реальная экономика Америки составляет не более 20%. Все остальное – это огромная финансовая пирамида, проблемы нефти и сырья. Она в любой момент может обрушиться и захлестнуть другие страны мира. При таком развитии событий вряд ли устоит вся “белая цивилизация”. Начнется новая мировая история.

Возможная перспектива развития современной глобализации заставляет Россию твердо верить в свои интересы и пытаться быть в стороне от мировой опасности, чтобы сохранить Святую Русь.

Готова ли Россия в ее нынешней ипостаси к самостоятельному пути? Или она будет стремиться к американскому сожительству, или западному партнерству?

Можно не сомневаться лишь в том, что, позволив втянуть себя в схватку мировых сил, пусть на любой стороне, Россия окажется жертвой в этой борьбе. Например, по ту сторону океана будут наверняка намереваться заслонить себя русским щитом. Западные страны станут тянуть нас к себе в своих целях. Кто знает, какие армагеддоны нас ожидают и подобные варианты исключить нельзя. Поэтому, очевидно, только свой русский путь может явиться спасательной идеей ухода от мировой опасности.

Самым болевым местом Америки являются агрессия в Ираке и та огромная цена, которой она расплачивается за нее жизнью своих солдат.

Развитие военных событий в Ираке в настоящее время крайне сложное.

События приняли угрожающий характер. Оккупационная армия США оказалась в ловушке. Замаячил новый Вьетнам. Администрация Вашингтона

растерялась. Одни предлагают увеличить численность оккупационных войск до 500 тыс. чел. Другие считают необходимым вывести все войска из Ирака. Третьи советуют не торопиться с выводом войск и рекомендуют администрации Буша потребовать от других государств, чтобы они направили свои войска в регион. Четвертые называют преступление Буша авантюрой, позором нынешней Америки.

Администрация президента Дж.Буша начинает понимать, что ситуация в Ираке выходит из-под контроля, и иракцы не скажут “спасибо” за разграбление страны и уничтожение сотен тысяч мирного населения. Но у американцев обратной дороги нет. Уйти из Ирака – значит потерпеть поражение, потерять “Большой Ближний Восток”.

Америка сегодня боится нового Вьетнама, боится джихада. Белый дом лихорадочно ищет пути и способы, как выбраться из ловушки, которую они устроили сами для себя. Продолжение преступной войны и оккупации Ирака может привести к конфронтации со всем исламским миром – и тогда разногласия между США и Европой резко обострятся, что не исключает начала развала Североатлантического альянса и краха американской политики гегемонии. Поэтому ее прельщает эфемерный путь “западной демократии” с помощью ООН и западных стран.

Если Америка изберет путь насилия, то она разбудит весь исламский мир. По данным западных СМИ и исламских сайтов в Интернете, сотни молодых мусульман из различных стран мира устремились в Ирак, чтобы принять участие в борьбе с “неверными”, которые оккупировали “исламскую страну, столь близкую и дорогую сердцу каждого мусульманина. Неразумная американская политика и оккупация Ирака являются главной причиной того, что общий градус религиозного

фундаментализма во всем мире поднялся на недостижимую высоту”.

Американцы успокаивают себя тем, что в настоящее время никто не может противостоять Америке. Такая уверенность может оказаться иллюзорной.

На одном из исламских сайтов можно прочесть: “Пусть никого не обманут слова предателей, говорящих о том, что невозможно противостояние Америке и отражение агрессии... Настоящий джихад еще впереди. Когда же он начнется, американцы нигде не найдут себе покоя. Их станут преследовать по всему миру, не давая им ни секунды на передышку, и они проклянут тот день и час, когда вошли в Ирак”.

“Новый мировой порядок” родил Буш-старший, начав войну в Персидском заливе (1991 г.). Клинтон продолжил, разгромив Югославию (1999 г.). Буш-младший развязал перманентную войну: Афганистан (2001 г.), Ирак (2003 г.) и замахнулся на другие страны, объявив о претензиях Америки на мировое лидерство.

Так “демократия” через “новый мировой порядок” фактически пришла к террору. В этом вряд ли есть что-то новое. По существу все “мировые порядки” с незапамятных времен шли такой же дорогой – войны, насилия, грабежа. Возможно, так будет и дальше. Однако спуск с высот демократии в болото террора всегда грозит обвалом мировых империй.

Но пока Америка пытается как можно дольше удержаться на коне, оставаясь мировым жандармом, арбитром, повелителем. Ее попыткам к мировому господству открыто никто не противостоит.

Европа и Япония молчаливо соглашаются и даже приветствуют американское лидерство. ООН “танцует” под американскую музыку, так как ей еще очень далеко до всемирной организации, способной действовать четко по Уставу. Беспокойные страны “третьего

мира” волей-неволей станут передавать свои споры, унижения и конфликты на “божий суд” Америки.

Получается, что многополярный мир существует сегодня лишь теоретически, на словах политиков. Практически команды на планете поступают из одного центра – из Вашингтона. В этом суть глобализма Америки, которому способствуют: образование всемирного рынка финансов, товаров, услуг; становление единого информационного пространства в реальном масштабе времени; выход национального бизнеса за границы своих государств благодаря использованию транснациональных корпораций; усиление взаимодействия стран и народов во всех сферах жизнедеятельности.

Логика развития событий позволяет предположить, что политика “*Pax Americana*” затронула все страны и регионы мира.

Президент Дж.Буш предупреждает: “Мы накажем всякого, кто будет противиться нашим установленным порядкам”. Сказано так, что будто за океаном уже создано “новое мировое правительство” с центром на Потомаке.

Паутина американского “мирового порядка” с помощью глобализма захлестнула все страны мира, включая Россию. Они попались в эту паутину, “как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках”. (Проповедник Екклесиаст).

Государственной политикой Америки по установлению мировой гегемонии выступает ныне глобализм, – название подобное колониализму и неоколониализму. Нынешний американский глобализм прикрывается термином “новый мировой порядок” (по арийскому образцу), нацелен на порабощение народов и государств планеты. Основные структуры и методы глобализма: в военной области – распространение зоны ответственности НАТО на весь мир; в

экономике – стремление ТНК захватить все основные энергоресурсы планеты; в финансах – долларизация, кредиты, инвестиции; в торговле – открытие таможенных границ; в духовной сфере – разложение национальных культур суверенных государств, замена их поп-культурой.

Главная проблема политики американского глобализма – захватить основные ресурсы Земли.

Что несет американский глобализм (“новый мировой порядок”) народам? В Белом доме обещают, что будет устроенный благополучный мир и правопорядок для всех. На деле за этой хитро задуманной политической игрой американских лидеров кроется насильственная политика дальнейшего ограбления стран, основанная на массовом терроре и кровопролитии. При таком порядке, когда Америка фактически идет “крестовым походом” против всего мира, неизбежно возникает вопрос: выживет ли сам мир?

Таким образом, глобализм в настоящее время – это не призрак, а реальная международная власть. Сейчас в мире значатся около 500 крупнейших транснациональных корпораций (ТНК), которые контролируют более 25% всего валового внутреннего продукта планеты. Например, в США оборот крупнейших 200 ТНК превысил валовой внутренний продукт страны. И командует ТНК кучка людей.

Хозяева мира, капитаны мировой экономики – это они, а не президенты и канцлеры “большой семерки” или “восьмерки” на самом деле правят всем миром, вершат его судьбы, дают указания лидерам капиталистических государств, что и как делать.

Самый страшный враг человечества сегодня – это глобализм, всемирное правительство некоронованных королей, председателем которого является Америка.

Войны Америки против Югославии, Афганистана, Ирака не опровер-

гают этого анализа. Наоборот. Они высвечивают контуры и направления будущего, напоминают, что основная драма XXI в. еще впереди.

Главная цель современной политики Америки – затормозить экономическое и военно-техническое развитие своих основных конкурентов – Китая, России, Европы.

Особую значимость в этой политике приобретает нефть, борьба за нефтяные богатства, за контроль над ценами и уровнем добычи.

Стратегия США проста: кто хочет управлять миром, должен контролировать нефть.

Всю нефть.

Где бы она не находилась – на Ближнем Востоке, на Кавказе, в Средней Азии, в любом регионе планеты.

Проблемами нефти в США занимаются Государственный департамент, Совет по национальной безопасности, специально созданные на правительственном уровне комиссии по изучению нефтяных запасов в районе Каспийского моря, в Сибири, на Дальнем Востоке и т.д.

Нефть нужна Америке как воздух и даже больше. Она буквально пронизывает сердце американской администрации. Все основные должностные лица связаны с нефтяным бизнесом и входят в число главных нефтяных семей Америки.

Поэтому всюду в мире, где пахнет нефтью и газом, туда спешат США, объявляя такие районы своей собственностью, размещают там свои военные базы или разжигают военные конфликты, если находят их полезными для своих интересов. Однако было бы ошибочно считать, что нефть – самоцель для США. Нет, это не самоцель. Это – оружие, возможность шантажа, средство управления миром. Вот почему Америку нужна вся нефть планеты, где

бы она не находилась. А это означает, что наступает новая эпоха с неизбежными последствиями: кризисы, конфликты, сопротивление Америке, борьба за выживание, обнищание населения большинства стран, “Большая Игра” великих держав.

По оценке мировых экономистов, нынешний процесс глобализации ускоренно ведет к концентрации капитала и формированию на этой основе узкой группы сверхбогатых людей. Появление в мире узкого круга сверхбогачей есть не что иное как формирование глобальной “корпоративной олигархии”, что несет угрозу суверенитету любого государства мира.

Вместе с тем, наблюдаются и другие сопутствующие тенденции в современной мировой экономике.

Как указывал академик Д.С.Львов, “Мировая финансовая система превратилась, по существу, в глобальный спекулятивный конгломерат, функционирующий не в интересах развития национальной экономики, роста промышленного производства и уровня жизни людей, а в интересах укрепления позиций стран «золотого миллиарда». Это раковая опухоль на живой ткани мировой экономики. Масштабы ее постоянно разрастаются. Метастазы пронизывают финансовые системы все большего числа стран. Опасность разрастания этой финансовой чумы XX века становится все более очевидной. Если ее не приостановить, то она может разразиться в глобальный мировой кризис XXI века”^{*}.

Не будет преувеличением сказать, что за нынешней агрессией США и Великобритании в Ираке могут скрываться в первую очередь интересы крупнейших американских и британских нефтяных корпораций. Поэтому конфликт за обладание нефтяными ресурсами может перерасти в военное “столкновение цивилизаций”, как ре-

зультат глобального мирового кризиса. Пока бурлит конфликтами и противостоянием исламский мир с “золотым миллиардом”, Россия имеет шанс во времени для решения задач своего развития. Хотелось бы верить, что этот шанс не будет упущен. Тем более, что США в данный момент нуждаются в поддержке со стороны России в решении многих проблем (Ирак, исламский мир, Китай, внутринатовские разногласия и др.).

Рано или поздно Америке надо выходить из иракской войны. Единственным оптимальным выходом из тупикового положения является перевод иракской проблемы в политическое русло. Для этой цели может служить только Организация Объединенных Наций с самостоятельными полномочными действиями, с применением миротворческих сил СБ ООН обеспечению независимости Ирака.

Чем и как закончится американская агрессия в Ираке? – покажет будущее. От ее исхода во многом будет зависеть “новый мировой порядок”. Большие потери американцев заставят Вашингтон долго “переваривать” Пиррову победу. Но даже в этом случае военная машина Пентагона остановиться не сможет.

Очередной жертвой после предыдущих может оказаться Иран или другое государство. Для этого Вашингтон создает себе плацдармы в Ираке, Афганистане, в постсоветских республиках Средней Азии, охватывая Иран с различных направлений. Формируется оппозиция нынешнему иранскому режиму в Западной Европе, “пятая колонна”, антииранские настроения в мировом сообществе. Постоянно поднимается вопрос о ракетах и ракетной

* “Обозреватель–Observer”. 2003. № 4. С. 77.

технологии, о разработке программ производства ядерного оружия, как якобы угроза Соединенным Штатам.

В этих условиях Россия не имеет права созерцать со стороны, когда разгорится новый военный пожар. Она обязана разработать альтернативную стратегию своего поведения на случай хода и исхода войны в Ираке, и американо-иранского противостояния. Может быть следовало бы активизировать свои действия в ООН для постановки на международном форуме вопроса, связанного с определением и оценкой “международного терроризма”. Предусмотреть другие меры. Все это ради защиты национальных интересов.

Все дело в том, что нынешняя мировая цивилизация, то есть вся материальная и духовная структура человеческого общества в своем развитии обращена вспять. Произошел небывалый регресс человеческой истории. Вместе с тем, произошло усиление агрессивного поведения Америки. Сумеет ли Россия в такой обстановке сохранить суверенитет и решить поставленные задачи? Вопрос остается открытым.

По мнению вашингтонского руководства в новых условиях развития современного мира имеется реальная возможность при умелой стратегии практически решить теорему мирового господства с применением различных приемов и в короткие сроки. Важно лишь найти слабые звенья в мировом сообществе. Такими слабыми звеньями за океаном считают бедные страны из-за их неспособности к организованному сопротивлению и готовности сдаться на милость Вашингтона в условиях, когда американцы фактически господствуют на Ближнем Востоке и в вплотную подобралась к России. Овладев этими слабыми звеньями, Америка открывает себе путь в Китай, Индию и Западную Европу.

В этом кроется суть замысла “зачистки” мира под грандиозный проект американской диктатуры. В этом замысле значится и Россия. Какие бы “дружеские” заверения не раздавались из-за океана, все-таки острое американского давления и экспансии направлено, в первую очередь, против России, против непокорного славянского народа. Америка намеревается решать эту историческую задачу путем “нового мирового порядка” по арийскому образцу, а именно – силой и только силой!

Если оценить международное положение, сложившееся вокруг России, то нетрудно видеть, что она продолжает отступать практически по всем азимутам. Повторим факты:

Важнейшей проблемой современного мира становится все более ухудшающееся положение угнетенных народов планеты. Это усугубилось, с одной стороны, в результате демонтажа марксизма, как одного из главных направлений современной общественной мысли, огромного теоретического потенциала борьбы трудящихся масс, которые оказались дезориентированы и обречены на поражение, а с другой – усилением давления олигархического глобального капитала на “третьи” страны для захвата их богатства.

Сегодня видно, как и господствующие силы активно переходят в наступление на интересы низов, ущемление их социальных программ и конституционных гарантий политических свобод.

Все это дает основание с уверенностью говорить о том, что современный мир вступает в стадию господства глобальной олигархии и полицейского режима, враждебного простым людям, которые остаются практически беззащитными. Таков результат и следствие развала СССР и мировой социалистической системы.

– в частности, к настоящему моменту НАТО вобрало в себя всех бывших европейских союзников СССР и вступило уже на территорию, собственно, Советского Союза, приняв в свой состав Литву, Латвию и Эстонию;

– движение НАТО на Восток скорее всего будет продолжаться: Украина собирается подать заявление. Туда же рвется Грузия;

– в Белоруссии готовится переворот. Под прицелом государства Средней Азии. Нам отказали в беспрепятственном проезде в Калининградскую область. Прибалты ведут политику апартеида в отношении русских и требуют пересмотра итогов нашей Победы;

– финны начали подбираться к Карельскому перешейку;

– японцы требуют от нас теперь не два, а четыре острова Курильской гряды и уже ведут разговор о прилегающих к ним районах;

– маленькая Грузия и Молдавия позволяют себе разговаривать с нами языком ультиматума.

Дальше вряд ли будет лучше. Внешний мир пребывает в убеждении, что может продолжать дележ советского наследства и оказывать давление на Россию. Блок НАТО будет увеличиваться за счет приема в свой состав других государств.

Главным изменением, происшедшим в международной обстановке за годы после развала Советского Союза, является переход Соединенных Штатов к открытой политике силового диктата и развязывания войн ради реализации своих национальных целей, установления контроля над остальным миром, подавление несогласных и сопротивляющихся, установление нового международного права на американских условиях.

Такова сложившаяся обстановка, которую, по существу, полностью поддерживают союзники США. Учитывая, что НАТО сегодня уже не является оборонительным союзом и действует вне границ альянса, кто может поручиться, что ее операции не представляют угрозы интересам безопасности России?

Самым опасным прецедентом ныне является Косово. Он может взломать силой всю систему международных отношений.

Американское руководство должно осознать, что мир в настоящее время становится все сложнее и сложнее. Сила не дает ответа ни на один вопрос.

Нельзя требовать почтения к своему суверенитету, презируя чужой. Нельзя требовать уважения собственной безопасности, пренебрегая безопасностью других. Нужна взаимность, без которой в мире вместо права воцарится хаос и как следствие – международный кризис.

Примечания

¹ Цит. по: *Петров Н., Соколов Н., Владимиров И.* США и НАТО: источник военной угрозы. М.: Воениздат МО СССР, 1970. С. 11.

Словакия: вторжение без оружия

Как иностранный капитал приспособливает под себя
права человека и демократию

Иван Дзуриндин,
журналист-международник
(Братислава, Словакия)

В Словакии в последнее время творятся в прямом смысле слова удивительные вещи, которые уже не могут оставить в стороне даже простого обывателя. Часть так называемых неправительственных организаций (НПО), которые выдают себя за “неприкосновенный третий сектор”, но которые на самом деле действуют в словацком гражданском обществе как рука иностранного капитала и чужих интересов, перешла в открытое наступление на социально-демократическую программу правительства Роберта Фицо, а также на любые попытки утвердить силу закона и вырастающей из него национальной словацкой демократии.

Под лозунгами псевдодемократии, при которой дозволено все, что прямо не запрещено, открыто и в тесном сотрудничестве с парламентской оппозицией и прочими противниками политики нынешнего правительства, эта группа НПО и различные самозванные группы, принадлежащие к так называемому “демократическому крылу современного общества как неотделимой ча-

сти демократической системы”, отрицают все законные социально-ориентированные начинания правительства, которые угрожают их господству и финансовым выгодам. Они компрометируют каждый шаг правительства, который направлен на укрепление авторитета официальной государственной власти и который противоречит интересам иностранных финансовых групп, являющихся основателями этих НПО и в значительной мере обеспечивающими их финансирование.

Необходимо совершенно открыто сказать, что различные неправительственные объединения, фонды, союзы, организации и т.п., как бы скромно они не назывались, являются, в сущности, продолжением шупалец зарубежных финансовых и политических групп в странах бывшего социалистического лагеря, которые бездумно ринулись в их объятия, стремясь обрести “свободу и демократию”.

Международный капитал и его представители, “дочки” или закамуфлированные “общества”, создали для

своего “действенного проникновения” целую систему так называемых “неправительственных демократических объединений и организаций”, официальной целью которых якобы является помощь в укреплении “демократии и рыночной экономики”. Такая ситуация наблюдается в государствах с “переходной экономикой”, которые международный капитал так великодушно включил в свою “глобализацию”. При этом, однако, он требует от словацких властей не только возможности образования этих НПО, но и их финансирования (2% с налогов, уплачиваемых юридическими лицами) – будто бы для развития демократических структур, а на самом деле для финансирования канцелярий, нанятых сотрудников, офисной техники, частых зарубежных командировок, а главное – непрозрачной деятельности.

Политические НПО еще в большей степени отличаются лицемерием. С одной стороны, помимо средств из-за рубежа они получают и “помощь” от официальной власти (не только в виде упомянутых 2% с налогов компаний, но и напрямую от некоторых министерств), а с другой – в своей “демократической” иерархии они подменяют легитимное правительство и отказываются подчиняться элементарным правилам функционирования подобных организаций в условиях даже той куцей демократии, которую они так громко пропандируют. Они отказываются раскрывать источники своего финансирования, уклоняются от обязанностей письменно сообщать о том, чем они, собственно говоря, занимаются помимо критики правительства и государственных учреждений.

Все это свидетельствует лишь о том, что их финансирование, а тем более реальная политическая деятельность не вполне чисты. При этом публично они

pretендуют на звание наиболее компетентных “учителей”, разъясняющих такие понятия, как “гражданское общество”, “демократия”, “либерализм”, “глобализация”. Подавляющее большинство этих борцов – самозванцы-недоучки, которые, используя порядком поднадоевшие клише “демократии”, называют себя “наиболее достойной доверия демократической силой”.

Характеризуя эти так называемые “демократические” организации политолог Джефф Малган критически рассуждает о трех аспектах “демократии”:

“Во-первых, демократия приводит к образованию олигархии и технократии. Спросите себя сами, как может представлять интересы простых людей узкая группа, которая с помощью политики ищет лишь средства своего личного обогащения?”

Олигархия изобретает сама для себя сеть подкупленных организаций, какими, например, являются на первый взгляд «независимые» союзы, институты и СМИ, задачей которых является ослабление легитимных государственных органов, чья деятельность мешает безграничной власти олигархического капитала и его агентов!

Во-вторых, принципы демократии – открытость, свобода и конкуренция – также манипулируются капиталом. То, что они называют «открытостью», для них означает лишь открытие новых возможностей для деятельности капитала; то, что называется «свободой» – это свобода неограниченных инвестиций международных компаний; «конкуренцией» они называют экономическую борьбу, полную насилия и обмана со стороны наиболее влиятельных транснациональных корпораций.

В-третьих, речь идет о влиянии СМИ, которые всячески занижают ценность реальной деятельности. Продажные и коварно подкупленные СМИ откровенно манипулируют общественным мнением! СМИ разрушают общественную мораль и стремятся подменить собой гражданский, то есть государственный и общественный, контроль.

Эта практика ведет к постоянному ослаблению прямого участия обычных людей

в управлении общественными делами и прямо ограничивает и душит суверенитет нации!"

К этому следует лишь добавить, что в помощь этой псевдодемократии многоопытным западным капиталом создана абсурдная бульварная пресса, которая, стремясь ослабить общество "переходного периода", прямо иницирует духовный и политический нигилизм для пропаганды самых отталкивающих чужих образчиков.

Политолог Норизэнна Герц весьма интересно обрисовывает ситуацию в разных странах, подвергшихся открытой атаке со стороны неолибералов.

По ее словам, "процессы глобализации, сопровождаемые бесечной приватизацией и либерализацией рынка, ознаменовали прежде всего перераспределение позиций власти. Овладев молодыми рынками, глобальные корпорации сразу превратились в монстров, угрожая самому существованию государств, а вместе с тем и любой форме национальной демократии.

Постепенно олигархи создали свои собственные теневые структуры ("пятую колонну") в выбранном ими обществе и одновременно организовали грубый, то открытый, то скрытый медиа-террор против власти, которая позволила себе утвердиться без их благословения!"

Транснациональные монополии совершенно естественно подкрепляются местной финансовой олигархией, стремящейся обезоружить и саму "демократию" с ее идеалистическими лозунгами, и тем более социальную справедливость, которая мешает им получать максимальную прибыль!

Политолог Коэн Хусейн Понтох, в отличие от своего коллеги О'Доннелла, считает власть капитала и международные интересы решающими факторами, влияющими на процессы в "переходных демократиях и экономиках".

Однако никакие изменения, осуществляемые под диктовку олигархии, не

ведут к образованию демократии, открытого гражданского общества и социальной экономики. Наоборот, это прямая дорога к утверждению дикого неолиберализма.

Коэн Хусейн Понтох и сам переходный процесс называет "трансформацией через интернационализацию". Это процесс, который преследуют ведущие капиталистические страны с опорой на международные финансовые институты, какими являются МВФ и Всемирный банк и за которыми стоят мощные олигархические силы. Целью их устремлений является использование слабостей конкретных государств в переходный период для утверждения неолиберализма, который максимально ограничивает конституционный суверенитет национальных правительств, ослабляет местные законодательные органы и дестабилизирует деятельность государственных институтов. Согласно намерениям олигархов, роль государств должна сводиться лишь к защите интересов монополий, которые там обосновались.

Вернемся, однако, к борьбе политических НПО против стремлений словацкого правительства установить хотя бы минимальный порядок функционирования более десятка тысяч различных организаций, фондов, союзов, содружеств и т.п., которые были созданы начиная с 1990 г. на основе закона "О свободном объединении граждан" № 83, то есть закона, который открыл двери для их практически неограниченного "размножения".

Некоторые из этих союзов и фондов действительно помогают новому обществу в решении проблем в коммунальном, социальном, здравоохранительном и законодательном секторах, где молодое государство само еще не в состоянии охватить все аспекты. В этом случае они действительно являются

желанной и общественно значимой силой, занимающейся благотворительной деятельностью с помощью тысяч добровольцев, наблюдателей, учителей, тренеров и т.п. Эта деятельность является серьезной работой, что социально-демократическое правительство Роберта Фицо никогда не ставило под сомнение, поддерживая ее в рамках своих возможностей.

Однако среди большого числа подобных организаций действуют и многие самозванные “демократические неправительственные организации”, чья деятельность внушает, по меньшей мере, значительные подозрения вопреки тому, что сами себя они называют “создателями подлинной демократии”. В некоторых подобных “союзах” работают и весьма уважаемые политологи, которые по разным причинам перешли на сторону тотального неолиберализма.

Именно эти политические НПО чрезвычайно быстро “плодились”. Сейчас они развязали истеричную кампанию под лозунгом “Правительство не имеет права вмешиваться и затрагивать демократические права граждан!” Это вызывает серьезные сомнения в правомерности их свободной и никем не контролируемой деятельности! Некоторые представители этих организаций постоянно появляются в контролируемых ими СМИ и внушительно говорят о прямой угрозе, которая будто бы нависла над демократией Словакии, когда правительство Роберта Фицо отважилось ввести определенные законом правила основания, регистрации, финансирования и контроля различных организаций и союзов, которые выступают публично и которые постоянно и все чаще называют себя “единственными настоящими защитниками свободы народа”. Верят ли они этому сами, трудно сказать. Но монополии им определенно рукоплещут!

На наших глазах несколько десятков упомянутых политических НПО открыто объединились с бульварной прессой и другими СМИ, полностью подчиненными крупному капиталу в период правления повязанного олигархией премьера М.Дзуринды. Эти СМИ капитал сейчас натравил на правящую коалицию (партии “СМЕР – социальная демократия”, “Народная партия – движение за демократическую Словакию” и “Словацкая народная партия”), которая пришла к власти в результате парламентских выборов летом 2006 г.

Ситуация уже переступила все границы дозволенного.

Некоторые особенно агрессивные представители политических НПО зашли так далеко, что считают себя “самым важным легитимным органом контроля официального правительства”, президента и парламента...

К антиправительственной деятельности этих “демократических” союзов и подчиненных им СМИ нужно также отнести и закулисную, хотя и достаточно очевидную работу центров дезинформации, то есть оппозиционных политических партий и заинтересованных секретных служб олигархического капитала, которая ведет к лавине тщательно спланированных, точно направленных как публичных, так и закулисных акций в самом парламенте. Особенно это касается “Словацкого демократического и крестьянского союза” М.Дзуринды, а также их правых сторонников из “Христианско-демократического движения” и “Словацко-венгерской коалиции”, которые проиграли парламентские выборы 2006 г., а до этого 8 лет помогли в распродаже стратегических отраслей страны заграничным монополиям, торговцам и спекулянтам.

Мало кто из словаков сомневается, что за это они получили существенную денежную “компенсацию”. Эти же самые люди не дают ни дня покоя правительству для нормальной работы, видимо, с целью не дать ему времени для раскрытия подлых махинаций, которые были реализованы Дзуриндой и его людьми за 8 лет нахождения у власти в предшествующий период.

Вместе с упомянутыми сторонниками из политических НПО и бульварной прессы они вновь и вновь организуют кампании по смещению представителей исполнительной власти, устраивают пресс-конференции, активно посещаемые представителями той самой бульварной прессы и подкупленными журналистами, а сейчас собираются организовать уже и уличные “демонстрации своих приверженцев”. Сами же они панически боятся нарастающего эффекта бумеранга, поскольку прямо пропорционально их выпадам растет популярность премьера Фицо и его правительства, а рейтинги Дзуринды и его подручных падают.

В прошлом году премьер-министр Роберт Фицо посетил Ливию с официальным визитом и провел переговоры с М.Каддафи о возможном экономическом сотрудничестве. НПО и оппозиция тут же раскритиковали поездку к “диктатору” как “насмешку над демократией”, заявляя о необходимости твердо поставить вопрос соблюдения прав человека и демократии. То же самое, по их мнению, в полной мере должно относиться к визитам словацких политиков в Россию и Китай.

Бывший премьер-министр Дзуринда пошел еще дальше, когда в начале 2008 г. Роберт Фицо посетил прием по случаю кубинского национального праздника в посольстве этой страны в Братиславе, а также появилась информация о его возможном визите в Вене-

суэлу. Как и в случае с визитом в Москву, Дзуринда “обозвал” Фицо и его партию “большевиками”. Бульварная пресса и прирученные СМИ его в этом полностью поддержали. Хорошо еще, что в долгосрочной перспективе подобные выпады имеют обратный эффект для нормальных людей, которые считают подобные заявления “обязательной программой” обиженного и побежденного активиста правого движения.

Нужно еще вспомнить свежую ядовитую кампанию оппозиции в парламенте, бульварных журналистов в печати и представителей неправительственных организаций на правых телеканалах в связи с инцидентом, произошедшем в ноябре 2007 г.

Во время официального визита президента Казахстана Н.Назарбаева, когда перед президентским дворцом в Братиславе президент Словакии Иван Гашпарович приветствовал своего гостя и звучали государственные гимны, недалеко от входа во внутренний двор, где проходила церемония, вдруг появилась казахская диссидентка с мегафоном, выкрикивая оскорбительные лозунги в адрес “диктатора Назарбаева”.

Утихомирить ее пришлось полиции. Казахша, живущая в Варшаве, специально приехала в Братиславу, чтобы нарушить официальную церемонию приветствия президентского гостя, ни капли не заботясь о самих словаках, невзирая на их традиции гостеприимства, согласно которым ни один волос не должен упасть с головы нашего гостя.

Диссидентка при поддержке возмущенных “защитников демократии” назвала действия словацкой полиции “неслыханным поступком” и выразила удивление, что они посмели ее допрашивать.

Целый месяц это “происшествие” питало все оппозиционные силы и особенно политические НПО, которые называли вмешательство полиции “грандиозным скандалом, нарушением основных прав человека и принципов демократии”. Оппозиция тут

же потребовала отставки министра внутренних дел Р.Калиняка.

Оппозицию и критиков не интересовало то, над чем задумывались простые люди: что вообще делала эта иностранка, приехавшая из Казахстана и говорящая по-польски, перед президентским дворцом, как она оказалась в Братиславе, кто оплатил ей дорогу и проживание, а главное – кто направлял ее действия таким образом, чтобы она своими лозунгами позорила торжественную церемонию?

Ни один оппозиционер, ни одно СМИ и, естественно, ни одна НПО не обратили внимание на грубое нарушение общественного порядка со стороны этой загадочной диссидентки.

Одна из представительниц НПО высказалась даже в том духе, что в результате этого случая все правительство должно подать в отставку, а не только министр внутренних дел, чью голову потребовал Дзуринда. Обычные люди могли только удивляться тому, что оппозиция и некоторые неправительственные организации называют проявлением демократии и свободы слова, а что нарушением порядка.

А теперь обратимся к существу нового “скандала”, когда министр внутренних дел Роберт Калиняк выступил с идеей нового закона “Об объединении”, который бы заменил старый, уже бессильный, хотя и много раз правленный закон 1990 г. Еще не был опубликован проект закона, но уже поднялась шумиха в рядах политических НПО: министр внутренних дел, дескать, готовит ликвидацию “демократии”, правительство хочет посягнуть на неотъемлемое право граждан учреждать собственные объединения, в которые государственная власть не имеет право вмешиваться. При этом представитель министерства внутренних дел совершенно ясно объяснил журналистам, что речь идет лишь о проверке тысяч всевозможных организаций и союзов, многие из которых уже прекратили свое существование, а

иные существуют без регистрации; об определении основных условий для возникновения, прекращения деятельности, регистрации, определения прав и обязанностей союзов; об анализе финансовой деятельности, включающей операции со значительными суммами – то есть о законных мерах по наведению элементарного порядка.

Политические неправительственные организации, присвоив себе право представлять весь “третий сектор”, развернули полную негодования кампанию не только против министра внутренних дел, но и против всего правительства.

В связи с этим на телеканале “Маркиза” выступили две оскорбленные самозванные представительницы неправительственных организаций, которые с телеэкрана указывали министру, что это “не он будет контролировать НПО, а они будут контролировать министра и правительство в вопросах соблюдения прав человека и принципов демократии”!

Тут же был организован некий комитет НПО, который потребовал от министра внутренних дел отозвать проект закона и оставить все так, как есть, поскольку “НПО не согласны ни с какими изменениями”! Они пригрозили дальнейшей активизацией открытой борьбы с властью.

Нужно сказать, что проект закона как раз и был направлен на внесение порядка в сложившуюся ситуацию, предлагая условия более ответственной деятельности, раскрытия источников финансирования и т.п.

Пояснительная записка к проекту закона ясно говорит о том, что его составители исходили из Программного постановления правительства Словацкой Республики, которое указывает, что “правительство будет следить за тем, чтобы конституционные принципы объединения граждан создавали благоприятные условия для реализации их интересов в общественной жизни,

но с другой стороны, чтобы несоблюдение этих принципов не приводило к реализации прав на иные цели, кроме установленных законом”.

Следующим важным документом, который повлиял на текст проекта закона об объединениях, является Послание Комиссии ЕС к Совету, Европейскому парламенту и Европейскому комитету по экономике и социальной политике от 29.11.2005 г., озаглавленное как “Предотвращение и противодействие финансированию терроризма посредством повышенной координации на внутригосударственном уровне и большей прозрачности некоммерческого сектора”.

Это Постановление содержит приложение “Рекомендации странам-членам ЕС и рамочный кодекс поведения некоммерческих организаций с целью достижения большей прозрачности и ответственности в некоммерческом секторе для предотвращения финансового терроризма и иных видов уголовных преступлений”.

Правительство, исходя из реальной ситуации раздробленности законодательного регулирования в этой области, обратило внимание на то, что некоторые правовые предписания являются устаревшими, не соответствующими законопорядку Словацкой республики.

Главной целью нового закона является обеспечение прозрачности некоммерческого сектора, который является реципиентом значительных финансовых средств не только из бюджета государства, но и из различных пожертвований, взносов, дотаций и, конечно же, прямой финансовой поддержки из-за рубежа.

Непрозрачность источников финансирования и использования денежных средств, без обязательного бухгалтерского учета и отчетов о хозяйственной деятельности, везде и всюду является источником часто весьма ошибочной практики.

Если мы говорим о возможности злоупотребления непрозрачными ис-

точниками финансирования, то судить об этом мы можем с полным правом с точки зрения финансирования “медиа-террора”, который в политической жизни Словакии стал уже обычным явлением.

Бульварная пресса, а часто и продажные телеканалы терроризируют правительство, министров и деятелей коалиции, снова и снова повторяя банальные и надуманные обвинения, лишь бы была возможность вести постоянную борьбу с правительством и его сторонниками, хотя бы им на эти обвинения уже много раз подробно отвечали.

Премьер-министр Р.Фицо несколько раз предлагал им найти более позитивную программу, если им нечем себя занять.

Естественно, оппозиции и желтой прессе необходимо поддерживать постоянный уровень информационного шума.

Председатель “СДКС” М.Дзуринда одержим своей собственной программой в парламенте.

Уже в третий раз подряд за два месяца он готовит “отставку премьера Фицо”, хотя и ему ясно, что речь идет лишь о возможности использовать парламентскую трибуну для новых нападок и голословных утверждений.

Всем известно, чем именно занимаются некоторые политические объединения. Многие стремятся к “экспорту демократии” в другие государства, грубо вмешиваясь в их внутренние дела, как это было на Украине, в Белоруссии или на Кубе, используя упомянутые финансовые средства для экспорта олигархического понятия “демократии”, то есть фактически действуя в интересах иностранного капитала.

НПО резко выступили против требований какого-либо контроля со стороны государства и целенаправленно обвиняли проект закона в том, что он хочет уничтожить “третий сектор”.

При этом правительство ясно дало понять, что не настаивает на собственном праве одобрять или отклонять заявления на регистрацию обществ. Министрство внутренних дел готово зарегистрировать любое объединение, которое выполняет предписанные законом условия.

В число НПО, которые постоянно сотрудничают с желтой прессой, определенно входят такие, как фонд Сороса "Институт открытого общества", который в странах бывшего советского блока имеет 33 отделения, причем отделение в Словакии финансируется и управляется из Будапешта; другая "неправительственная служба" Сороса под названием "Благотворительный фонд открытого общества", получающая деньги главным образом из-за границы, от Сороса; "Благотворительный фонд «Понтис», чья деятельность направлена на "усиление демократии" с откровенной поддержкой оппозиционных политиков в некоторых "несвободных странах", какими, по их мнению, являются Белоруссия, Украина, а также Куба и частично Сербия.

На самом деле "Благотворительный фонд «Понтис» является дочерней организацией американского "Фонда гражданского общества".

Целью общественного объединения "Человек в опасности" является помощь людям, которые "пострадали в результате конфликтов, катастроф, в том числе в результате авторитарных режимов на родине и в мире".

Можно назвать и другие, например, "Домино Пресс" и "Домино Форум", "Общественное ОКО", "Меса 10 Консалтинг Груп, ООО", поддерживаемые фондом Маршала, Всемирным банком и американским посольством в Братиславе.

НПО "Национальный демократический институт" была основана в 1984 г. в США, сегодня же она действует во многих странах мира, включая Словакию, получая финансирование напрямую от Конгресса

США через институт "Национальный фонд поддержки демократии", целью которого является "построение демократии во всем мире на основе американских моральных ценностей". И так далее, и тому подобное.

Постоянные нападки на правительство Словакии с целью воспрепятствовать его усилиям по наведению порядка в "третьем секторе" открывают истинную сущность многих НПО. Они боятся, что им придется раскрыть свои источники финансирования и настоящую непубличную деятельность. Этого они боятся, поскольку именно непрозрачная ситуация в "третьем секторе" позволяет им подмять под себя демократические правила игры и встать выше официальной власти.

Занимательная шумиха поднялась в группе бульварных издательств вокруг принятия нового "Закона о печати" в начале 2008 г. Закон подтверждает право журналиста на поиск достоверной информации и сохраняет право не раскрывать источник информации. Одновременно закон налагает ограничения на издательства, возлагая на них ответственность за опубликованные материалы и обязанность опубликовать на том же месте поправки или опровержение материала, если затронутое лицо обоснованно этого потребует. Кроме того, закон содержит требование возмещения ущерба, в случае если опубликованный ложный материал причинил ущерб гражданину или организации, и суд обязал издательство возместить этот ущерб в денежном виде. До последнего времени это право требования возмещения ущерба за нанесенный общественный или имущественный вред бульварные издатели признавали неохотно или вовсе игнорировали.

Трагедией всех молодых демократических государств, которые после распада социалистической системы устремились навстречу фальшивым представлениям и заманчивым обещаниям иностранного капитала, является то, что они не заметили

собственной слабости, исходящей из расколотости и наивности, точнее из неопытности честных людей и их политиков, с одной стороны, и из ухищрений сильного иностранного капитала и его приспешников – с другой.

Демократия на Западе давно стала источником разложения политической морали и дегенерации. Эта дегенерация демократии становится глобальной проблемой, поскольку государства, когда-то по праву гордившиеся победами демократических свобод и открытым гражданским обществом, сегодня имеют проблемы с соблюдением принципов, на которых эти государства были построены.

В Словакии идет ожесточенная борьба за “социальную демократию” – наиболее понятную для народа, который своей активной работой создает ценности и обеспечивает жизнедеятельность государства. Этот народ имеет полное право не становиться заложником грубого натиска иностранного капитала и его псевдodemократии.

Братислава, январь 2008 г.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге “Газеты и журналы”
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Технологии несилового разрешения международных и внутривнутриполитических конфликтов*

Англосаксонская культурно-цивилизационная модель
психологического воздействия на конфликты

Андрей Манойло,
Дипломатическая Академия МИД РФ

Существующие сегодня модели, способы, методы и технологии психологического воздействия на конфликтные ситуации имеют достаточно четко выраженные культурно-цивилизационные и национально-государственные особенности. В целом, все их разнообразие можно объединить в рамках четырех культурно-цивилизационных моделей (или направлений): англосаксонской (США, Великобритания и страны Британского содружества), восточноазиатской (Китай, Вьетнам, Малайзия, Тайвань, Япония), романо-германской (Германия, Франция, Италия, скандинавские страны) и ближневосточной (исламский мир: арабские страны, Иран, Пакистан, Турция, Индонезия).

Представители англосаксонского направления, в соответствии с протестантским мировоззрением, рассматривают урегулирование конфликтов в основном как возможность переделать, трансформировать мир под себя, под собственную модель общества. Именно эту цель преследует большинство раз-

рабатываемых США технологий информационно-психологического урегулирования конфликтов. Проблема борьбы с международным терроризмом почти превращается из политической в религиозную, когда президент США заявляет, что “каждая страна должна знать, что война с террором для Аме-

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2008. № 3.

рики является не просто политикой, а настоящим обетом”¹. Идеологема об обязательном экспорте демократии из США во все иные страны, еще не обладающие “истинными демократическими ценностями”, также построена в соответствии с протестантскими традициями и имеет четкий религиозный подтекст.

Англосаксонский культурно-цивилизационный подход к использованию современных технологий информационно-психологического воздействия на политические конфликты хорошо демонстрирует миротворческая деятельность США, базирующаяся на трех основных концепциях:

– “силового умиротворения”, то есть установления принципиального предпочтения использования вооруженной силы и иных силовых методов давления (в том числе – методов государственного терроризма) для разрешения политических конфликтов на условиях арбитра, то есть – самих США;

– “мягкой силы” или “экспорта демократии”, то есть на использовании методов принудительной трансформации политической картины мира под собственные стандарты и массированном применении информационно-психологических технологий “ненасильственного” изменения государственной власти (“бархатных революций”) в странах, которые не стремятся добровольно войти в кильватер внешней политики США;

– “однополярного мира”, то есть концепции формирования нового миропорядка с политической установкой на понижение роли, вытеснение из международного политического процесса и замещение собой в процессах урегулирования современных политических конфликтов международных организаций, призванных поддерживать безопасность и стабильность в

международных отношениях, – ООН, ОБСЕ.

Все три концепции, лежащие в основе миротворческой деятельности США, – это, по сути, классические психологические операции, в которых применение прямой вооруженной силы рассматривается в качестве сервиса по отношению к технологиям информационно-психологического управления массовым и индивидуальным сознанием населения как непосредственно в зонах международных конфликтов, так и вне их. В последнее время психологические операции такого характера в российских исследованиях принято объединять под общим названием “информационно-психологических войн”².

Сегодня технологии информационно-психологической войны широко используются Соединенными Штатами в международных конфликтах, в том числе в Югославии³, Афганистане, Ираке, Сомали, Руанде, в отношениях с Ираном, а в настоящее время – и в Кении, где на недавних президентских выборах к власти пришла пророссийски настроенная объединенная оппозиция. Особенно ярко это проявляется вокруг проблемы “международного признания независимости” Косово, где США для продавливания решения об отделении Косово от Сербии использовали весь доступный арсенал технологий психологического шантажа и информационных диверсий, направленный как на руководство Сербии, так и на страны ЕС, половина которых этот шаг албанских сепаратистов не поддерживает.

Вот почему сам термин “информационно-психологическая война” (ИПВ) имеет американское происхождение и перенесен на российскую почву из словаря военных кругов США^{4,5}.

Дословный перевод этого термина (“*information and psychological war-*

fare”) может звучать и как “информационное противоборство”, и как “информационная психологическая война” в зависимости от контекста.

Многозначность перевода данного термина на русский язык стала причиной разделения современных российских ученых на два соперничающих лагеря – на сторонников “информационного противоборства” и сторонников “информационной войны”, несмотря на то, что, на языке оригинала это, по существу, одно и то же.

Вводя в употребление термин “информационно-психологическая война”, американские ученые как гражданские, так и военные придерживаются традиционной для американской культуры прагматичной идеологии, ориентированной на ближайшую перспективу: используя термин “информационная война”, они формируют в сознании властных кругов и общественности в целом целевую установку на то, что в будущем эта форма отношений станет настолько развитой и эффективной, что полностью вытеснит традиционное вооруженное противостояние.

У американских экспертов в области психологических операций информационная война используется не столько как термин, обозначающий современную фазу развития конфликтных социально-политических отношений, сколько как вектор формирования внешней политики, как программа выбора политического курса и конечная цель эволюции инструментов политического управления.

Поэтому непрекращающиеся сегодня споры о том, правомерно ли называть современные информационно-политические конфликты информационными войнами или все-таки лучше использовать для этого термин “информационное противоборство”, вряд ли приведут в перспективе к существенным результатам.

В рамках англосаксонской концепции информационно-психологических войн собственно боевые действия играют подчиненную сервисную роль, а план вооруженной кампании строится по правилам и в соответствии со сценарием психологического воздействия на собственных граждан, на граждан политических союзников и оппонентов и на международное сообщество в целом.

Это заключение подтверждает война США в Ираке, которая, с некоторыми изменениями в политической и военной обстановке, фактически, продолжается до сих пор.

Действительно, Ирак рассматривается американским командованием как полигон для испытания новых средств и способов ведения войны, и, в первую очередь, для отработки в режиме реальных боевых действий новых тактических концепций и технологий информационно-психологического воздействия.

В политическом плане важность того, что происходит в Ираке, трудно недооценить: именно благодаря успешности избранной силами вторжения тактики ведения боевых действий страна не только была взята под контроль, но и появилась возможность строить планы принудительного возвращения в русло американской политики таких давних оппонентов как Иран и КНДР.

В научном плане многие ученые не перестают отмечать, что американо-иракский вооруженный конфликт развивается совершенно иначе, чем его предшественники, в военном аспекте действия американского командования представляются нелогичными, примитивными, не учитывающими местной специфики. Для внешних наблюдателей, следивших за конфликтом с помощью СМИ, странная (с военной точки зрения) медлительность коалиционных сил вблизи Басры дала повод говорить

о том, что США и их союзники либо ввязались в конфликт, не имея четких планов подавления иракской обороны, либо столкнулись с неожиданно сильным сопротивлением, к которому не были готовы. При этом боевые потери армии США в Ираке мгновенно собирали у экранов телевизоров значительную аудиторию американских граждан и, затем, четко фокусировали их внимание на тех материалах, которые подавались сразу после сводок с фронтов.

Если рассматривать версию об относительно слабой первоначальной готовности армии США к ведению боевых действий в Ираке, то это, конечно, не так: если бы американские войска приступили к операции в Ираке без заранее продуманного плана, вряд ли бы им это удалось с такими минимальными потерями и в такие короткие сроки. С точки зрения бизнеса, иракская операция была исключительно успешной формой реализации коммерческого проекта: за короткий срок административный контроль над обширной территорией перешел в руки союзного командования, которое теперь свободно распоряжается уцелевшей экономикой покоренной страны и богатейшими нефтяными месторождениями.

Это позволяет сделать вывод, что ни одно из действий американского командования не было случайным: в течение всей кампании перед мировым сообществом, выступавшем в роли внешних наблюдателей, инсценировался умело срежиссированный спектакль, рассчитанный на то, чтобы держать в постоянном напряжении зрительскую аудиторию, управляя ее эмоциями в интересах реализации собственной государственной политики.

Действительно, в течение нескольких месяцев миллионы зрителей по всему земному шару следили за многосерийными сводками боевых действий в Ираке, который по своей популярно-

сти вытеснил даже знаменитые “мыльные оперы”. При этом многие военные и гражданские эксперты отмечали, что ударные группировки союзников как будто позируют перед телекамерами и в боевые действия вступают только тогда, когда уже заранее известен их пиар-эффект.

Не случайно бывший заместитель министра обороны США Дж.Най указывает, что “войну в Заливе мир видел глазами CNN”⁶.

Действия американских военных строго рациональны: те события, которые по своим пиар-характеристикам не попадают в формат телевизионного вещания, не привлекают внимание командования союзников и их военные силы там не задействуются.

Все эти факторы дают ожидаемый психологический эффект: сценарий военной кампании строится так, чтобы обеспечить информационно-психологическое воздействие на американскую и международную общественность для обеспечения ее добровольного подчинения. Такой сценарий, по сути, есть новая разновидность технологий информационно-психологического воздействия на сознание, в котором с реальностью работают так, как это делают с сюжетом журналистского репортажа. При этом собственно боевые действия становятся одной из сцен, предусмотренных сценарием данной психологической операции, и теряют свою самостоятельную роль.

Современный вооруженный конфликт, с точки зрения сторонников англосаксонского подхода, развивается в формате политического репортажа и по законам этого жанра, с тем чтобы генерируемые им новости своим форматом максимально близко соответствовали формату телевизионного вещания и пиар-материала, необходимо-

го для реализации технологий информационно-психологического воздействия. В результате такая цепочка производства (боевыми подразделениями вооруженных сил) и практической реализации (силами психологических операций) новостей с театра военных действий становится высокотехнологичным конвейером производства инструментов обработки и формирования общественного мнения, обеспечения добровольного подчинения граждан, политического целеуказания и управления вектором политической активности элит, находящихся у власти в различных странах.

Продукт современной операции информационно-психологической войны – это сводка новостей СМИ в формате журналистского репортажа.

Кроме того, **современная агрессивная информационно-психологическая война сама порождает локальные войны и вооруженные конфликты**, которые становятся ее индикатором, “витриной” и основной формой политического проявления скрытых процессов, лежащих в ее основе. При этом собственно вооруженные конфликты играют в ней строго отведенную роль.

Для того чтобы запустить тот или иной боевой механизм информационно-психологического воздействия на сознание (или подсознание), необходим мощный толчок, стресс, способный вывести от природы устойчивую систему психики человека из равновесного состояния и активизировать в ней поиск новых защитных механизмов, адекватных стрессовой ситуации. В качестве такой защиты американские политехнологи предлагают свою идеологию, мировоззрение, систему ценностей, замещающие в человеке прежние психологические механизмы защиты. Это, в конечном итоге, обеспечивает достижение главной цели любой современной

психологической операции – добровольную подчиняемость личности.

Такой эффект на психику человека способна оказать только внезапно возникшая угроза для его жизни: неизвестная медицине эпидемия (например, атипичная пневмония или птичий грипп), стихийное бедствие или война. При этом если наступление первых двух событий предсказать достаточно сложно, то войну или локальный вооруженный конфликт можно создать практически в любой точке земного шара и в тот самый момент, когда это предусмотрено сценарием психологической операции. Кроме того, угроза войны – идеальный инициирующий повод для психологического стресса: она одновременно направлена и на крупные страты (государства, нации, народности), и непосредственно на каждую личность в отдельности.

Таким образом, на современной стадии развития политических технологий **информационно-психологическая война не всегда начинается собственно с военных действий, но сами военные действия становятся необходимым фактором любой боевой психологической операции** в качестве средства инициирования цепных психологических реакций, предусмотренных сценарием психологической войны.

Война психологическая порождает войну локальную: для перехода психологической операции из латентной стадии в активную необходим инициирующий повод, а, следовательно, нужен локальный вооруженный конфликт. То, что в планах информационно-психологической войны традиционная война играет ограниченную, строго отведенную ей роль, не делает ее менее опасной, не сокращает ее масштабов и не вытесняет ее из сферы политических отношений – глобальные военные конфликты постепенно исчезают из политической жизни (в условиях ИПВ в них

больше нет необходимости), количество же локальных вооруженных конфликтов и частота их возникновения растет.

Наблюдающийся сегодня постепенный перенос политической борьбы в информационно-психологическую сферу увеличивает риск возникновения локальных вооруженных конфликтов: технологии информационно-психологической войны многим кажутся привлекательными именно в силу их относительной дешевизны, доступности и эффективности, а, следовательно, интенсивность их использования в политической борьбе будет только нарастать. Соответственно, будет увеличиваться и количество локальных вооруженных конфликтов, которые в психологических операциях играют роль иницирующего механизма так называемого “спускового крючка”. Это, в конечном итоге, ведет к распространению практики применения собственно вооруженного насилия: там, где начинается психологическая война, обязательно возникнет локальный вооруженный конфликт.

Большое значение в англосаксонских операциях психологической войны играют технологии консолидации потенциальных союзников и формирования политических мифов для поляризации международного общественного мнения, таких как образ “международного терроризма” и его персонифицированная версия – образ “террориста № 1” Усамы бен Ладена.

Борьба с международным терроризмом – это психологическая операция, которая позволила США вовлечь в кильватер своей политики целый ряд стран (как европейских союзников по НАТО, так и ряд стран на Ближнем Востоке), поставив некоторые аспекты их внешнеполитической деятельности под достаточно жесткий контроль.

В рамках этой психологической операции для правящих элит государств, не желающих примыкать к военной политике США, удачно создан объект коллективной борьбы, не имеющий национальности и государственной принадлежности так называемый международный терроризм, обладающий двумя важными качествами, используемыми как повод для вмешательства во внутренние дела любых стран: транснациональностью и трансграничностью. Для союзников США по НАТО образ международного терроризма – удобный повод для оправдания своего участия в военных конфликтах, иницируемых США, перед гражданами своих стран, так как, согласно политическому мифу о международном терроризме, они воюют не с конкретными народами и странами, а с общемировым “злом”, не имеющим ни национальной, ни территориальной принадлежности.

Для населения стран, вынужденных поддерживать политику США, создан более близкий для понимания персонифицированный образ международного терроризма в лице конкретного человека (Усамы бен Ладена) – человека чуждой для европейца культурной принадлежности, несущего персональную угрозу жизни и здоровью каждого (через террористические акты, от которых вряд ли кто-нибудь может быть застрахован).

Таким образом, избиратель, голосующий за вторжение в Ирак, Афганистан, получил возможность выразить свою ненависть не по отношению к абстрактному образу международной террористической угрозы (которая не воспринимается в сознании людей как угроза персональная, лично ему, его жизни и здоровью, его семье и т.п.), а по отношению к конкретному человеку, внешний вид и поведение которого

вызывает инстинктивный страх на самом обыденном, бытовом уровне.

В течение нескольких лет “международный террорист № 1” (еще один психологический прием) перемещался из страны в страну в той последовательности и очередности, в которой США планировали расширение и продолжение своих захватнических действий. И везде его перемещения служили еще одним весомым аргументом для вооруженного вторжения.

Это не только еще один пример использования технологий психологического воздействия, но и важный пример тиражируемости современных психологических технологий и их принципиальной применимости к различным политическим ситуациям.

Иной оттенок к использованию технологий психологического управления конфликтами имеет английский подход: в соответствии с опытом управления колониями, накопленным Британской империей, он предполагает более гибкие методы. В период своего расцвета Британская империя создала эффективную модель управления колониями и административный аппарат, деятельность которого в сочетании с колониальной политикой позволила накопить уникальный опыт гибкого “управления активами”, разнородными по своему составу, качеству и лояльности к центральной власти. Эта схема управления в коммерции находит свое применение в виде разнообразных холдинговых схем, очень гибких по отношению к любым изменениям рыночной ситуации. Эта же схема была заимствована Соединенными Штатами при раз-

работке психологических технологий управления конфликтами и кризисами, в которых конфликтные области рассматриваются в виде активов, готовых для внешнего управления.

Итак, современная англосаксонская модель видит процесс разрешения конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон под собственные политические нормы и стандарты (так называемый “демократический шаблон”), используя при этом как методы прямого силового давления (“силовое умиротворение”, “гуманитарные интервенции”, борьбу с “международным терроризмом”, концепция “жесткой силы”), так и методы непрямых действий (концепция “мягкой силы”, “бархатные революции”, психологическая война).

Однако основанная на этой модели политика Соединенных Штатов по мере ее реализации встречает все большее противодействие.

Не случайно известный специалист по американо-китайским отношениям Е.П.Бажанов указывает, что “Соединенные Штаты уже сейчас сталкиваются с негативными последствиями силового метода насаждения “передового образа жизни”¹.

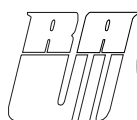
Прежде всего это касается стран Востока: Афганистана, Ирака, где силовые акции Вашингтона терпят поражение, вынуждая США искать новые подходы к анализу и практической реализации стратегических доктрин. При этом рождаются новые течения, школы, предлагаются новые технологии психологического воздействия на конфликты.

Примечания

¹ Красная звезда, 27.09.2002 г.

² Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика. М.: Горячая линия-Телеком, 2006.

- ³ *Шмелев Б.А.* Балканский кризис. Центрально-восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Ч. 1. М., 2002.; *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы: Балканские войны XX в. М., 2000.
- ⁴ *Harley I.A.* Role of Information Warfare. Truth and Myths. NTIS, Naval War College. AP-A307348. USA, 1996. P. 24–57.
- ⁵ Information Warfare: Implications for Arms Control. Kings College London, ICSA. UK, 1998. P. 41–43.
- ⁶ *Най Дж.* После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. Июль – Сентябрь.
- ⁷ *Бажанов Е.П.* Неизбежность многополярного мира // Эволюция мирового порядка и внешнеполитическая стратегия России. М., 2003. С. 16.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Миграция – проблема средиземноморской интеграции

Александр Вавилов,
доктор исторических наук, профессор

Подписание после многотрудной и кропотливой работы Лиссабонского договора (13 декабря 2007 г.) несомненно, явилось важной вехой в развитии многовекового процесса европейской интеграции.

В европейских столицах надеются, что трансформация Союза с помощью Договора в более эффективный механизм создаст благоприятные предпосылки для продолжения усилий по упрочению позиций ЕС на мировой арене, его роли в решении многочисленных и непростых международных и региональных проблем.

Одной из них является проблема миграции с юга, занимающая умы европейских политиков и политологов уже не один десяток лет. В последние годы она стала головной болью и для спецслужб стран Евросоюза.

Острота и неоднозначность проблемы миграции из Африки в Евросоюзе осознается в полной мере.

Как заявил накануне подписания Лиссабонского договора журналу “Шпигель” глава португальского правительства Ж.Сократиш, “африканские иммигранты способствуют повышению нашего благосостояния. Мы должны их интегрировать. Однако нелегальную иммиграцию, организуемую преступными группами, надо пресечь. И чтобы лишить эту мафию власти, мы должны позаботиться об улучшении условий жизни и труда в тех странах, где эти люди родились и выросли”¹.

Евросоюзом предпринимались и предпринимаются разнообразные меры, прежде всего по линии налажива-

ния сотрудничества и в дальнейшем интеграции со странами южного Средиземноморья: с 1995 г. развивается Барселонский процесс, со многими государствами рассматриваемого региона Евросоюз связывают соглашения о партнерстве и соседстве, в том числе в формате “пять плюс пять” стран северного и южного Средиземноморья.

На этом же направлена инициатива руководителей Франции и ФРГ по созданию на июльском саммите в Париже Средиземноморского союза, в который помимо европейских государств приглашены Алжир, Тунис и Марокко.

В Европе на официальном уровне стараются избегать антиисламских высказываний, а архиепископ Кентер-

берийский Р.Уильямс даже недавно предложил выборочно использовать в гражданском судопроизводстве нормы шариата².

В 2007 г. были также продолжены шаги по налаживанию антитеррористического средиземноморского сотрудничества по линии НАТО и с США, в частности.

Однако следует признать, что европейская помощь развитию африканских стран остается недостаточно эффективной (корреспонденты того же “Шпигеля” делают еще более категоричный вывод о ее полной неэффективности) и поток мигрантов из Африки не только не сокращается, но и с каждым годом нарастает. Всего золота мира не хватит, чтобы вытаскать Африку и другие регионы из тяжелого социально-экономического, а с ним и политического состояния. И процессы глобализации, охватившие всю планету, здесь вряд ли помогут. Скорее наоборот: пропасть в развитии Севера и Юга будет на фоне глобализационных процессов еще более разительной. Ведь в современном мире бескорыстных и безмерно щедрых благотворителей как-то не наблюдается.

Европейцам поэтому остается только заботиться об облегчении адаптации миллионов мигрантов к новым условиям и нормам жизни на чужбине, сглаживанием отрицательных последствий их нарастающего отторжения местным населением, которому в современных условиях тоже приходится нелегко искать свое место в жизни.

В этой сфере европейцами начата уже немалая нормативно-правовая база для снятия остроты межконфессиональных и межкультурных различий для менее болезненного приспособления чужеземцев к современным европейским реалиям.

В ноябре 2004 г. Еврокомиссия приняла “Общие принципы” интеграционной политики рекомендательного характера для стран-членов ЕС, через год была принята “Общая повестка дня интеграции”, а еще через год, (июль 2006 г.) были одобрены “Основные приоритеты” в области противодействия нелегальной иммиграции из третьих стран.

Однако общей иммиграционной политики ЕС пока не выработано и эта задача приобретает все большую актуальность³.

Вплоть до настоящего момента этот общеевропейский вопрос решается каждым государством-членом ЕС самостоятельно.

Так, к примеру, в Великобритании более лояльно относятся к праву иноверцев определить и выразить свою идентификацию, тогда как в ФРГ стремятся выработать свою иерархию ценностей, отдавая предпочтение, естественно, германской⁴.

Проблемы самоидентификации инородцев все в большей мере накладываются на социально-экономические трудности, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни на чужбине, а активная пропаганда исламистов через Интернет и другие СМИ подливает масла в огонь, напрямую связывая жизненные невзгоды мигрантов с их этноконфессиональной принадлежностью. Радикализация мусульманской диаспоры в Европе заметно усиливается из-за конфронтационной в основном политики Запада в отношении исламского мира и на Ближнем Востоке, в частности.

А ведь, по прогнозам специалистов, численность мусульманской диаспоры в Европе должна к 2020 г. возрасти вдвое: с нынешних 5% до 10%⁵.

Члены Евросоюза в условиях нарастания оппозиционности иммигрантской части населения идут в основном

по линии ужесточения административных ограничений и создания новых препон для миграции. А ее нарастание в условиях глобализации и интернационализации экономической и хозяйственной жизни носит объективный характер и практически неостановимо.

Для доказательности этого прогноза приведем некоторые статданные: в настоящее время на 10 европейских женщин детородного возраста приходится всего 14 детей, то есть нет даже простого воспроизводства трудоспособного населения.

По оценкам многих специалистов, в ближайшем будущем для нормального функционирования европейской экономике понадобится 75 млн. рабочих рук и голов из-за рубежей Евросоюза.

Сейчас в Европе, по официальным данным, уже трудится около 30 млн. мигрантов, в основном с Юга и Востока. И число их, наверняка, будет только нарастать: 25 млн., допустим, даст Восточная Европа, а остальные 50 млн. придут и уже приходят из развивающихся, прежде всего, мусульманских стран.

Таким образом, перед европейцами, как, впрочем, и перед россиянами, встает задача отлаженного приема и последующей интеграции мигрантов в новое для них общество. Здесь важно не подчеркивать этноконфессиональные различия с пришельцами, а помогать их приспособлению к новым социо-культурным парадигмам. Ограничениями и запретами, как показывает европейский и российский опыт, тут дела не решить.

Многие африканские государства, да и не только они, спят и видят налаживание интеграции с ЕС, в том числе и по линии снабжения его рабочей силой, пусть даже мало или совсем неквалифицированной. Однако предпринимаемые объединенной Европой шаги по сближению с южными соседями, к сожалению, пока не снижают остроты проблемы миграции.

Из Африки и Ближнего Востока вливается на европейский континент мощный поток искателей счастья на чужбине. С ним в Европу попадает нищета, болезни, преступность, наркотрафик и – что особенно четко проявилось в последние годы – иные цивилизационные и ментальные модели, а с ними и терроризм. Эти весьма опасные, а в последнее время, как видно на примере Франции, и взрывоопасные вливания порождают целый комплекс проблем без всякого преувеличения экзистенциального характера.

Как отмечает российский исследователь А.Захарченко, “менталитет мусульманского населения, отличающийся от образа мышления коренного населения Европы, может со временем изменить политический ландшафт ЕС”³.

Настораживает также и то, что регион Северной Африки (Магриб) в целом играет все более заметную роль в системе международного наркотрафика, причем не только как транзитного пункта на пути в Европу, но и как важного поставщика наркотиков.

Так, на севере Марокко в горной цепи Риф под посевами индийской конопли занято до 120 тыс.(!) га.

Остроты в ситуацию добавляет появление под боком у европейцев трудноуловимой “Аль-Каиды”.

В январе прошлого года, действовавшая в Алжире “Салафитская группа проповеди и джихада” объявила, что, “по указанию” У. бен Ладена, сменила название, и отныне будет называться “Аль-Каида в странах исламского Магриба” (АКМ). За сменой вывески последовали дерзкие теракты в Алжире и Марокко, в которых пострадали десятки людей, в том числе сотрудников ООН.

Тревожит, что подручные бен Ладена охватили своей активностью весь североафриканский регион и взяли под

контроль другие радикальные группировки.

По данным французских спецслужб, по состоянию на 1 июля 2007 г., кроме Алжира ячейки АКМ действовали в Египте, Ливии, Марокко, Мавритании, Мали, Нигере и Тунисе. При этом установлено, что основные источники финансирования этого нового и, как уже показывает опыт, весьма воинственного регионального отделения “Аль-Каиды” находятся во Франции и Испании.

Среди задач “Аль-Каиды в Магрибе” были следующие:

- облегчить доступ своих боевиков в Европу;

- шире привлекать исламистские группировки из стран Магриба для совершения терактов на другом берегу Гибралтарского пролива⁶.

Для получения более полной картины стоит взглянуть на проблему миграции с южного и северного побережий Средиземноморья.

В свою бытность советником-посланником Посольства России в Тунисе автор имел многочисленные возможности лично убедиться во всей многоплановости и запутанности миграционной проблемы.

Север Африки с его тысячами километров песчаных пляжей вот уже многие десятилетия служит удобным перевалочным пунктом для нелегальных искателей лучшей доли со всего континента. Если учесть, что от северной оконечности Туниса до подошвы “итальянского сапога” всего ничего, а у Гибралтара до Испании и того меньше, то привлекательность этих мест для охотников попытаться поправить свое материальное положение и приобщиться к благам европейской цивилизации становится очевидной.

Добраться до Италии, к примеру, из Туниса можно даже на утлом ялике, не

говоря уже о посудинах, более менее способных держаться на воде и снабженных мало-мальски тархтящим мотором.

За перевоз нелегалов владельцы таких шаланд берут немалые деньги (ок. 1000 евро с человека) и их бизнес процветает.

При этом не дается никаких гарантий безопасной доставки к пункту назначения, до которого нелегалам порой приходится добираться вплавь из-за неожиданного появления пограничной стражи. В связи с этим в летние месяцы, когда море относительно спокойно и потоки нелегалов множатся, газеты североафриканских стран пестрят сообщениями о трагической гибели десятков морских путешественников по неволе.

Власти североафриканских стран совместно со странами ЕС предпринимают меры по ограничению потоков нелегальных мигрантов. Однако он не только не снижается, но и год от года растет. Виной тому стагнирующее экономическое положение в большинстве стран африканского континента, череда кровопролитных и разрушительных конфликтов.

Немалое притягательное значение Европы обуславливается, как это ни парадоксально, и колониальным прошлым, за десятилетия которого в африканских странах при западной системе образования сформировался соответствующий менталитет и вестернизированная элита во многих поколениях. Предпринимавшиеся после обретения, а в случае с Алжиром и завоевания в кровопролитной войне, независимости попытки арабизации политической и общественной жизни не смогли полностью снять западное влияние. В результате в широких слоях африканского населения Европа до сих пор рассматривается как “земля обетованная”, до которой нужно лишь добраться, пусть зачастую и с риском для жизни.

Правящие режимы в странах Африки со своей стороны заинтересованы

сохранить миграционные потоки, позволяющие несколько снизить давление избыточного и по большей части пауперизированного населения на местную экономику и даже получить от мигрантов немалый навар (в сравнительно благополучном в этом отношении Тунисе это ни много, ни мало около 3 млрд. евро в год) в виде переводов родственникам от уехавших за границу на заработки и осевших там на ПМЖ.

Каждое лето их, приезжающих на каникулы, радостно встречают, а затем с неменьшей радостью и большой надеждой на новые поступления провожают в обратный путь. В стране разработаны специальные правительственные программы по сохранению и поддержанию связей с "зарубежными соотечественниками", которых никто не зовет вернуться.

Немалое значение имеет и финансирование создаваемой системы контроля над миграционными потоками.

В Тунисе, к примеру, на средства ЕС было установлено два мощных радара для наблюдения за значительной частью прибрежной акватории. Однако у местных властей возникли затруднения с оплатой электроэнергии для их ежедневной работы, что в значительной мере снизило КПД этих дорогостоящих аппаратов, включаемых только по субботам и воскресеньям.

Кроме того, европейцы предложили тунисцам создать на их территории фильтрационные лагеря для потенциальных мигрантов из Африки, в которых можно было бы производить их отбор и отсеивать, рассказывать им о том, что ждет их в европейских далях. Однако эта идея местным властям пришлась не по вкусу из опасений, что подобные лагеря будут восприняты общественным мнением в Африке и, прежде всего исламистами, как концентрационные.

В данном случае проявилась и память о колониальном прошлом, кото-

рая отравила атмосферу и во многом свела на нет результаты встречи лидеров ЕС и Афросоюза в Лиссабоне (начало декабря 2007 г.), на которой проблема мигрантов также подробно обсуждалась, но консенсуса достигнуто не было. Африканцы обвинили европейцев в попытках навязать им свою волю и ограничить политический и экономический суверенитет⁷.

В последние годы в миграционных потоках наблюдается новый весьма опасный элемент. По данным европейских и североафриканских спецслужб, под видом трудовых мигрантов в Евросоюз все чаще проникают исламистские радикалы и боевики. Это опасное явление потребует от европейцев под сенью Лиссабонского договора особого внимания и бдительности.

Крылатая киплинговская строфа "Запад есть Запад, Восток есть Восток ..." в наши дни обретает новое звучание и актуальность. Нашумевшие на весь мир ноябрьские 2005 г. беспорядки во Франции, подготовленные "доморощенными террористами" взрывы в Мадриде (11 марта 2004 г.) и Лондоне (7 июля 2005 г.) наглядно продемонстрировали, что дело с интеграцией мигрантов в западноевропейское, наиболее привлекательное для них общество обстоит совсем неблагоприятно. Перед европейцами в эпоху глобализации встала задача избежать межкультурного раскола, найти *modus vivendi* для представителей различных жизненных укладов и ментальности, тем более, что последние на волне радикализации исламизма ведут себя все более обособленно, а часто и вызывающе.

И в данном случае уже упоминавшийся "колониальный комплекс" играет далеко не последнюю роль.

Подростки, громившие пригороды Парижа, были, как отмечает известный

русский востоковед Р.Г.Ланда, мигрантами уже второго поколения, с высшими запросами и с трудом адаптирующиеся к нынешней полной проблем и противоречий жизни в объединенной Европе. Родившись на европейской земле и получив соответствующее образование, они так и остались мигрантами, для которых путь интеграции в западное общество остается закрытым⁸.

Тревожно, что в широких общественно-политических слоях европейских стран, судя по всему, серьезность и взрывоопасность этой проблемы осознается пока не в полной мере. На правом фланге раздаются весьма нереалистичные, а зачастую и просто провокационные призывы “очистить Европу от азиатов и африканцев”, а в СМИ под флагом защиты свободы слова и демократии нередко культивируется расовая нетерпимость.

Европа с ее стареющим населением, как и Россия, в нынешнем глобализирующемся мире остро нуждаются в притоке извне дополнительной рабочей силы. Если бы дело обстояло по-другому, то бесправные нелегалы, готовые работать в любых условиях и часто за гроши, не “растворялись бы в ночном эфире”, лишь достигнув столь желанной европейской суши.

Отсюда следует непреложный вывод: принимающей стороне, чтобы не получить рецидивов парижских пожаров и взрывов, следует подумать хотя бы об оптимальной адаптации, если не интеграции, мигрантов. Не искать и подчеркивать цивилизационные и иные различия с заморскими пришельцами, а стремиться по максимуму возможности сглаживать их.

На деле же часто происходит по-другому.

Как в этой связи не вспомнить нашу-мевшие на весь мир “карикатурные скан-

далы”, многие неосторожные высказывания европейских политических, общественных да и религиозных деятелей в адрес инородцев и иноверцев⁹. Острая реакция на них в мусульманском мире должна была бы послужить предостережением против подобных рецидивов в будущем.

Но видимо уроки истории отличаются от других тем, что они никого и ничему не учат.

В феврале текущего года в Европе вспыхнул новый карикатурный скандал.

Датские спецслужбы напали на след заговорщиков, готовивших расправу над престарелым автором злосчастных рисунков 2006 г.

Местные СМИ отреагировали на это сообщение в весьма своеобразном духе: они не нашли ничего лучшего, как наступить на те же грабли и воспроизвести на страницах печати прежние оскорбительные для религиозных чувств мусульман шаржи.

Видимо, прежних погромов и беспорядков благополучным датчанам оказалось мало. И они вновь последовали. Этот трудно объяснимый шаг вызвал соответствующую реакцию и в мусульманском мире.

Организация Исламская конференция, объединяющая в своих рядах большинство (ок. 60) мусульманских государств, призвала Запад положить конец антиисламским выпадам, а радикалы, естественно, пошли дальше, потребовав от исламских государств репрессивных шагов против Дании¹⁰.

По всему мусульманскому миру прокатилась новая волна протестных митингов и демонстраций.

Антиисламские тенденции проявились в начале 2008 г. и в еще одном члене ЕС – Голландии.

В марте генсеку НАТО Яап де Хооп Схефферу пришлось публично выразить глубокую озабоченность в связи с возможным выходом на европейские телеэкраны фильма “Фитна” (смута, раздор – арабск.).

Автор фильма – депутат голландского парламента Г.Вильдерс, известный своими жесткими высказываниями в адрес ислама.

В своем фильме он доходит до приравнивания “Корана” к библии фашизма – “Майн кампф” А.Гитлера и требует запретить священную книгу мусульман как призывающую к насилию и убийству, а сам ислам называет религией фашистов¹¹.

В этом он, кстати сказать, не одинок: сам президент США Дж.Буш не единожды пользовался в своих выступлениях термином “исламофашизм”.

Серьезные исследователи исламизма не только раскрыли теоретическую несостоятельность этого терминологического изобретения, но и смогли разглядеть его политическую подоплеку.

“Исламский фашизм”, – отмечает С.Дюран, – особенно удобен своим эмоциональным зарядом. Он помогает посеять страх. В нем якобы кроется одна из главных опасностей. Продвигая тезис, что Запад сражается с новым фашизмом и новым Гитлером, общественное мнение готовят принять мысль о том, что война может и должна быть “превентивной”. Отсюда массированный ответ на “фашистскую угрозу” оказывается оправданным, какими бы ни были его последствия с точки зрения человеческих жизней”¹².

Межнациональные и межконфессиональные отношения, как показывает опыт веков, да и российский опыт, являются слишком тонкой и delicate материей, чтобы с ними обращаться легковесно.

Самый недавний пример такого взрывоопасного подхода – позиция ЕС

относительно независимости Косово. При поддержке из Брюсселя и вопреки веским предостережениям из Москвы Вашингтон “продавил” независимость косоваров, боевиков которых еще в недалеком прошлом он именовал не иначе, как международными террористами.

Можно с большой долей уверенности предположить, что, помимо многих других весьма непростых проблем, в том числе и наркотрафика, Европа получает в своем “мягком подбрюшье” новый очаг межконфессиональной напряженности и воинствующего исламизма.

Печальный опыт балканских кризисов, как видно, европейских политиков так ни чему и не научил.

Как заявил в Женеве министр иностранных дел России С.В.Лавров, **независимость Косово может стать началом конца нынешней Европы**¹³.

Весьма мрачную перспективу для Европы дала британская “Гардиан”, отметив, что западные политики “принесли в жертву независимости Косово самые основы международного мира и стабильности, растоптали религиозную, национальную и культурную идентичность Сербии, продемонстрировали высокомерное пренебрежение международным правом – и ради чего?

Ради куска земли, 70% неалбанского населения которого с 1999 г. уже вычищено, а 44% всего населения которого нигде не работают? Ради куска земли, где нет экономики, а есть только преступность? Ради куска земли, который живет лишь на подачки ЕС и США?”¹⁴.

Россия, имеющая опыт многовекового мирного и продуктивного межконфессионального общения, видит выход из создавшегося весьма непростого положения в стремительно становящейся полиэтнической Европе не в “столкновении цивилизаций” по С.Хантингтону, а в их многоплановом общении, помогающем взаимопониманию и доверию. Она выступает за налаживание диалога цивилизаций как единственно верного пути для ликвидации возникающих трений и конфликтов.

Россия готова поделиться накопленным многовековым опытом межрелигиозного мира и согласия. Европейский опыт в этой сфере также является предметом тщательного изучения и осмысления с нашей стороны.

Как заявил в интервью польской “Газете выборчей” министр иностранных дел РФ С.В.Лавров, “мы могли бы помочь Западной Европе в выработке навыков цивилизационной толерантности, когда европейское общество становится все более многообразным в культурном и религиозном отношениях”¹⁶.

Примечания

¹ Der Spiegel. 03.12.2007. № 45.

² Naaretz. 15.02.2008.

³ *Захарченко А.* Исламские общества внутри Евросоюза? // Международные процессы. 2007. № 2. С. 79, 78.

⁴ *Пинюгина В.В.* Новые подходы к интеграции мусульман в Великобритании и ФРГ // www.iimes.ru.

⁵ Ислам в современном мире. 2007. № 3–4. С. 28.

⁶ *Куделев В.В.* Некоторые проблемы региональной безопасности в Северной Африке в 2007 году // www.iimes.ru.

⁷ РИА Новости. 09.12.2007.

⁸ *Ланда Р.Г.* Бунт Востока или болезнь Запада? // www.iimes.ru.

⁹ *Вавилов А.И.* Запад и “исламский” терроризм. “Обозреватель–Observer”. 2008. № 1.

¹⁰ Arab News. 16.02.2008.

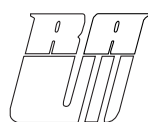
¹¹ Газета. 04.03.2008.

¹² Le Monde diplomatique. 2006. Nov. P. 11.

¹³ Российская газета. 14.02.2008.

¹⁴ The Guardian. 18.02.2008.

¹⁵ www.mid.ru.08.02.2008.

**ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Нормы европейского права в законодательстве ФРГ*

Вопросы потребительского кредитования

Юлия Брык

Законодательство стран-участниц Европейского союза о потребительском кредитовании подверглось за последние годы коренным преобразованиям со стороны общеевропейского законодателя.

Об этом свидетельствует увеличение общего количества директив Евросоюза, направленных на гармонизацию европейского рынка финансовых услуг.

Рассматриваемый аспект имплементации норм европейского права во внутри-национальную правовую систему ФРГ относится к числу наиболее актуальных вопросов европейской интеграции.

Директиву ЕС о потребительском кредитовании необходимо тщательно проанализировать, поскольку ее появление в законодательстве Германии оказало мощное воздействие на правотворчество и применение в сфере банковского права в части оказания услуг по кредитованию населения.

В этой связи важно уточнить приоритет поставленных Директивой задач: это, прежде всего, гарантированная защита потребителя в его правоотношениях с профессиональными участниками рынка ссудного капитала с целью уменьшения кредитной задолженности потребителей (в ФРГ эта проблема особенно остра на территории бывшей ГДР).

Немецкие банки как финансовые посредники

Традиционно в экономике государства банки выполняют следующие функции:

Во-первых, банки берут на себя финансовое обеспечение производства и распределения товаров;

* Исследование основано на данных Европейского Центрального Банка, ежемесячных отчетов Немецкого Федерального Банка и приложениях к ним.

Во-вторых, банки выполняют три трансформационные функции: согласовывают суммы вкладчиков и заемщиков (трансформация объемов); приводят в соответствие между собой предпочтения вкладчиков и заемщиков относительно длительности вклада и кредита (трансформация сроков); уменьшают риск неплатежеспособности (трансформация риска);

В-третьих, банки являются первичными адресатами национальной денежной политики¹.

С точки зрения немецких специалистов (П.Дерледер и др.), “движение товаров и услуг, свободно пересекающих границы, сможет стабильно развиваться, когда параллельно с этим европейские банки смогут выгодно экспортировать финансовые услуги”².

Поэтому сегодня приоритетным является долгосрочное и непосредственно связанное с единым европейским рынком развитие каждого отдельного внутреннего рынка.

Известно, что “коэффициент полезного действия банковской системы и финансовых потоков является ключевым фактором экономического роста рынка”³. Неравномерность распределения денег/капитала между экономическими субъектами делает потребность в капитале достаточно острой.

В этом случае кредитные организации, прежде всего банки, выступают финансовыми посредниками: обращаясь к свободным средствам (резервы, вклады), они предоставляют необходимое финансирование для рентабельных проектов. При этом не имеет значения, из каких средств финансируются инвестиционные проекты: из средств, кото-

рые имеются на рынке капитала (биржевое финансирование) или получены по банковским кредитам⁴.

По закону ФРГ “О кредитной системе”, “организация является кредитным институтом, если она занимается банковскими сделками на профессиональной основе или в объеме, достаточном для функционирования коммерческой фирмы”⁵.

К банковским сделкам по закону ФРГ “О кредитной системе” относят:

- прием вкладов;
- кредитные операции: гарантия денежной ссуды и акцептного кредита;
- банковские операции по дисконтированию векселей;
- сделки финансовой комиссии;
- операции по вкладам: сохранение и управление ценными бумагами в интересах клиента;
- инвестиции;
- ссуды;
- гарантийные сделки;
- эмиссионные операции;
- сделки с электронными деньгами.

Ко “внешним сделкам” кредитных институтов относят⁶:

- Прием вкладов других кредитных институтов;
- Кредитные сделки с другими кредитными институтами;
- Прием вкладов эмиссионного банка.

Как отмечается в комментарии К.Х.Бооса к закону ФРГ “О кредитной системе”, “к частным банкам относятся все кредитные институты таких правовых форм, как: частный предприниматель, открытое торговое общество и коммандитное товарищество^{*}. К обществам относятся акционерные банки,

^{*} Коммандитное товарищество (от франц. *commandite*, в немецком праве – *Kommanditgesellschaft* – это основанное на вере товарищество, в котором объединены два или более участников. Причем один из них является коммандитистом (товарищем, несущим ограниченную ответственность), а другой – комплиментарием (товарищем, несущим полную ответственность).

зарегистрированные как акционерные общества (крупные банки, ипотечные банки, региональные банки) и кредитные институты в форме общества с ограниченной ответственностью. Правовая форма кредитного товарищества – простое товарищество”.

Правовое положение названных выше кредитных институтов определяется предписаниями гражданского, торгового, налогового права ФРГ.

Общественно-правовые кредитные институты подчиняются публичному праву, а руководство ими осуществля-

ют носители власти (государство, земли, общины).

Деятельность кредитных институтов направлена на решение различных задач.

Так, целью их деятельности может быть получение максимальной прибыли (принцип экономического приобретения) или достижение пользы для общества (принцип покрытия затрат).

Особое место в этом списке занимают товарищества, получающие прибыль для своих участников товарищества.

Воплощение предписаний Европейского союза в немецком законодательстве о банковской деятельности

Приведенная характеристика банковской системы ФРГ позволяет подробнее рассмотреть процесс имплементации европейского законодательства в национальную правовую систему.

Согласно Белой книге “О создании единого внутреннего рынка” (1985 г.), под “единым банковским рынком” понимается “пространство без внутренних границ, в котором у всех европейских банков должна быть возможность предлагать и получать свои и чужие финансовые услуги трансграничного характера в каждой стране Сообщества посредством зарубежных представительств”.

Особое экономическое значение единого европейского внутреннего рынка в рамках общеевропейской интеграции проявляется в количественных показателях банковского сектора внутри отдельных стран и в особой функции, присущей кредитной экономике, ориентированной на рыночные принципы.

Центральным правовым актом в реализации плана единого европейского банковского рынка является Вторая

координирующая директива ЕС, которая 1 января 1993 г. была внедрена в национальное право ФРГ⁸.

В научной литературе эту директиву называют основным законом европейской кредитной экономики. Она касается единых правил для допуска кредитных институтов на общеевропейский рынок, а также текущего надзора за деятельностью кредитных институтов.

Благодаря Второй директиве упростились условия выхода на рынок представительств банков с центральным офисом в другой стране ЕС.

Ее содержание сводится к четырем основным принципам:

- взаимного признания наблюдательных норм;
- общеевропейского единого доступа;
- контроля текущей деятельности банка его страной или контроль страны происхождения;
- минимальной гармонизации.

Директива о потребительском кредитовании, которую можно назвать второй по степени значимости, была разработана для улучшения качества кредитных услуг, предоставляемых

банками Германии и иными странами Европейского союза.

Следует отметить, что политика ЕС в отношении потребителей основана на двух целях, поставленных Европейской комиссией: модернизации европейской экономики и обеспечении высокого качества жизни граждан Союза⁹.

С точки зрения европейских правоведов, “потребитель – это совершеннолетнее информированное лицо, которое может самостоятельно принимать решения, вступать в договорные отношения и нести ответственность за последствия своих действий”¹⁰.

Благодаря Амстердамскому договору потребительская политика получила статус самостоятельной политики Евросоюза¹¹.

Работу над Директивой специально созданная комиссия начала в 1974 г. Эта работа опиралась на широкий круг социально-правовых исследований и шла параллельно с рассмотрением нового законопроекта “О потребительском кредите” во Франции, который был принят в 1978 г.

В марте 1979 г. Европейская комиссия представила на утверждение “Предложение совета директивы для выравнивания правовых и административных предписаний для государств-участников ЕС в сфере потребительского кредитования”.

Самым спорным моментом в Предложении оставался вопрос о методе вычисления эффективных годовых процентов.

Согласие относительно единой математической формулы для вычисления годовых процентов было достигнуто только в 1998 г.¹².

Директива о потребительском кредитовании опирается на ст. 100 договора (ЕЭС), который в уточнение ст. 3 содержит генеральные полномочия для издания Директив, “которые непосред-

ственно влияют на установление или функционирование общего европейского рынка”.

Признаками общего европейского рынка являются открытые внутренние рынки и равноправие их участников, свободное экономическое движение людей, товаров, услуг, капитала.

Измененная Директива опирается на введенную в июле 1978 г. ст. 100 договора ЕЭС и нивелирует существовавшие до того различные правила государств-участников, непосредственно влиявшие на общий рынок и тормозившие конкуренцию.

Следует учитывать, что при принятии положений Директивы органы Европейского союза действуют по принципу ограниченных единичных полномочий. Распределение правовых полномочий между органами ЕС происходит по признаку функциональной компетентности.

Следует отметить, что рассматриваемая Директива имеет цель поддержание равенства конкуренции между кредиторами стран-участников Союза в создании общего рынка потребительского кредита.

В преамбуле программы ЕС по политике защиты потребителей упоминается “защита потребителей как цель директивы”.

Благодаря наличию обширной правовой информации и запрету на противоречание закону условия предоставления кредита потребитель может свободно выбирать между предложениями банков из разных стран ЕС, не опасаясь возможного нарушения своих прав. Тем самым, как представляется, поддерживается конкуренция и обеспечивается интеграция на рынках предоставления кредитов населению.

К сфере применения Директивы по кредитованию относятся такие договоры, в которых заемщик предоставляет потребителю кредит в форме отсрочки

платежей, ссуд и другой подобной финансовой помощи.

Согласно ст. 1а, потребителем является “каждое физическое лицо, которое действует для достижения целей, которые не могут относиться к профессиональной деятельности”.

Это определение дословно содержится и в других директивах ЕС, но единого понятия потребителя как субъекта европейского права на сегодняшний момент не существует.

Кредитором, в соответствии со ст. 1б, является “любое физическое или юридическое лицо, которое при выполнении своей трудовой деятельности предоставляет кредит”¹³.

Степень защиты потребителя при получении кредита определяется наличием у потребителя достаточной информации.

Так, ст. 4 Директивы предписывает письменную форму договора для получения кредита и минимальное содержание этого документа. Дополнительно существует приложение к Директиве с примерным перечислением подобных данных, которые рассматриваются как существенные условия договора. Ст. 3

требует указания эффективных годовых процентов в рекламе и любом упоминании потребительских кредитов в общественности, в то время как ст. 6 устанавливает необходимые минимальные данные и информационные обязанности для кредита.

В определенных случаях, указанных в ст.ст. 7, 8, 9, 10, 11 Директивы, предусматривается материальная защита потребителя.

Более подробная разработка поставленных Директивой задач обеспечивается актами национального права.

Государства-участники ЕС обязаны соответствующими предписаниями, опирающихся на текст Директивы, обеспечить защиту потребителя.

В ст. 12 установлено обязательство государств по обеспечению эффективного надзора над кредиторами, который может осуществляться путем выдачи обязательного разрешения, создания специальных независимых учреждений, осуществляющих контроль за деятельностью кредитных учреждений.

Ст. 14 запрещает договорные изменения Директивы, приводящие к ухудшению положения потребителя.

Трансформация законодательств стран ЕС под влиянием Директивы

Согласно ст. 189 Договора об образовании Европейского экономического союза, изданные директивы должны применяться в национальном праве. Цель, закрепленная Директивой, является общеобязательной. Государства-участники ЕС вправе самостоятельно определять форму и средства имплементации Директивы.

Понятие договора потребительского кредита раскрыто в ст. 11 Директивы максимально полно, что способствует гармонизации национальных предписаний.

Принятый в ФРГ Федеральный Закон “О потребительском кредите”

опирается на положения, установленные Директивой. По мнению П.Бюлова, “на его примере четко прослеживается внедрение норм европейского права в области банковского регулирования в национальное законодательство отдельного государства”¹².

Закон “О потребительском кредите” ФРГ (§ 4) вводит обязательную письменную форму для потребительских кредитов и предъявляет максимальные требования к договору; § 5 Закона охватывает только те кредиты, у которых кроме процентов по кредиту не возникает никаких дополнительных издержек.

Директива не содержит правил о последствиях нарушения формы договора. По немецкому же законодательству подобное нарушение приводит к недействительности договора.

Право отказа от участия в договоре в соответствии с п. 7 закона ФРГ “О потребительском кредите” представляет собой особый вид защиты потребителя.

Кроме того, немецким законодательством предусмотрен период, во время которого потребителю разъясняются его права и порядок расторжения договора. На протяжении всего разъяснения договор считается незаключенным.

Как правило, об отказе от договора должно быть заявлено в течение недели, в соответствии со ст. 7 Закона. Но в том случае, если кредитор не дал разъяснений по договору, отказ может произойти в течение года после вступления договора в силу (ст. 7 Закона). В этом случае полученная сумма должна быть возвращена в течение двух недель, иначе отказ от договора не считается правомерным.

В этой части право на отказ нарушает принцип “*pacta sunt servanda*” (“договоры должны соблюдаться”): в течение периода на размышление, потребитель не связан со своим волеизъ-

влением. Основанием этого, как отмечает Й.Хайман, “служит особая потребность заемщика в правовой защите”¹⁴.

Следует отметить, что изначально Директивой разрешалось принятие государствами-участниками нормы о “времени на размышление для договоров на предоставление кредита, которые касаются финансирования определенных товаров и услуг” в письменном договоре¹⁵.

Обязанность национального законодателя (ст. 7–11 Директивы) создать правила материальной защиты нашла свое отражение в ст. 13 закона ФРГ “О потребительском кредите”. Из нее следует, что аннулирование договора возможно только при просрочке платежа потребителем, причем в этом случае стороны должны опираться на ст. 346–354, 356 Германского Гражданского Уложения¹².

В соответствии со ст. 14 Закона, при досрочной выплате кредита потребителю может предоставляться частичное сокращение стоимости кредита.

Надо заметить, что это предписание применимо только к кредитам с погашением в рассрочку, тогда как для прочих видов кредита действует соответствующее правило ст. 609а Германского Гражданского Уложения.

Защита потребителя в общеевропейском и национальном праве

На европейском уровне Директива (абз. 1 ст.3) предусматривает варианты нарушений интересов потребителя.

Так, условие договора, которое не было отдельно обсуждено, должно рассматриваться как незаконное, если оно привело к неверному пониманию закрепленных в договоре прав и обязанностей сторон или к ущербу потребителя.

Этим правилом, целью которого является защита интересов частных лиц, ЕС отсылает к проведенным в 1975 и 1981 гг. программам по защите прав потребителя и по защите потребителя как третьей центральной составляющей правового выравнивания в ЕС наряду с общим публичным и общим трудовым правом.

Однако директивы ЕС, целью которых является частичная гармонизация

права государств-участников, в сфере потребительского кредита являются минимальным стандартом¹⁶.

Чтобы поднять уровень минимального стандарта, Европейская комиссия рассматривает возможность внесения в существующую Директиву изменений, которые коснутся, прежде всего, введения консультационных обязанностей для банков, расширения и законодательного закрепления общеевропейского понятия потребителя и введение генерального права на отзыв договора.

В договорном праве, регулирующем отношения между кредитором и должником, были реализованы общеевропейские стандарты.

Так, по принципу свободного выбора права, обе стороны при заключении договора вправе определять применяемое право¹⁷.

На наш взгляд, противоречие заключается в том, что с одной стороны, Директивой определяется общеевропейский стандарт минимальной защиты, достаточный для обеспечения “общего интереса”, а с другой – к ино-

странному заемщику применяется принцип страны происхождения, что может привести к неравенству в положении между ним и потребителем.

Исходя из спорности рассматриваемого аспекта, подобная мера “равного действия”, как указывает С.Конрад, используется при “наличии неотложных причин, имеющих значение для общего интереса”¹⁶.

После вступления рассматриваемой Директивы ЕС в силу у государств-участников ЕС возникла обязанность по внедрению ее предписаний в национальные правовые порядки.

Внедрение происходит или посредством принятия специального законодательного акта, или путем изменения уже существующего закона.

Следует отметить, что в определенных случаях Директива может быть объявлена актом прямого действия.

Степень соответствия немецкой правовой системы предписанным целям Директивы достаточно высока, что позволяет говорить о полном и своевременном ее внедрении в немецкое законодательство.

Выводы

1. Законодательно установлено, что любой гражданин Европейского союза может приобретать товары и услуги независимо от страны происхождения в любом месте европейского сообщества.

2. Подобные инициативы поощряют потребителя к заключению договоров за пределами правового пространства, которому он традиционно доверяет, и тем самым укрепляют общеевропейский рынок.

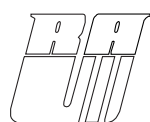
3. Умеренное правовое соответствие в сфере защиты прав потребителя в кредитовании может привести к плодотворной работе кредитных учреждений Германии и иных стран Евросоюза.

Одновременно с этим необходимо усиление гарантий, направленных на сохранение особенностей национальных правовых порядков, поскольку зачастую предписания европейского права с трудом интегрируются в национальную правовую систему.

4. Обязательные правовые предписания, содержащиеся в Директиве ЕС, применяются в Германии на настоящий момент наиболее полно и корректно. Так, немецким законодателем расширены сферы применения и объем права потребителя на отказ от договора.

Примечания

- ¹ *Assies P.H., Beule D., Heise J., Strube H.* Handbuch des Fachanwalts: Bank – und Kapitalmarktrecht. Luchterhand (Hermann), 2007. S. 403.
- ² *Derleder P.* Handbuch zum deutschen und europäischen Bankrecht. Springer, 2004. S. 29.
- ³ *Worms A.* Monetary Policy Transmission and the Financial System in Germany // Krahnen J.P. und Schmidt R.H. (Hrsg.). The German Financial System. Oxford, 2004. P. 62–74.
- ⁴ *Goergens E., Ruckriegel K., Seitz F.* Europäische Geldpolitik. 4. Auflage. Stuttgart, 2004. S. 18.
- ⁵ *Beck H., Samm C.-T.* Gesetz über das Kreditwesen. Loseblatt-Kommentar. München, 2004. S. 11.
- ⁶ *Bellavite-Hovermann, Y., Hintze S., Luz G., Scharpf P.* Handbuch Eigenmittel und Liquiditaet nach dem KWG. Stuttgart, 2001. S. 18
- ⁷ *Boos K.-H., Fischer R., Schulte-Mattler H.* KWG. 2. Auflage. München, 2004. S. 74.
- ⁸ *Matjeka M.* Vorschriftenammlung Europarecht. Stuttgart, 2007. S. 40–51.
- ⁹ *Schmidt M.* Verbraucherschutz im Bürgerrecht: die Anwendbarkeit deutscher und europarechtlicher Vorschriften des Verbraucherkredit – und Haustürwiderrufsrechts. Nomos-Verl.-Ges., 2003. S. 110.
- ¹⁰ *Ultsch M.L.* Der einheitliche Verbraucherbegriff: §§ 13, 14 BGB: nationale Vereinheitlichung im Lichte europäischer Vorgaben. Nomos, 2006. S. 115–120.
- ¹¹ *Bergmann J., Lenz C.* Der Amsterdamer Vertrag. Omnia, 1998. S. 164.
- ¹² *Bulow P.* Heidelberger Kommentar zum Verbraucherkreditrecht. Müller, 2006. S. 258, 244, 351–355.
- ¹³ *Martis R.* Verbraucherschutzrecht: Verbraucherkredit – und Fernabsatzrecht. Beck, 2005. S. 173–182.
- ¹⁴ *Heimann J.* Zwingender Verbraucherschutz und Grundfreiheiten im Bereich der Finanzdienstleistungen Verl. Versicherungswirtschaft, 2005. S. 30–31.
- ¹⁵ *Calliess G.-P.* Grenzüberschreitende Verbraucherverträge: Rechtssicherheit und Gerechtigkeit auf dem elektronischen Weltmarktplatz. Mohr Siebeck, 2006. S. 92.
- ¹⁶ *Conrad S.* Das Konzept der Mindestharmonisierung: eine Analyse anhand der Verbraucher-vertragsrichtlinien, Nomos-Verl.-Ges., 2004. S. 208, 240.
- ¹⁷ Europäische Zentralbank, Entwicklungen bei EU-Rahmen für die Finanzmarktregulierung, – aufsicht und – stabilität. Monatsbericht, November 2004. S. 89.

**ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Политика Ирана в Закавказье

Семед Семедов,
кандидат философских наук

Образование трех независимых государств на Кавказе после распада СССР создали Ирану благоприятные условия для продвижения своих интересов в регионе.

С начала 90-х годов “наблюдается тенденция к активизации усилий соседних стран дальнего зарубежья по различным каналам на Кавказе и в Центральной Азии”¹. Причем продвижение идет как по линии освоения информационно-идеологического пространства мусульманских районов Кавказа, так и по пути наращивания своего экономического присутствия в Закавказье.

Иран, также как и Турция, традиционно считал Россию основной угрозой своей территориальной целостности и независимости. До 90-х годов XX в. Турция и Иран определяли свою внешнеполитическую стратегию в рамках конфронтации между СССР и Западом.

В 90-е годы произошел фундаментальный сдвиг в основах мироустройства. “Эти сдвиги связаны прежде всего с тем, что с политической карты Евразии исчезло государство, занимавшее (в терминологии Х.Макинтера) “материковую сердцевину мира (*the Heartland*)”. Это изменило все основные геополитические определения на Евразийском суперконтиненте... Данные сдвиги в наибольшей степени коснулись государств и народов Центральной Азии и Кавказа, а в ряде случаев прямо-таки ударили по ним”².

Чтобы не допустить возвращения России в клуб великих держав, один из идеологов американского гегемонизма З.Бжезинский предлагал (1994 г.) следующее: стратегия США в Евразии должна состоять в “поощрении геополитического плюрализма на территории бывшего Советского Союза” независимо от того, в каком направлении пойдет развитие новой демократической России³.

Это был недвусмысленный призыв к “балканизации” территориально-государственных образований Кавказа и Центральной Азии. Это необходимо учитывать при анализе международных отношений на Кавказе. При этом политика Ирана на Кавказе зависит, в том числе, и от политики США в регионе.

В целом есть 5 основных факторов, которые ограничивают деятельность Ирана на Кавказе:

- стремление Соединенных Штатов ограничить влияние Ирана в регионе;
- сильная конкуренция региональных игроков;
- внутренние кризисные конфликты на Кавказе;
- слабость экономического потенциала Ирана для активного участия в больших региональных проектах;
- особые трудности Ирана в кавказском регионе.

Анализ этих факторов показывает, что все они связаны с “тяжелой тенью политики над экономикой”, то есть “экономические принципы и относительные преимущества в этих проектах имеют подчиненное значение. Лозунги звучат под мотивами стратегических условий и национальной безопасности, но часто эти лозунги необоснованны и не совпадают с экономическими показателями”⁴.

Внешнеполитическая доктрина Ирана

С изменением баланса сил на Среднем Востоке и обострением борьбы за энергоресурсы Персидского залива и Каспия Иран стал одной из “горячих точек” международной политики. Во многом это положение обусловлено стремлением Тегерана к обладанию ядерным оружием.

После Исламской революции (1979 г.) Тегеран сформировал ряд принципов своей внешней политики.

Тогда главным врагом был признан Запад в широком смысле этого слова, а США и Израиль – в узком.

В перечне противников также находились консервативные арабские режимы, однако противостояние с ними основано не на политике, как таковой, а на религии: на противостоянии шиитской версии Ислама (в Иране) и суннитской (в большинстве арабских государств). Иран никогда не налаживал отношения, основываясь на принципе “мусульманской солидарности”, он поддерживал и поддерживает только группировки единоверцев-шиитов.

СССР иранские лидеры долгое время считали “малым Сатаной” (за действия в Афганистане), однако никогда не переносили свою критику в сферу реальной политики – они воспринимали Москву как эффективный “противовес” США.

На международной арене Иран стремится к быстрейшему разрешению проблем в отношениях с различными странами и проводит политику, направленную на активизацию сотрудничества.

Прежде всего он ставит следующие задачи:

- решение Каспийской проблемы;
- развитие сотрудничества с арабскими странами, государствами Центральной Азии и Кавказа;
- развитие отношений с Россией, странами Европы и США.

Становясь решающей силой в регионе Персидского залива, Исламская Республика Иран (ИРИ) выступает как главный выразитель интересов исламского мира в борьбе Палестины против Израиля. Поэтому в урегулировании арабо-израильского конфликта все более будет приниматься в расчет позиция Тегерана, для которого это может стать важным рычагом давления на США.

ИРИ проводит политику консолидации со странами арабского мира, в том числе активизирует отношения с Саудовской Аравией, с которой подписан договор о безопасности; возобновляются дипломатические отношения с Алжиром; наметились тенденции к восстановлению отношений с Египтом.

Одним из приоритетных направлений внешней политики Ирана является кавказское. С традиционными соперниками в регионе – Россией и Турцией – в данный исторический период Иран находит все больше точек соприкосновений. Во главу угла своей кавказской политики Исламская Республика ставит прагматичные, в первую очередь, экономические цели. Политика Ирана “не вступает в противоречие с национальными интересами России”¹.

Главное в кавказской политике Ирана – не допустить усиления пози-

ций нерегиональных держав на Кавказе, прежде всего США и Израиля.

Несмотря на то, что Иран продолжает оставаться клерикальной страной с официально закрепленными конституцией формами государственного устройства, дающими большие полномочия религиозным структурам, продолжается активная либерализация общества. Теория экс-президента М.Хатами (с 1997 г. по 2005 г.) “диалог цивилизаций” остается одной из важнейших составляющих иранской внешнеполитической доктрины⁵.

В настоящее время во внешнеполитической стратегии, с одной стороны, возрастает роль принципа экономической целесообразности, а с другой – “религиозное начало и политика в исламе неразрывны...”. “Внешняя политика Тегерана осуществляется под постоянным координированным воздействием таких факторов, как религиозная идеология, выраженная в концепциях имама Хомейни, и практика международного сообщества⁶.”

В Иране существует уникальная система государственного управления.

Согласно конституции страны*, избираемый на прямых общенациональных выборах президент страны** имеет намного меньше власти, чем Верховный Лидер (ныне Аятолла Али Хаменеи, сменивший творца Исламской революции Аятоллу Рухоллу Хомейни).

Верховный Лидер возглавляет Высший Религиозный Совет Ирана, является главнокомандующим войсками Ирана и Корпуса Стражей Исламской Революции, контролирует вооруженные силы и спецслужбы, один имеет право объявлять войну, назначать руководителей судебной системы, ру-

ководителей государственных радио и ТВ и т.д. Его представители работают на всех уровнях и во всех эшелонах власти.

Поэтому Верховный Лидер имеет право вмешиваться практически во все вопросы государственного управления.

Президент Ирана назначает главу МИД (ныне его возглавляет Манучехр Моттаки) и главу специального органа – Высшего Совета Национальной Безопасности, который отвечает за фундаментальные принципы внешней политики. Совет до недавнего времени возглавлял известный дипломат (главный переговорщик по ядерным вопросам) Али Лариджани. Совет подчиняется Аятолле Али Хаменеи, который может заблокировать решения, принятые Советом, или предложить иные варианты.

Кроме Высшего Совета Национальной Безопасности, в выработке внешней политики Ирана участвуют и иные властные структуры.

В первую очередь – это парламент (маджлис), который одобряет (или не одобряет) международные соглашения и контракты. Решения маджлиса могут быть оспорены Советом Стражей Исламской Революции, который состоит из 6 консервативно настроенных юристов и 6 религиозных деятелей (назначаются Верховным Лидером). Совет имеет право накладывать вето на законы и любые иные решения парламента.

Другой орган власти – Консультативный Совет – является арбитром в спорах между маджлисом и Советом Стражей Исламской Революции. Консультативный Совет, полномочия которого в последние годы были значительно расширены, ныне возглавляет бывший президент Ирана Али Хахеми Рафсанджани, которого многие исследователи называют “серым кардиналом” иранской внешней политики.

Один из важных акторов в структуре власти ИРИ является – Корпус Стражей

* Конституция Исламской Республики Иран была принята в 1979 г., в 1989 г. в нее внесены некоторые изменения.

** В настоящее время президент страны Махмуд Ахмадинежад – первый с 1989 г. президент не мулла.

Исламской Революции, который активно действует в сфере бизнеса, производства и торговли вооружениями, занимается разведкой. Он также поддерживает контакты с иностранными структурами, которые многие государства считают террористическими (ливанская "Хезболла" и радикальные шиитские организации в Ираке).

Корпусом руководят люди, весьма далекие от либеральных идей – это религиозные консерваторы, назначенные на свои посты на основании двух главных критериев: личной преданности Верховному Лидеру и организаторских способностей.

В таких условиях внешняя политика Ирана часто выглядит весьма противоречиво, поскольку ее организаторы периодически не способны придти к компромиссу. В маджлисе заседает достаточно много либеральных депутатов, весьма критично настроенных по отношению к консерваторам.

Так, в 2006 г. Али Лариджани сделал несколько заявлений об исключительно мирном характере ядерной программы Ирана.

После этого последовало выступление Ахмадинежада, который призвал к уничтожению Израиля.

Еще через несколько дней выступил Аятолла Хаменеи, который поправил президента, указав, что Иран выступает против применения силы в отношении иных государств.

Многие аналитики отмечают, что президент Махмуд Ахмадинежад не имеет заметного влияния при формировании внешней политики Ирана.

Его громкие заявления не только настроили против него многие страны мира, но и вызывают недовольство у иных влиятельных руководителей Ирана.

Ахмадинежад за время своего президентства сделал ряд внутривластных шагов, которые также были крайне негативно восприняты иранской элитой, в том числе и членами его собственной партии (в результате, маджлис заблокировал три кандидатуры министров, предложенных президентом).

Немецкий автор Карл Гробе отмечает, что "при Махмуде Ахмадинежаде внешняя политика Ирана стала агрессивнее. Тегеран стремится к статусу великой державы, при этом делает ставку отнюдь не только на дипломатические средства"⁷.

Внешняя политика ИРИ строится на достаточно высоком и стабильном экономическом потенциале.

Цель Ирана в экономической сфере – стать важнейшей транзитной страной и обеспечить себе долю каспийских углеводородных ресурсов.

Укрепление нефтегазовой отрасли иранской экономики, более эффективная эксплуатация старых нефтегазовых месторождений, а также открытие новых, приток иностранных инвестиций и высокая заинтересованность в развитии этой отрасли не только иранских, но и зарубежных компаний, включая американские, – все это создает благоприятные условия для ускоренного развития иранской экономики.

Еще в ноябре 1998 г. США отказались контролировать сделки американских компаний с Ираном в области нефтехимической промышленности.

В 2002 г. исполнительные директора трех крупнейших американских нефтяных компаний провели переговоры с министром иностранных дел Ирана для обсуждения перспектив совместного сотрудничества.

Одна из крупнейших американских компаний в нефтяном бизнесе "Халлибертон", возглавлявшаяся нынешним вице-президентом США Д.Чейни (до его назначения на эту должность), открыла свое торговое представительство в Тегеране, способствовала продвижению и разработке некоторых проектов с участием западных компаний в Иране.

В ближайшей перспективе, особенно с введением в эксплуатацию новых транспортных маршрутов, разработкой новых месторождений нефти и газа, следует ожидать активизации экономического присутствия США в Иране.

Это не замедлит сказаться на усилении роли Ирана в регионе.

Следует также отметить, что иранский маршрут транспортировки нефти с Каспия является одним из выгоднейших, что ясно понимают и в американских деловых кругах.

В условиях, когда позиции России, Azerbaijan, Казахстана по правовому статусу Каспия и освоению каспийских месторождений сближаются, Иран ведет крайне гибкую и не всегда предсказуемую политику по данному вопросу.

Иран и государства Закавказья

Отношения ИРИ с тремя южно-кавказскими странами неоднозначны, хотя Иран на протяжении веков имел и имеет тесные экономические и культурные связи с народами Закавказья.

Исламская Республика Иран и три закавказские республики проводят в регионе политику, исходя, прежде всего, из своих национальных интересов.

Кроме того, в кавказском регионе сплелись интересы многих стран: России, Турции, США. Поэтому вектор региональной политики каждой из этих стран определяется множеством факторов, порожденных особенностью двусторонних и многосторонних отношений в кавказском регионе: Azerbaijan – Иран – Россия – США – Турция – Армения – Грузия.

Невозможно, анализируя отношения любых двух из этих государств, не учитывать характер всего комплекса их связей на этом региональном политическом поле.

В настоящее время Иран играет на повышение своих и без того не слабых акций в регионе и использует свой потенциал, чтобы стать очень влиятельным.

Иран на Южном Кавказе придерживается политики “осторожности и

Исследовательская корпорация *RAND* пришла к выводу, что “иранская внешняя политика слишком сложна для простых оценок и прогнозов”.

Однако на протяжении последних десятилетий ее движущимися силами являются два основных принципа:

- во-первых, “идеологический” – распространение Исламской революции,

- во-вторых, “реалистический” – защита территориальной целостности Ирана и обеспечение экономических интересов страны⁸.

терпеливости”, которая характеризует-ся последовательным сочетанием зрелости и мудрости и является показателем иранского прагматизма.

В качестве внешнего фактора, определяющего иранскую позицию на Южном Кавказе, рассматривается пересечение конкурирующих интересов в регионе. Это столкновение интересов: США, стран-членов Евросоюза, России, которая в качестве самого близкого и сильнейшего игрока только подталкивает Иран к активным действиям.

Следует учитывать, что в контексте потенциального ирано-американского конфликта Южный Кавказ представляет значительную большую опасность для Исламской Республики, чем страны, расположенные к востоку от Каспийского моря. Если из 5 центрально-азиатских республик лишь Туркменистан граничит с Ираном, то на Кавказе он имеет общую границу с Azerbaijanом (611 км) и Арменией (35 км).

Более того, Северный Иран и соседний Azerbaijan, образуют единое этнокультурное пространство – исторический ареал расселения азербайджанского этноса. С начала 90-х годов Баку (открыто или скрытно) покровительствует активистам сепаратистского

движения иранских азербайджанцев. Общая граница, связывающая эти два государства, расселение по обе ее стороны представителей одной нации, а также традиционные трения между Баку и Тегераном создают благоприятные условия для использования “азербайджанской карты” для дестабилизации обстановки в Иране.

Политолог из Московского центра Карнеги А.Малашенко считает, что говорить о лидирующей роли Тегерана на Южном Кавказе преждевременно. “Думается, у Тегерана на южно-кавказскую экспансию нет того объема средств, как у Запада или у России. А еще для подтверждения лидерских амбиций в регионе ему предстоит занять более внятную позицию по Нагорному Карабаху”⁹.

ГРУЗИЯ. Отношения Ирана с Грузией можно охарактеризовать как прохладные. Тегеран, конечно, не может устраивать стремление президента Грузии М.Саакашвили к тесному союзу с США. В своей внешней политике Тбилиси ориентируется исключительно на Вашингтон. Об этом красноречиво свидетельствуют события последних 4 лет.

Несмотря на свое стремление покончить с энергетической зависимостью от России, под давлением американцев Саакашвили отказался от импорта иранского газа. В настоящее время грузинская территория рассматривается Пентагоном как наиболее подходящий плацдарм для воздушных операций ВВС США в случае военного конфликта с Ираном. Вследствие обострения отношений с Москвой и отказа от сотрудничества с Тегераном Тбилиси почти лишил себя возможности отказать Вашингтону в использовании грузинских аэродромов.

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИРАНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ. По Гюлистанскому договору 1813 г., подписанному Российской Империей и

Персией, азербайджанцы оказались разделены между двумя державами. Причем большинство этнических азербайджанцев проживает на территории Ирана.

По оценкам специалистов, их число в этой стране достигает 17–18 млн. чел. (порядка 20–25 % населения).

Некоторые источники приводят цифры от 16 (*CIA World Factbook*) до 35 млн. иранских азербайджанцев. В самом Азербайджане проживает – около 8 млн.

Азербайджанцев и персов объединяет не только территориальная близость, но и религия: те и другие исповедуют шиизм, что, естественно, оказало влияние на формирование схожих нравов и обычаев.

Многое притягивает Иран и Азербайджан друг к другу, но многое и отталкивает. Так, уникальность азербайджанского сознания состоит в сочетании шиитской ментальности (объединительный фактор) и собственно тюркской национальной основы. Последнее и есть камень преткновения между Ираном и Азербайджаном.

Безусловно, в настоящее время этно-религиозные факторы сказываются на развитии межгосударственных отношений Азербайджана и Ирана. Однако масштаб политико-экономических и военных проблем в регионе и, в частности на Кавказе, настолько велик, что сегодня эти факторы можно назвать лишь сопутствующими, но не решающими.

В современной политической ситуации азербайджанское руководство вынуждено маневрировать между странами, соперничающими за влияние на Южном Кавказе. С одной стороны, Азербайджан зажат с юга и севера крупными региональными державами: Россией и Ираном. Оба соседа имеют массу возможностей дестабилизировать ситуацию в республике, в частности используя сепаратистские настрое-

ния лезгин на севере и талышское меньшинство, а также проиранские исламские элементы на юге.

Эта угроза заставляет Баку постоянно считаться с пожеланиями Москвы и Тегерана.

В целом отношения Баку и Тегерана осложняют три проблемы:

- позиция Ирана по Карабаху;
- нерешенность вопроса о правовом статусе Каспия (здесь по многим позициям стороны придерживаются разных позиций);
- “религиозная проблема”¹⁰.

С другой стороны, коммерческие интересы азербайджанской правящей элиты тесно завязаны на западные, в частности американские, нефтяные компании, что, в свою очередь, обеспечивает США влияние в республике.

Хотя Белый дом не заинтересован в дестабилизации в Азербайджане (что особенно продемонстрировала американская реакция на ноябрьские выборы в местный парламент), но он в любой момент может изменить свою позицию.

Если И.Алиев окажется слишком несговорчивым и наотрез откажется сотрудничать с Пентагоном на иранском направлении, Вашингтон имеет возможность активно поддерживать азербайджанскую прозападную оппозицию по методике уже испробованной в других странах СНГ.

Президент Азербайджана реально оценивает угрозы, исходящие как от ближайших соседей, так и заокеанских партнеров. Ключевые фигуры в азербайджанском правительстве утверждают, что территория республики “не может быть использована для гипотетического нападения США на Иран” (глава Минобороны Сафар Абиев), и “этот вопрос не стоит и не может стоять на повестке дня” (глава МИД Эльмар Мамедьяров). В это же время,

иранский посол в Баку Афшар Сулеймани заявил, что Тегеран “полностью доверяет заверениям азербайджанского руководства о невозможности использования территории республики в военных действиях против Ирана”. Если такая уверенность абсолютна, то не было бы и необходимости говорить об этом публично.

АРМЕНИЯ И ИРАН. Ирано-армянское партнерство обусловлено конфронтацией Еревана с Баку и Анкарой.

Значение связей с Ираном продиктовано для Армении, в первую очередь, перспективой покончить с зависимостью от энергоснабжения из России через грузинскую территорию. Сейчас эта задача является одной из самых приоритетных. Кроме того, стратегическое партнерство с Ираном ощутимо укрепляет позиции Армении в Карабахском конфликте.

В региональной стратегии Тегерана важность связей с Ереваном обусловлена взаимодействием в области безопасности.

Особенно это касается стремления иранского руководства предотвратить распространение американского военно-политического влияния на Южном Кавказе. В этом вопросе главной опорой Исламской Республики с армянской стороны являются представители армейского командования. Они, в свою очередь, видят в иранцах ценного союзника на случай возобновления военных действий с Азербайджаном (если переговорный процесс окончательно потерпит фиаско).

Однако политическое руководство Армении предпочитает ограничить свои отношения с Ираном вопросами энергетического и торгового сотрудничества. Официальный Ереван вовсе не желает выглядеть союзником Тегерана на фоне растущей критики в адрес иранской ядерной программы со стороны США и Евросоюза.

Действия Москвы, в частности ее решение с апреля 2007 г. повысить цену на газ, экспортируемый в республику, заставляют Ереван искать для себя новых внешнеполитических партнеров. В такой ситуации естественным выбором должно было бы стать еще большее укрепление партнерских отношений с Ираном. Однако многие представители армянского истеблишмента опасаются, что в таком случае Ереван рискует остаться ни с чем. Если военный конфликт между США и Исламской Республикой все-таки произойдет, и при этом Армения не отвернется от своего южного соседа, то в результате она пострадает вдвойне. С одной стороны, ухудшатся ее отношения с Западом, а с другой – настанет конец всем совместным армяно-иранским проектам, и, в первую очередь, армянским планам по обретению энергетической независимости от России.

На этом фоне, Тегеран вполне обоснованно опасается, что сложившейся ситуацией воспользуются Соединенные Штаты. Гарантируя армянам экономическую помощь и поддержку в Карабахском вопросе, американцы могут попытаться перетянуть их на свою сторону накануне иранской кампании. Опасения Тегерана подкрепляются сведениями об активизации, в последние месяцы, ряда влиятельных представителей армянской диаспоры в США, выступающих за переориентацию Еревана на Вашингтон.

И все-таки из всех трех закавказских республик наиболее тесные отношения сложились у мусульманского Тегерана с христианским Ереваном. Здесь играют свои роли не только экономические причины, но и прагматично политические. Иран и Армения находятся в определенной изоляции (в силу разных причин), настороженно относятся к Турции, в частности обеспокоены идеями пантюркизма. Все это

сближает две страны. Со стратегической точки зрения Армения, в представлении Ирана, – более чем просто соседнее государство, имеющее с ней исторически сложившиеся хорошие отношения обладающее влиянием среди армян, проживающих в Иране. Иран видит Армению в качестве “государства-товарища” в осаде, также изолированную и нуждающуюся в преодолении внешнего давления.

Еще один элемент иранского подхода заключается в том, что в геополитической перспективе связь Ирана с Арменией видится как тактический противовес влиянию Запада, или США.

Иран в течение длительного периода после образования новых независимых государств на Кавказе старался противостоять Турции как американского регионального доверенного лица. Однако после вмешательства США в проблемы Южного Кавказа иранская стратегия сфокусировалась на открытом противостоянии с Соединенными Штатами.

В свою очередь Армения проводит осторожную политику в отношении Ирана. При этом правительство Армении ужесточило контроль над экспортом и защитой государственных границ, а также начала тесно сотрудничать с США по нераспространению ядерного оружия.

АРМЕНИЯ – ИРАН – АЗЕРБАЙДЖАН. С расширением военной деятельности и присутствия США в регионе (включая Центральную Азию) после 11 сентября Иран ощущает большую необходимость в укреплении связей с Арменией и улучшении отношений с Азербайджаном. Грузия вычеркнута из списка, так как более тесно связана с Западом, а также в силу недостаточности иранского влияния в республике и отсутствия рычагов.

Интенсификация сотрудничества Тегерана и Еревана была воспринята без

энтузиазма в Баку, что понятно, а также в приграничных с Азербайджаном районах Ирана, населенных азербайджанцами. Заключенные в ходе недавнего визита Махмуда Ахмадинежада в Баку энергетические соглашения, по мнению экспертов, снизят подобный протестный накал.

В дни, когда иранский лидер был в Азербайджане, в Ереван на церемонию открытия четвертых Панармянских игр прибыл влиятельный вице-президент Ирана Мухаммад Али Абади, что также, по оценке наблюдателей, может служить демонстрацией равновекторного подхода Тегерана к соседям.

Тем не менее, Иран является ключевым партнером в ходе изменений в обеих странах. Вероятно, самым важным вопросом является возможность соединения двух регионов: Южного

Кавказа и Ближнего Востока, каждый из которых сталкивается с чрезвычайными геополитическими изменениями в краткосрочный и среднесрочный периоды.

Иран пытается совершить ряд опережающих шагов для того, чтобы нейтрализовать потенциальную политическую и военную угрозу на своих северных границах.

Иран реально заинтересован в сохранении статус-кво как в регионе в целом, так и в Нагорно-карабахском конфликте. Главная его цель – не допустить иностранного военного присутствия в этой зоне. Для этого Тегеран может использовать все свои возможности, чтобы воспрепятствовать расширению американского военного присутствия на Южном Кавказе и в Каспийском бассейне, в частности.

Иран и Россия на Кавказе

Отношения Ирана с Россией имеют давнюю историю.

Во время ирано-иракской войны, когда Иран, который не мог более получать вооружения от своих традиционных поставщиков – стран Запада – начал закупки советского оружия.

После распада СССР Иран старался использовать Россию для противостояния доминированию США.

Иран, как Россия, Китай и Индия, воспринимает однополярный мир весьма негативно и пытается участвовать в создании нового баланса сил.

Сотрудничество Москвы и Тегерана, однако, не привело к особо заметным результатам, поскольку Россия подозрительно относится к региональным амбициям Ирана и его поддержке исламских движений. Со своей стороны районы Ирана, находящиеся вблизи

границ России, многонациональны, поэтому Иран пытался не поддерживать выступления сепаратистов в соседних государствах, чтобы не спровоцировать проблемы на своей территории. Показательно, что Тегеран никогда не критиковал Россию за действия в Чечне.

Тем не менее, между двумя странами сохраняются зоны потенциальных конфликтов. Иран не готов принять расширение российского влияния в постсоветских государствах. Кроме того, Иран и Россия имеют различные экономические интересы.

Оценивая российско-иранские отношения член научного совета Московского центра Карнеги А.Малашенко считает, что "в интересном положении оказывается Россия, поддерживающая Иран по многим вопросам и при этом получающая сильного конкурента в этом регионе".

Таким образом, внешняя политика Ирана направлена на расширение влияния страны в регионе и мире, на укрепление отношений с ведущими государствами Европы, Ближнего Востока, Россией, Китаем, Японией и другими странами.

Иранское руководство во главе с президентом М.Ахмадинежадом, очевидно, пока не готово окончательно сформулировать новые приоритеты своей закавказской политики. Одним из фундаментальных постулатов внешнеполитической стратегии ИРИ в Закавказье и Центральной Азии является недопустимость вмешательства внешних игроков (прежде всего США) во внутренние дела региона.

Иран “с дружественных позиций” относится к соседним государствам Центральной Азии и Кавказа и твердо верит в установление в регионе мирного совместного сосуществования. При этом важными аспектами этого сосуществования являются укрепление стабильности и безопасности в регионе. Этим вопросам иранские неоконсерваторы будут уделять повышенное внимание, особенно в части разработки механизмов совместного противостояния терроризму, экстремизму, наркотрафику и контрабанде. В данном контексте Тегеран стремится наращивать взаимодействие в рамках многосторонних структур, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой Иран имеет статус наблюдателя и через которую получает возможность взаимодействовать с многосторонними объединениями СНГ (ОДКБ, ЕврАзЕС).

Главным залогом успешного развития стран региона иранская сторона считает поиск внутренних ресурсов для политического, социально-экономического, культурного развития Центральной Азии и Кавказа, что позволит увеличить степень взаимной интеграции и выйти на новый уровень формирования региональной системы безопасности. Для решения этой задачи, считает иранское руководство, необходимо преодолеть три основные угрозы: вмешательство внерегионалов, терроризм и наркотрафик.

Иранское руководство непременно подчеркивает “важный статус” Тегерана в регионе в существующих геополитических и геоэкономических реалиях. Этот тезис, безусловно, распространяется и на регионы Центральной Азии и Кавказа.

Примечания

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. С. 331, 334.

² Максименко В. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3. С. 64.

³ Brzezinski Z. The Premature Partnership // Foreign Affairs. Vol. 73. 1994. No. 2. P. 79.

⁴ Мешкин Г.Н. Проблемы и упущенные моменты активности Исламской Республики Иран в Центральной Азии и на Кавказе // www.analytica.org/article.history-2005122608035446

⁵ Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

⁶ Махди Санаи. Внешняя политика Ирана: между историей и религией // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. Январь-февраль.

⁷ Гробе К. Россия в качестве могущественного союзника // Frankfurter Rundschau // www.inosmi.ru/translation/223327.

⁸ Иран: внешняя политика Ирана // Информационно-аналитический портал “За рубежом”. 27.04.2002.

⁹ Сажин В. О внешней политике Исламской Республики Иран // <http://www.nr2.ru/policy/137401.html>

¹⁰ Назаров И. Азербайджано-иранские взаимоотношения сегодня и перспективы на ближайшие годы // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 5. С. 97–98.

Имидж России в зеркале зарубежных СМИ

Ольга Малеева

Имидж России как многоаспектное понятие формируется целым комплексом информационных факторов. Огромную роль играют зарубежные средства массовой информации с их колоссальным опытом и эффективными медийными технологиями. Однако направленность и концептуальные цели иностранных СМИ не всегда определяются объективными факторами, а в основном – политической волей руководителей мировых держав, интересами промышленно-финансовых кругов, которые пытаются отвести России подчиненную роль, препятствуя обретению ею собственной национальной политики.

Этим объясняется и очевидный парадокс – образ нашей страны в зарубежных средствах массовой информации, в общественном мнении Запада выглядит более негативно, чем во времена “холодной” войны, несмотря на то, что Россия признала демократические ценности Запада, стала страной с современной экономикой, сотрудничает с США и НАТО в борьбе против международного терроризма и наркотрафика, вносит значительный вклад в сохранение общей безопасности. К тому же к победе в “холодной” войне были причастны и российские демократы: как заявил бывший президент России Б.Ельцин в одной из бесед с американским президентом Б.Клинтоном, “мы вместе победили в холодной войне”¹.

Внешнеполитический курс по сближению с Западом на уровне младшего партнера был вообще стратегией Ельцина. Россия, по его словам, “должна быть частью Запада и должна как можно больше подражать Западу в своем развитии”².

Идеи Ельцина и его сторонников вызвали одобрение западных лидеров, но не влияли на изменение их позиции по отношению к России. Видные политические деятели США (Г.Киссинджер и др.) открыто заявляют, что предпочтут “в России хаос и гражданскую войну тенденции к ее объединению в сильное централизованное государство”³.

Поэтому усилившаяся в послеельциновский период политика защиты национальных интересов России, ее суверенитета вызвали резкую отрицательную реакцию США и других стран НАТО, которые тут же обвинили нашу страну в попытке “возврата к имперскому прошлому”. Поддержка антироссийских настроений в странах СНГ, сепаратистских тенденций в самой России, захват плацдармов в традиционно пророссийских регионах Центральной Азии и Закавказья, расширение НАТО на Восток – все это стало проявлением долговременной антироссийской

стратегии Запада. По всем направлениям идет жесткое американское противостояние возрождению России, ее попыткам руководствоваться национальными интересами во внешней политике.

Информационная война

Обвинения в имперской агрессивности приобрели более жесткую остроту после речи В.Путина в Мюнхене (10 февраля 2007 г.), в которой российский Президент осудил вмешательство Запада в наши внутренние дела, недружественные шаги США, связанные с планами по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе, что снижает уровень взаимного доверия. Признание рядом стран Запада независимости Косова в нарушение международного права вызвало адекватную реакцию российской стороны, открывшей свою границу с Абхазией. Последовали новые обвинения в адрес России в ее “агрессивных намерениях”.

Современный этап информационной войны против России, по оценкам экспертов, опаснее того периода, который характеризовался антисоветизмом в политике Запада⁴.

Тогда речь шла о борьбе в защиту “прав и свобод” всех народов России, в том числе русского народа. Ныне ведущаяся США и НАТО информационная война значительно расширила и углубила свои параметры и ведется не против системы, а в широком концептуальном плане против российского государства и всего российского общества, его социально-политических опор:

- против политического суверенитета России;
- против ее территориальной целостности;
- против русского народа в его широком этническом многообразии;
- против правящей политической элиты и всех ветвей власти;
- против Русской Православной Церкви.

Большинство западных СМИ, прежде всего американских и английских, фиксируя частные случаи нарушения демократии в России, стремятся, гиперболизировать их, обобщить и направить на дискредитацию страны в целом. Первыми лицами Америки (президентом Бушем и госсекретарем К.Райс) сконструирован “обвинительный” термин для нашей страны – “ускользающая от демократии Россия”, который незамедлительно был подхвачен американскими СМИ и растиражирован в других странах.

Обвиняют В.Путина и других государственных чиновников в “скольжении назад от демократии”, в нарушении гражданских прав, а свобода, о которой, мол так любят говорить в России, сводится к одному ее виду – “свободе ходить по магазинам”⁵.

Здесь явно утрированный подход, обусловленный журналистским приемом на обострение проблемы, нежели желанием адекватно отразить действительность, и направлен на понижение образа России.

В то же время представляется не объективным характеризовать всю западную прессу как предвзятую и политически заангажированную, поскольку в политическом диапазоне, в частности, США и Великобритании имеется немало журналистов и политологов, которые осуждают инсинуации против России, подчеркивают, что ее дискредитация со стороны западной прессы и политики находится на грани дискриминации по национальному признаку.

Так, британский политолог Н.Кларк убедительно развенчивает необоснованные попытки по созданию негатив-

ного образа России, когда “любое российское участие в делах соседей изображается как попытка воссоздать «империю зла»” (реанимированный термин времен “холодной” войны, брошенный в СМИ Р.Рейганом, бывшим президентом США – *Авт.*), а “любые принимаемые Путиным меры русофобы изображают как дело рук зловещего деспота”⁶.

Целью информационной войны является подтасовка и инсинуации, прежде всего американских и английских СМИ, которые стремятся:

- закрепить за Россией негативный образ;

- изолировать от цивилизованного мира;

- выдавить из Европы;

- лишить иностранных инвестиций;

- утвердить в мировом общественном мнении известный тезис З.Бжезинского “Россия – лишняя страна”;

- создать предпосылки для установления в России удобного Западу политического режима, способного выполнить волю мировых держав в осуществлении удобного внешнеполитического курса;

- предоставить им контроль над использованием энергетических ресурсов.

Западные лидеры почти откровенно заявляют о возможности применения силы против России, если она не будет в должной мере обеспечивать энергетические поставки странам НАТО и его сторонникам, поскольку запасы энергоносителей и других природных богатств, согласно их новым концепциям, являются “общечеловеческим достоянием”.

Конечная цель всего этого – вернуть Россию в состояние управляемости и распада, в котором она находилась в ельцинский период.

СМИ – эффективный инструмент формирования сознания как отдельного человека, так и всего общества. Негативный имидж нашего государства – трудно преодолимое препятствие на пути зарубежных инвестиций в российскую экономику.

Не случайно Китай по объему прямых иностранных капиталовложений занимает второе место в мире, и даже Латинская Америка получает в 10 раз больше зарубежных инвестиций, чем Россия⁴.

Таким образом, наблюдается прямая связь негативного имиджа России с ее дестабилизацией, значительными экономическими трудностями.

Оценка европейцев

Традиционной неприязнью к России выделяется Великобритания, СМИ которой как руководство к действию восприняли в 2002 г. антироссийские программные выступления бывшего премьер-министра М.Тэтчер.

В своей книге “Искусство управления государством” (2002 г.) она критикует Запад за то, что он “потерял бдительность” в обстановке, когда “ничто не ослабило конфликта между свободой и социализмом в его бесчисленных обличьях”.

В книге даны экстремистские оценки Президенту В.Путину: “Излишне приписы-

вать ему совестливость и либеральные инстинкты демократа, с тем, чтобы представить его как лидера, с которым Запад может иметь дело”⁷.

Идеи книги в той или иной мере нашли понимание у официальных властей страны, у политических партий и организаций. После этого СМИ Великобритании еще более ужесточили свое отношение к России, ее руководителям, обществу, создавая в целом искаженный, сфальсифицированный образ России.

“Россия – зловещее место, Путин – деспот”, который “восстановил власть

Кремля", утраченную Ельциным, "деспотически раздавил права всех остальных – в том числе бизнесменов, журналистов и губернаторов регионов"⁸.

Тенденциозность зарубежных СМИ по отношению к России и ее Президенту (В.Путину) играет своего рода разрушительную роль и создает фактически необъективный образ России (с элементами негативной виртуальности) и ее Президента.

Так, согласно социологическому исследованию, опубликованному Би-Би-Си 25 февраля 2008 г., Путин получил самые низкие оценки в 30 странах за вклад в демократию и права человека в России.

Наиболее низкие оценки вынесли партнеры России по G8 – США, Канада, Великобритания, Франция, ФРГ, Италия и Япония⁹.

Наша страна все чаще сравнивается с Китаем, где политическая сфера остается под жестким контролем коммунистического руководства, с непримиримым по отношению к Америке венесуэльским президентом Уго Чавесом, чилийским диктаторским правлением времен Аугусто Пиночета и пр.¹⁰.

В статьях британских СМИ на российские темы проявляется элемент конкуренции между журналистами и политологами, каждый старается обойти соперника, "открыв" нечто новое в антироссийских изысках. Манипулируя общественным мнением, пытаются создать представление о России как "ду-

шевно больном организме", вызвать недоверие к стране и народам, живущим в ней, и желание держаться в стороне от государства с непредсказуемой политикой. В рамках своей восточной стратегии английские, как и американские СМИ, продолжают активно поощрять любые виды сепаратизма в российском государстве, пытаются реанимировать чеченский очаг вооруженной борьбы, а также защищают тех российских олигархов, которые подрывают экономические устои страны, ослабляют ее политическую власть¹¹.

Западная информационная среда (английская и американская) по отношению к нашей стране становится все более агрессивной, наполняется такими выпадами, которых никогда не было в прежней период борьбы двух систем, в самые напряженные годы "холодной" войны. Широко распространенный образ России, ставший своеобразной метафорической моделью как "бандитского государства", в котором "торжествуют коррупция и порок, бесправие и репрессии"¹², а сами русские люди изображаются "экстремалами", чуждыми "культурному" Западу, жестокими и ограниченными дельцами, для которых высшим интересом являются деньги. Ради денег они "молча соглашались с восстановлением в стране тирании", обнажая таким образом "ранее не известное качество русского национального характера – алчность"¹³.

Характер русской нации

У русских, как и других народов, есть отрицательные черты, но они выражены в гораздо меньшей степени, чем у многих наций, воспитанных на протестантской этике. Не алчность, а стремление жить в достатке и по справедливости является вековым социальным стандартом русских.

Алчность действительно проявилась в последние два десятилетия у незначи-

тельного слоя высшего общества, когда в стране произошла хаотичная и аморальная приватизация государственной собственности и были за бесценно приобретены фабрики и заводы, шахты и рудники, энергоисточники, пароходства и рыболовные флотилии, телекоммуникации и т.д. Хотя, "алчными" собственниками стали "новые русские", однако большинство их получили название

“русские” не по этническому признаку, а по гражданской принадлежности и территориальному месту их пребывания. Поэтому, обобщения, делающиеся определенными зарубежными СМИ, по поводу “русских пороков”, верны лишь отчасти. Более того, некоторые западные авторы отмечают высокие черты русских, подчеркивают, что они обладают “душевными предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов”¹⁵.

О политической направленности западных СМИ в характеристиках русской нации и несостоятельности негативных оценок ее ментальных черт, тенденциозности в приписывании ей отрицательных качеств – алчности, экспансионизма, расточительности и т.п. – свидетельствует социальная обстановка в России.

Не может не быть алчности и расточительства в стране, в которой огром-

ных масштабов достигли социальные контрасты.

Примерно 5% населения владеют или косвенно распоряжаются 80% всего национального богатства.

Менее чем 100 семей олигархов владеют 92% доходов от природных богатств страны, а более чем 140-миллионный народ России – 8%¹⁴.

Заработная плата в России более чем в 12 раз ниже, чем в США, а по минимальной оплате труда (30 евро в 2007 г.) относится к числу мировых маргиналов: в Великобритании она, в частности, составляет 1273 евро.

Россия занимает последнее место в Европе и 75 в мире по обеспечению жизненного уровня населения⁷.

Сокращается продолжительность жизни, снижается численность населения, ежегодно смертность превышает рождаемость на 700–800 тыс. чел., насчитывается более 4 млн. бездомных детей и т.д.⁷.

Не все так безнадежно

Западные политики и выражающие их волю СМИ игнорируют позитивные процессы, происходящие в нашей стране, однако, находят отражение в ряде американских газет и журналов, вносящих тем самым вклад в формирование положительного международного имиджа России. Ими отличаются увеличивающееся благосостояние народа, значительный рост сферы обслуживания и возросший уровень ее культуры, изобилие продовольственных и промышленных товаров в магазинах, красиво и со вкусом одетых людей, изменившийся в лучшую сторону архитектурный облик городов.

Об этом нередко пишут даже такие газеты, как “Вашингтон пост”, “Вашингтон таймс”, а также журналисты, проработавшие в России продолжительное время и на опыте убедившиеся в определенных сдвигах в жизни рос-

сийского государства. В позитивном ключе пишут о происходящих процессах в экономике, росте валового внутреннего продукта, досрочного погашения внешнего долга уже в 2006 г.¹⁰.

Действительно ВВП страны за 2000–2008 гг. вырос на 70%; снизился уровень бедности – численность населения с доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась с 29% в 2000 г. до менее 16% в 2007 г. Высокими темпами растут финансовые возможности: в начале 2008 г. золотовалютные резервы российского Центробанка достигли почти 480 млрд. долл., стабилизационный фонд вырос до 157 млрд. долл.¹⁵.

Наряду с формированием иностранными СМИ негативного образа России, наблюдается и другая тенденция, представляющая Россию богатой и сильной страной, “помолодевшей и набирающей силу”, заслуживающей ува-

жение, и в которой нуждается Запад¹⁶. Иностранные государства, зависящие от поставок энергоресурсов России – и в перспективе эта зависимость, в силу истощения природных ресурсов, будет

возрастать, – заинтересованы в улучшении отношений с Россией, и эта политика представляется безальтернативным условием устойчивого процветания Запада.

Вполне очевидно, что на зарубежном информационном пространстве складывается неоднозначный имидж нашей страны.

С одной стороны, он в результате смешения реальных факторов с политическими вымыслами подается в неприглядном, отталкивающем виде; а с другой – имидж России под влиянием объективной информации ряда журналистов и политологов, части “независимых” СМИ, а также российских информационных средств предстает в более привлекательном виде (без черного пиара).

В результате такой информационной неоднородности зарубежная общественность не имеет четкого представления о современной России.

В этих условиях властные российские структуры и отечественные государственные СМИ должны усилить свой информационный потенциал, разработать комплекс новых, отвечающих требованиям времени политико-организационных мероприятий, финансово-экономических проектов для реального улучшения международного имиджа России.

В то же время любые информационные проекты, основанные на новейших технологиях, нуждаются в главном – наполнении материальным содержанием, реальными достижениями, прежде всего в социально-экономической сфере.

Международный имидж России возрастает, если в стране будет уменьшено огромное социальное неравенство, получит ощутимые стимулы развития демографический потенциал, преодолена сырьевая деформация экономики и будут созданы условия для устойчивого экономического роста за счет научно-технического процесса, а национальные проекты возрождения России перерастут в подкрепленную финансовым обеспечением государственные программы.

Примечания

¹ Земькович Н. Тайны уходящего века – 4. М., 2000. С. 536.

² Цит. по: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 118.

³ Проблемы развития и реформирования СНГ. Экспертный анализ по материалам круглого стола. М., 2007.э С. 9–10.

⁴ Информация, дипломатия, психология / Ответств. ред. Кашлев. Ю.Б. М.: “Известия”, 2002. С. 96, 97.

⁵ Borchgrave A.de. Using Cues of the Past // The Washington Times. 2005. May 10.

⁶ Clark N. In Bed with Russophobes // The Guardian. 2006. Dec. 4.

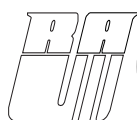
⁷ Цит. по: Шутов А.Д. Россия в жерновах истории. М.: Вече, 2008. С. 172, 355, 352, 362.

⁸ Rachman G. Neither friend nor foe, Russia tests the limits of realism // The Financial Times 2006. Dec. 5.

⁹ Независимая газета 2008. 26 февраля.

¹⁰ Baker P. Which Way Did It Go? // The Washington Post. 2006. Dec. 25.

- ¹¹ *Clark N.* In bed with Russophobes // The Guardian. 2006. Dec. 4; *Schmemmann S.* A guide to what's happening in Russia // The International Herald Tribune. 2006. Dec. 19; *Walsh N. P.* How I learned to love Vlad // The Guardian. 2006. July 31.
- ¹² *Hastings M.* Corruption, violence and vice have triumphed in Putin's Russia // The Guardian. 2006. Nov. 27.
- ¹³ Playing a dangerous game // The Economist 2006. May 11.
- ¹⁴ *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М., Русская идея. 1997. С. 308.
- ¹⁵ Независимая газета. 2008. 26 февраля.
- ¹⁶ *Sevunts L.* Vladimir the Great roiling Russia // The Washington Times. 2004. Nov. 14.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на дискете в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала, ключевые слова.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, образование, ВУЗ, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны).

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.
Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 10.04.2008. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 152.